

Лев Кассиль

Дело вкуса

Светлой памяти А.А. Амчиславской, редактора этой книги, вложившей в нее много сил и души, посвящаю.

Автор

Продолжим разговор

У этой маленькой книжки есть уже своя, пусть скромная и небольшая, но собственная история.

Лет двадцать пять назад, еще за год-другой до Великой Отечественной войны, я стал выступать с небольшими докладами и вести дружеские дискуссии о хорошем и плохом вкусе в рабочих и студенческих общежитиях, клубах больших предприятий, в старших классах школ. Продолжая эту работу в послевоенные годы, не оставляя ее и сейчас, даже значительно расширив ее рамки, я мог убедиться, что молодежь наша проявляет все больший интерес к миру прекрасного, к художественным ценностям, накопленным человеческой культурой, она все настойчивее стремится овладеть основами эстетики, чтобы глубже проникать в каждое художественное произведение и уметь правильно разбираться во всех явлениях искусства. А сейчас, когда воспитание нового человека, человека коммунистического общества, стало одной из главных наших забот, очень важно показать подрастающему поколению, как же проявляется в жизни, в искусстве, во всем нашем быту вкус хороший и вкус дурной.

Молодежь уже давно обращалась к нам, писателям, с просьбой растолковать ей вопросы, связанные с проявлением эстетического начала в повседневной жизни человека.

Неизменная отзывчивость молодой аудитории на такого рода беседы, записки, которыми она при этом засыпает докладчика, многочисленные письма с просьбой продолжить большой общественный разговор о вкусах привели меня к решению написать небольшую книжку «Дело вкуса». В ней мне хотелось поделиться с моими читателями, прежде всего с молодыми, теми мыслями о личном и общественном вкусе, которые накопились у меня в результате многолетних наблюдений и близкого общения с молодежью. Никак не считая себя специалистом по вопросам общей эстетики, я все же позволил себе сделать некоторые обобщения, которые, как мне казалось, могли быть полезны моим молодым друзьям, задумывающимся над формированием вкуса. Я считал, что должен поступить так, выполняя свой долг писателя, работающего с подрастающим поколением.

До того еще как книга вышла отдельным изданием, ряд ее глав был напечатан в различных газетах и журналах, а также прочитан мною по радио. Это позволило еще до выхода книги в свет получить первые отклики читателей и слушателей. В целом эти отклики были весьма доброжелательны и подтвердили своевременность и полезность начатого мною разговора.

Вместе с тем, как я и ожидал, среди моих слушателей и читателей нашлись и «противники» моих взглядов. Вообще говоря, было бы, очевидно, плохо, если бы все, что я хотел утвердить, работая над книгой о воспитании вкуса, в равной мере всех одинаково устраивало. Разговор и велся к тому, что о вкусах необходимо спорить. Речь шла о том, чтобы показать несостоятельность всепримиряющей поговорки: «о вкусах не спорят». Уж меньше всего, поверьте, хотелось угодить тут всем. Я заранее знал, что если я буду говорить о проявлении плохого, а порой и чуждого нам вкуса, найдутся такие, которые не только не согласятся со мной, но и будут лично задеты, даже рассердятся. Привычки, вкусы, представления, прочно укоренившиеся иной раз в сознании и в быту, какими бы они порой дурными и ложными ни были, непременно находят своих защитников.

Одни из упрямства, другие по невежеству, а бывает, и из скрытой неприязни ко всему новому, что несет стремительно меняющаяся жизнь, готовы стеной встать на защиту многих своих дурных привычек, нездоровых склонностей, фальшивых условностей, пошленьких красотей, давно уже устаревших, как бы омертвелых форм жизни и быта.

Вспоминаю, как много лет назад, когда я только начинал вести беседы с молодежью о воспитании вкуса, находились люди, которые считали такой разговор излишним или, как они выражались, «уводящим в сторону от магистральной линии коммунистического воспитания молодежи...

Были бы люди политически грамотными, — говорили мне иные, — а уж в остальном они как-нибудь сами разберутся».

Время показало полную несостоятельность таких рассуждений.

Достаточно широко известно, как возросли за последние годы культурный уровень и политическое сознание нашей молодежи, а между тем споры о том, что следует считать в жизни и в искусстве подлинно красивым и как не путать его с «красивеньким», как научиться понимать истинно прекрасное, беспрерывно кипят и в общежитиях молодых производственников, и в семье, и в рабочих клубах, и в вузовских аудиториях, и на больших переменах между уроками в школах, и на учительских конференциях, и на лекциях, читаемых в народных университетах культуры.

Свидетельством того, как велик интерес к проблеме эстетического воспитания, как много здесь еще предстоит нам сделать, может служить и то огромное количество писем, которое я получил после выхода книги в свет. Но и здесь не обошлось без «ложки дегтя». Авторы некоторых писем довольно раздраженным тоном спрашивали меня о том, целесообразно ли вообще занимать время читателей, в первую очередь молодежи, специальными проблемами воспитания чувства прекрасного. По мнению одного из них, вся беда лишь в том, будто-де «людям еще недостаточно внушено, что они есть господа на земле...». А когда, мол, советский человек это поймет, он сам будет способен отличить прекрасное от безобразного, пошлое, вульгарное от истинно красивого.

Советский человек, конечно, имеет все данные, все права, чтобы не только считать, но и чувствовать себя «по длинны гл хозяином на своей советской земле», «ощущать себя господином», как выразился в своем письме товарищ А. из города Людинова. Но именно потому, что он стал наследником всего ценного, что создано человеческой культурой, как говорил Ленин, и важно, чтобы человек наш мог похозяйски пользоваться и распоряжаться всеми благами принадлежащей народу культуры.

Однако неверно было бы полагать, будто достаточно только человеку ощутить себя хозяином, «господином», как все остальное придет само собой: культура, верные представления о прекрасном, точный художественный вкус и т. д. А вспомним, скажем, купцов старой России. Уж они-то несомненно чувствовали себя полными господами в жизни.

А между тем это были люди в массе своей крайне дурного, грубого вкуса, некультурные. Они были неспособны воспринимать прекрасное, так как жили в твердом убеждении, что превыше всего на свете — рубль. И если их, рублей, много, то можно себе купить любую красоту. И лишь немногие, вышедшие из этой среды и подчинившие свою жизнь служению передовым, гуманистическим идеалам, поднялись до истинных высот культуры. Можно назвать, к примеру, Мамонтовых, Третьяковых или Алексеевых, из семьи которых вышел К. С. Станиславский.

Значит, дело не только в сознании того, что ты — «господин». Ведь именно тогда, когда в нашей стране трудовые классы взяли власть в свои руки, В. И. Ленин и призывал рабоче-крестьянскую молодежь, новых, молодых хозяев земли советской, взяться за науку, за овладение культурой.

Учиться, учиться и учиться! А учиться — это значит не только овладевать знаниями, не только применять сознательно и увлеченно свои знания в науке, умение — в труде.

Нет, это значит также, что надо приобретать и выработать в себе верные

представления о прекрасном, развивать способность правильно понимать жизнь и все ее истинные радости, которые она может дать человеку, ставшему хозяином своей судьбы.

Авторы появившихся в печати откликов на книжку также поддержали мои попытки вести с молодежью дружественный разговор о воспитании доброго вкуса и правильных эстетических критериев. Не могу между тем не вспомнить без горечи опубликованное в газете письмо офицера в отставке Нефедова, в котором он, прибегая к недозволенным методам полемики, просто искажил цель и направление моих высказываний, и я могу только поблагодарить «Кзмсомольскую правду», которая напечатала мое ответное письмо, где, как мне представляется, была доказана несостоятельность предъявленных мне Нефедовым обвинений.

Обиделся на меня и один из двух авторов книжки «Искусство красивой одежды» — И. Окунев. (Книжка эта была резко и справедливо раскритикована на страницах центральной печати.) После какого-то моего выступления по вопросам эстетического воспитания, в котором я позволил себе указать на ряд очевидных вульгаризмов в этой книге, Окунев в одном из московских журналов выступил с «Репликой», где уж разрешил себе совершенно недопустимые приемы: приписал мне слова и строки, которых вообще в моей книге не было (слова и фразы якобы мои были им взяты в кавычки)...

Вероятно, обо всем этом можно было и не говорить сейчас, так как тот интерес, с которым была встречена моя скромная книжка, и многочисленные письма, что были получены после выхода ее, были для меня лучшей и самой желанной поддержкой. Если я и вспомнил здесь о некоторых раздраженных высказываниях, то лишь затем, чтобы от всего сердца поблагодарить основную массу читателей, как оказалось, моих единомышленников, чье дружеское внимание я все время ощущал. Я напомнил об этом еще и для того, чтобы показать, что борьба за утверждение хорошего вкуса дело не легкое, чреватое всевозможными осложнениями и даже неприятностями, как видите сами... Но, разумеется, это никак не может остановить ту большую работу по воспитанию эстетической культуры в народе, которую должны вести все мы, воспитатели, педагоги, писатели, партийные и комсомольские работники, люди искусства и работники промышленности.

В новом издании моей книги, которое предлагается вниманию читателей, появились новые разделы, посвященные тем эстетическим проблемам, спорам, которые занимают нашу молодежь сегодня. Как и в первом издании «Дела вкуса», я стремился прежде всего ответить на те основные вопросы, которые, как правило, приходится слышать от молодой аудитории во время бесед, посвященных воспитанию вкуса.

Итак, будьте знакомы

Позвольте для начала познакомить вас с двумя девушками. И заранее предупреждаю: вам придется сделать выбор — какая из них покажется вам привлекательней, какая больше по душе. Итак, будьте знакомы...

На первой из девушек нарочито толстой вязки мешковатый джемпер балахоном, с гигантским, стоймя стоящим воротником-хомутом, растянутым чуть ли не от плеча до плеча и далеко оттопыренным от шеи; зауженная сверх всякой меры юбка, очень короткая, не закрывающая колен, и туфли на каблучках-гвоздиках, сантиметров добрых десять, что заставляет девушку двигаться так, будто она сама себя носит, как графин на подносе. Волосы над макушкой взбиты исполинским коконом-клобуком... Перпендикулярно отставленный мизинчик с ногтем, обогранным неистового цвета маникюрным лаком, окован громадным перстнем.

В него вправлен увесистый «изумруд» из бутылочного стекла, плохо скрывающий свое происхождение. На груди какие-то сверкающие вериги на грубых цепях. Здороваясь с вами, девица выгибает кисть «а-ля лебедь», вскидывая ее так высоко, что вам приходится либо легонько отпрянуть, либо уж невольно приложиться к ручке... Затем вы услышите примерно такое приглашение: «Прошвырнемся до киношки? Там сегодня картину гонят мировецкую.

Билетов нет — наплюнуть, как-нибудь протыримся. А по дороге в мороженое заскочим, даванем сливочного по три шарика. Законно?»

Словом, как говорится, прошу любить и жаловать.

Но разрешите представить вам вторую девушку. На ней изящная, не сверх меры модная юбка, приятного спокойного цвета, простенькая, но так славно пришедшаяся к лицу девушки блузка, на груди немудрящие, но прехорошенькие бусы, цвет которых хорошо гармонирует с тонами юбки. На ногах «лодочки» с каблучками, не спорящими с модой, но и не заставляющими ступать па цыпочках. Потому и походка девушки свободна, легка. Да и вся она производит впечатление непринужденности, естественности и скромного сознания своего девичьего достоинства.

Вот теперь давайте и разглядим внимательно обеих, присмотримся не только к их костюмам, но и к манерам. Прислушаемся к речи, приглядимся к тому, как держатся они.

А большей частью, сколько я замечал, и костюм человека, и манера поведения его, и характер речи обычно выдержаны в одном духе... Так вот приглядимся, прислушаемся и попробуем разобраться. Ведь вот бывает, что иная и в шелк вырядится, и навесит на себя столько сверкающих побрякушек, что даже новогодняя елка пожелтеет от зависти в ее присутствии, и все как будто на такой франтихе скроено по самой последней моде, а, как люди говорят, ни красы, ни радости. Все не к лицу, не по фигуре, все вопит и раздражает зрение. И обычно, глядя на такую, говорят: «Эка вырядилась. И держится-го как, вся навывкат!» А если прислушаться к тому, как изъясняется подобная модница, какова ее речь, становится просто не по себе, даже неловко как-то, — ведь это девушка... Вот он, в наглядном своем проявлении дурной тон.

А когда мы видим скромно, но изящно одетую девушку, платье, которое, как принято говорить, к лицу ей, когда любуемся женственными, естественными движениями, прислушиваемся к свободной, лишенной жеманства, крикливости речи, хорошо передающей мысль, мы обычно приходим к выводу: девушка-то со вкусом.

Вы, вероятно, согласитесь с этим. Вряд ли кому из вас по душе первая из двух девушек, представленных мною.

Но что же именно претит вам в первой и прельщает во второй?

Давайте-ка потолкуем, подумаем, поспорим.

О чем тут спорить

— Позвольте! — скажут мне иные. — Разве тут есть какие-нибудь законы и правила? Одним нравится одеваться так, а другим эдак. Одна любит говорить тихо, а другая громко. У той характер общительный, а эта застенчива. Что же тут сравнивать? О чем здесь спорить? Это уж дело вкуса. Кому что нравится...

— О вкусах не спорят! — поддержат их, пожалуй, другие. У каждого свой вкус, никто никому не указчик, один любит арбуз, другой свиной хрящик... Кому нравится поп, а кому попадья... Всяк молодец на свой образец... На вкус, на цвет товарища нет!..

— О вкусах не спорят!..

Сколько всевозможных самоутешительных поговорок, прибауток, пословиц придумали люди, чтобы легче было примириться с безвкусицей. Послушать — так действительно, о чем тут спорить, из-за этого ли ссориться?.. До чего же была бы однообразна жизнь, если бы у всех был одинаковый вкус. Представим себе, что всем девушкам поголовно нравились бы только блондины. Каково же было бы брюнетам?.. Или что всем нравились бы только тенора. Тогда что же делать басам и баритонам?

Давайте же, однако, призадумаемся и поговорим еще раз всерьез на эту немаловажную тему — поговорим о вкусах.

Как часто слышишь в беседах с молодежью или встречаешь в письмах, особенно в тех, что приходят от девушек, вопросы:

— Что такое хороший вкус?

— Чем хороший вкус отличается от дурного?

— Что такое безвкусица?

— Можно ли вообще спорить о вкусах?

Да, конечно, можно! И не только можно, но и очень полезно. Просто-таки необходимо спорить о вкусах! И ведь, по существу говоря, сколько бы заградительных поговорок, вроде всепримиряющей «о вкусах не спорят», ни придумывали для того, чтобы укрыться за ними самоуверенной безвкусице, ни о чем, пожалуй, в жизни так много не спорят, как именно о вкусах.

И это особенно у нас, в стране, где культура сделалась достоянием всего народа, где стремление к прекрасному стало одной из типических черт советского человека. Кроме того, с каждым днем наш советский человек все полнее, все шире может удовлетворять свои многообразные эстетические запросы. В быту, скажем, красиво, удобно обставить квартиру, выбрать нужный костюм, приобрести телевизор, приемник новейших марок (причем сейчас, как мы знаем, уделяется много внимания не только четкой работе их механизмов, но и приятному их внешнему виду, форме). Все более радует глаз оформление жилых зданий, санаториев, спортивных сооружений, домов культуры и т. д.

Хороший вкус становится необходимой, неотъемлемой приметой все возрастающей общей культуры нашего народа.

И еще одна важная примета времени. Для нас становится привычным поверять морально-этические качества людей тем, в какой мере они соответствуют нормам морального кодекса строителя коммунизма. Люди наши становятся все более взыскательными в проявлении эстетического вкуса — в оценке художественного или музыкального произведения, спектакля или кинофильма.

Мир прекрасного у нас доступен всем, двери его раскрыты перед каждым, кто хочет вступить в него. И в самом деле. Молодежь у нас, как нигде в мире, ценит книгу, молодые читатели, по существу, и составляют основу того, что когда-то называли «читающей публикой». В массе своей молодежь наша очень заинтересованно следит за всем тем, что создает советская художественная литература, проявляет живейший интерес к кино, театру, музыке, изобразительному искусству. Посмотрите, как переполнены большие концертные залы в дни выступлений талантливых наших и зарубежных артистов. Какие очереди вытягиваются у входа в выставочные залы и картинные галереи. И как не устают удивляться этому наши иностранные гости, скажем, те же американцы, привыкшие к тому, что даже в их, например, знаменитой Национальной галерее в Вашингтоне возле подлинных шедевров, свезенных из всех стран, увидишь в пустующих залах лишь верзил-охранников да редкие группки заезжих туристов...

Тяга к литературе, искусству у нас огромная. Но не всегда симпатии молодых читателей, зрителей, слушателей устремлены в верном направлении. Иной раз (и, к сожалению, нередко) наблюдаешь с огорчением, как незаслуженно привлекает к себе внимание плохая книжка, лишенная настоящей художественности и будоражащая нервы читателя лишь своим хитреньким сюжетом; как собирает сборы пошловатый кинофильм, как увлекаются «ушераздирающей», визгливой музыкой модной заморской пластинки, как копируют крикливый и несуразный фасон платья, подсказанный чужой модой.

Вот почему необходимо помочь нашей пытливой и любознательной молодежи, научить ее тоньше, глубже понимать искусство, любить в нем все то, что действительно прекрасно, и искренне ненавидеть все пошрое, чуждое, что порой еще просачивается в наш быт, в искусство, в нашу жизнь.

К сожалению, у нас все еще не уделяют достаточно внимания формированию художественного вкуса, развитию эстетического чувства. Не так уж часто приходится слышать нашему школьнику, молодому рабочему или девушке-колхознице настоящий, профессиональный разговор на эту тему. Недостаточно еще у нас книг, которые доступно и увлекательно рассказывали бы молодым читателям о том, что такое истинная красота; мало захватывающих книг о жизни и творчестве выдающихся писателей, артистов, художников. И

не всегда легко подсказать молодому человеку, что же ему почитать в этой области.

Несколько лет назад известный советский художник Н. Н. Жуков одним из первых выступил на эту тему в журнале «Новый мир» (1954, э 10) со статьей «Воспитание вкуса». В ней автор интересно рассказывает о том, какое большое воздействие на общественный вкус оказывает костюм, домашняя утварь, мебель, внешнее оформление жилищ, общественных зданий и улиц. Он подчеркивал важную роль художественной промышленности, без изделий которой теперь уже не обходятся наши люди в быту. Художник зорко подметил различные случаи отклонения от требований доброго вкуса и убедительно доказал, что плохие, аляповатые вещи прививают неверные, искаженные представления о красоте. И мы настоятельно рекомендуем молодежи прочесть эту интересную и сейчас еще не устаревшую статью.

Можно назвать и некоторые книги, вышедшие в свет за последние годы. Например, К. Кривицкого «Что такое эстетика», Н. Дмитриевой «О прекрасном» и сборник «Эстетика поведения» (издательство «Искусство») или книгу Ольги Русановой «Раздумья о красоте и вкусе» (издательство «Знание»), не всегда точную в обобщениях, но содержащую полезный материал.

Однако большинство других книг, рассчитанных на массового читателя, как правило, касается сравнительно узкой области, то есть того, как практически улучшить художественное качество предметов народного потребления. А между тем проблема воспитания художественного вкуса намного шире и связана с общим культурным развитием человека.

И я лишь для наглядности начал разговор о вкусах с внешнего вида двух девушек, помня, что известная поговорка гласит: «по одежке встречают...» Не следует забывать, что это лишь первая половинка поговорки, а заключает ее весьма важное напоминание о том, что «по уму провожают».

А речь идет у нас о всестороннем, гармоническом развитии человека, в котором все должно быть прекрасно...

«Космос и ветка сирени...»

Сначала разберемся в одном, недавно чуть снова не возникшем недоразумении.

Как-то в одном из московских рабочих клубов, когда у нас шел разговор о воспитании чувства прекрасного, я получил из зала такую записку: «Разве так важно, какой вкус у человека? А по-моему, лишь бы человек был хорошим и умным».

Я, быть может, и не возвращался бы к такого рода вопросам (тем более что несколько выше я уже говорил о них), но дело в том, что записка, о которой идет речь, была получена мною в тот самый момент, когда у нас вдруг забушевали споры: «Кто важнее — физики или лирики?» И, конечно, появление этой записки было не случайным.

Многие читатели, вероятно, знакомы с существом этого, как мне кажется, уже решенного самой жизнью спора. Суть его необходимо сейчас напомнить. Некоторая часть молодежи, да и не только молодежи, стала доказывать, что в наше сугубо деловое время, «в век атома», когда победы нашей науки так прославили на весь мир Советскую страну, искусство уже не может играть той роли, какую оно играло в прежние времена. «Ах, Бах! Ох, Блок! — иронически восклицали те, кто отдавал предпочтение физикам. — Кому теперь это нужно?»

Естественно, что это вызвало решительные возражения большей части нашей молодежи, которая почти единодушно присоединилась к тому мнению, что «в межпланетном полете космонавту будет нужна и ветка сирени». Самое убедительное заключается здесь, пожалуй, в том, что именно космонавты в первую очередь подтвердили, как нужна им эта «ветка сирени», как помогали им в воспитании характера и воли, в свершении подвига и музыка, и поэзия, и хорошее произведение прозы.

В этой кратковременной дискуссии, надо сказать, ничего нового не было. Я помню

хорошо то время — первые годы революции, — когда некоторые горячие головы были полны странного, утопического представления о будущем человечества, в котором будто бы физика и химия полностью вытеснят лирику, так как она «разнеживает душу» и уже становится ненужной. Помню плакаты, которыми баловались в то время эти гонители искусства: «Искусство-опиум для народа...» или «Мир химикам-война творцам».

Сегодня каждому здравомыслящему человеку это кажется анекдотической данью пылким увлечениям, столь характерным для некоторых кругов молодежи в первые годы революции. Но вот вдруг и в наше время снова возник этот отвлеченный спор, в котором точные науки противопоставлялись искусству. Что же, может быть, этот спор принес и некоторую пользу, обнаружив полную несостоятельность теории тех, кто норовил заменить точными, математическими формулами вдохновенные строфы стихов. А между тем наука и искусство уже давно добрососедствуют и сотрудничают. Еще А. П. Чехов писал:

«Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет.

Знания всегда пребывают в мире. И анатомия и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — черта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче, стало быть, мы имеем дело только с плюсами.

Потому-то гении никогда не воевали и в Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естественник».

В области художественной несостоятельны все попытки заменить свободное, вдохновенное человеческое творчество действиями даже самой совершенной кибернетической машины.

Бесплодны, беспочвенны попытки поссорить физиков с лириками. Известный ученый А. Мошковский, близко знавший великого Эйнштейна, писал о нем:

«Скажу прямо, я был поражен, услышав, что он, великий ученый, находит источник высшего счастья вовсе не в науке.

— Мне лично, — заявил Эйнштейн, — ощущение высшего счастья дают произведения искусства. В них я черпаю такое духовное блаженство, как ни в какой другой области.

— Профессор, — воскликнул я, — ваши слова изумляют меня, как настоящее откровение! Не то чтобы я когда-нибудь сомневался в вашей восприимчивости к искусству: я слишком часто видел, как на вас действуют звуки хорошей музыки и с каким увлечением вы сами играете на скрипке.

Но даже в эти минуты, когда вы, словно отрешившись от мира, нелегко отдавались художественному впечатлению, я говорил себе: в жизни Эйнштейна это лишь чудесная арабеска, и я никогда бы не подумал, что это украшение жизни является для вас источником высшего счастья. Но, может быть, вы имели в виду не только музыку?

— В настоящий момент я думал главным образом о поэзии...»

А надо ли напоминать о том, как высоко ценил, как тонко понимал искусство Карл Маркс? Он писал:

«Если хочешь получить наслаждение от искусства, ты должен быть в художественном отношении образованным человеком».

Владимир Ильич Ленин в самые тяжелые для молодой Советской республики годы мог черпать свежие силы для своей исполинской работы в бессмертной музыке Бетховена, так глубоко трогавшей великого вождя! Нам недавно очень выразительно напомнил об этом хороший фильм «Аппассионата», где мы увидели, как Владимир Ильич в гостях у А. М. Горького наслаждался мудрым и вдохновенным звучанием бетховенской сонаты, которую сыграл для Ленина пианист Добровейн.

В своих воспоминаниях о Владимире Ильиче Ленине известный большевик Миха Цхакая рассказывал:

«По окончании работы V съезда РСДРП мы с Владимиром Ильичем возвращались из

Лондона в Женеву через Париж. По прибытии в Париж после недолгого отдыха в каком-то кафе Ильич повел меня первым делом в Лувр.

Почти целый день он был моим чичероне. Сам он неоднократно бывал в Лувре, а сейчас хотел специально показать мне один из лучших шедевров Лувра.

Войдя в Лувр, Ленин остановился у подножия статуи Нике и шепотом сказал: «Смотрите, дорогой Миха, на это чудо древней эллинистической культуры. Изумительное, нечеловеческое создание...»

...Ленин так подробно рассказал мне о Нике Самофракийской, как будто всю жизнь только и занимался вопросами античной скульптуры...

Он обладал широчайшими знаниями в области искусства, поражал своим эстетическим кругозором».

Величайшему из борцов за освобождение человечества — В. И. Ленину высокая красота искусства помогала вести бой за утверждение подлинно прекрасной жизни для трудящихся.

И потому такими естественными и убедительными кажутся слова каменщика В. Богомолова, написанные им в письме, опубликованном «Комсомольской правдой»:

«Вы... говорите, что в век космоса некогда вздыхать о Блоке, восторгаться музыкой Баха, что это устарело. Значит, это все ушло в прошлое? Не верю. И никогда не поверю!

Как могут устареть или уйти в прошлое Пушкин, Толстой?!

Как может устареть Чайковский?! На мой взгляд, так может говорить только сухой, черствый и односторонний человек... По-моему, в наш космический век настоящее и искреннее чувство любви необходимо человеку больше, чем когда-либо».

Не случайно молодой каменщик, говоря о прекрасном в искусстве, тут же сблизил в своем представлении это понятие с красотой большого человеческого чувства. Молодежь наша правильно считает, что вопросы эстетического воспитания не могут быть оторваны от трудовой, общественной деятельности человека, от мира его внутренних чувств и нравственных представлений. Эстетическое у нас в обществе идет в ногу с этическим. Это значит, что само понятие «прекрасное» тесно связано у нас с общественным поведением человека, его жизненными принципами и устремлениями, его моральными устоями — в общем, со всем его человеческим обликом.

Не надо быть особенно искушенным в эстетике, чтобы понять такие простые истины:

что настоящая женская красота имеет мало общего с вульгарной броскостью или смазливостью и, еще того меньше, с личиком, где явно проступают злоупотребления по части косметики;

что одухотворенный взгляд человеческих глаз («глаза — зеркало души») привлекательнее, чем бессмысленный взор даже самых очаровательных очей;

что музыка мелодичная, музыка, вызывающая хорошие человеческие чувства, глубокие раздумья, приятнее уху и сердцу, чем музыка кричащая, скрипящая, дергающаяся — в общем, та самая какофония, которую авторы модной современной музыки за рубежом выдают за новое слово в музыкальном искусстве;

что строгая соразмерность всех частей здания, стройность его архитектурных форм и внутреннее удобство более отрадны и взору зрителя и жильцам, чем нагромождение роскошных зодческих ухищрений.

Человек, неспособный отличать красивое от безобразного, не увидит разницы и между истинно прекрасным и поверхностно привлекательным. И он не сможет по-настоящему познать в жизни многие высокие радости, которые полностью ощущает лишь тот, кто способен хорошо и сильно чувствовать, кто научился распознавать подлинную красоту.

Ведь каждый день строительства нашей страны приближает великое будущее — коммунизм. Истинно прекрасное, красивое все больше проникает в нашу жизнь, становится реально доступным для каждого.

И потому вполне естественно, что стремление нашей молодежи к духовному совершенствованию становится с каждым днем все осязаемее. Университеты культуры, в

которых читаются лекции, разгораются споры по различным вопросам искусства, коллективные посещения концертов, театров, художественных выставок стали одним из первых параграфов программы жизни бригад коммунистического труда. Все это говорит об огромном внимании нашего народа, прежде всего молодежи, к проблемам эстетического воспитания.

Говоря сегодня о правильном восприятии красоты, о понимании прекрасного, мы имеем в виду не только литературу, театр, музыку, кино, архитектуру, но и убранство жилищ, поведение человека в обществе и то, какое он носит платье, какого покроя его костюм, какова его повседневная речь, — все это у нас теперь стало признаками общей культуры.

«Эстетическое воспитание представляет собой необычайно важную, неотъемлемую часть общего культурного развития человечества, — отмечает писатель Леонид Леонов. — Красота предметов и окружающей среды, в которой человек вращается, воспитывает у него чувство вкуса, а вместе с тем личную дисциплинированность...».

Время, вкусы, стили

Когда мы говорим, что необходимо спорить о вкусах, речь, конечно, идет не о том, что кто-то, например, любит полакомиться вишневым вареньем, а другой предпочитает паштет из селедки... И не о том, что каким-то девушкам больше по душе блондины, а иным кажутся привлекательнее брюнетки. Тут действительно спорить не о чем. Ешьте себе на здоровье варенье или паштеты, оказывайте внимание белокурам или, наоборот, чернявым. Это ваше личное дело. Лишь безнадежный ханжа или унылый скукодей может быть недоволен тем, что запросы, вкусы людей многообразны и многолики, как вся живая природа. В этом отношении замечено совершенно правильно: сколько людей, столько вкусов. И только наши недруги клеветают на нас, изображая дело так, будто в нашей социалистической стране вкусы людей унифицированы, подогнаны под один ранжир.

Мы хорошо знаем, что это не так, что вкусы наших людей широки и разнообразны беспредельно.

Много раз, ведя с молодежью беседы о хорошем вкусе, об уточнении критериев общих эстетических оценок, мне приходилось слышать один и тот же пример, приводимый в качестве некоего контрдовода:

— Как можно говорить о каких-то принципиальных оценках вкуса, когда вот, например, такой великий писатель, как Лев Толстой, решительно не принимал творчества Шекспира... А Ленину не очень нравилась поэзия Маяковского. У кого же тут лучший вкус?

Между тем вопрос этот поставлен вообще неправильно, так как его пытаются решить как бы в безвоздушном пространстве, то есть в отрыве от определенных исторических и многих других условий, всегда так или иначе отражающихся на вкусе человека.

И нельзя расценивать художественные симпатии и антипатии великих художников и мыслителей применительно лишь к понятию — хороший или плохой вкус. Вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что у Шекспира и Толстого, у Ленина и Маяковского был высокохудожественный вкус.

Однако известно, что отношение Толстого к Шекспиру, к его драматургии было отрицательным. Утверждая в своих теоретических высказываниях, что драма обязана быть «религиозной», «поучительной», должна обязательно нести в себе некую христианскую мораль. Толстой считал драматургию Шекспира «безнравственной». Пьесы великого поэта эпохи Возрождения, естественно, не отвечали толстовской теории «религиозной драмы». Время показало, что творения Шекспира продолжают и сейчас волновать миллионы людей, так же как и гениальные творения самого Толстого.

Что касается Маяковского, то действительно Ленин вначале не принимал его творчества. Владимир Ильич был воспитан на классической поэзии; своеобразная форма и новое звучание строки у Маяковского были для него непривычными. Кроме того, известно,

что впервые Ленин услышал стихи Маяковского в чрезвычайно дурном и манерном исполнении одной артистки, претенциозность чтения которой очень рассердила Владимира Ильича.

Но известно и другое: после встречи со студентами Вхутемаса (Высших художественно-технических мастерских), восторженно и пылко говоривших о своей любви к Маяковскому, Владимир Ильич стал больше интересоваться творчеством поэта, которым так горячо увлекалась лучшая часть советской молодежи, и, как потом писала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, «подобрел» к Маяковскому. Следует еще вспомнить, что впоследствии стихи Маяковского «Прозасе давшиеся» очень понравились Ленину, который заявил об этом публично, со свойственной ему скромностью оговорив при этом, что он не считает себя человеком компетентным в поэзии, но ручается, что с политической точки зрения стихи Маяковского абсолютно верны и он, Ленин, давно не получал такого удовольствия... Таким образом, дело тут было не в плохом или хорошем вкусе. Речь шла о том, что в специальных вопросах искусства, скажем, в выборе художником средств для выражения идеи, построения формы произведения — даже такие люди, как Ленинвождь Октябрьской революции и Маяковский — поэтический глашатай идей Октября в литературе, могли расходиться. Это еще раз подтверждает, что и в таком плане вопрос о вкусах требует всестороннего освещения.

Однако, как бы многообразны ни были оттенки общественного вкуса, мы среди окружающих нас все-таки различаем людей с хорошим, верным, добрым вкусом и таких, о ком общее мнение справедливо утверждает: «Безвкусный человек».

Вкус, говоря практически, — это сумма представлений человека о красоте, его способность и умение отличить красивое от некрасивого. Вкус человека — это его пристрастия, тяготения, симпатии в области литературы, искусства. Это, наконец, и склонности, которые проявляются в том, какой костюм выбирает человек, какое убранство жилья он предпочитает, какими предметами домашнего обихода окружает себя. Это также и его манера обращения с окружающими, весь внешний характер поведения человека.

Почти всегда, за редким исключением, эстетические вкусы человека связаны с его мировоззрением. Обычно по вкусу человека можно определить, как он смотрит на жизнь, каковы его главные интересы, что служит для него идеалом и целью жизни, в чем он видит ее главный смысл.

Ведь не даром же, скажем, так наглядно отличается внешний вид, вся манера поведения расфранченного, развинченного, праздношатающегося бездельника и скромного, держащегося с достоинством, собранного человека, привыкшего трудиться, ощущающего ясно свое место в нашем обществе и свои обязанности перед ним.

Ложные, низменные эстетические вкусы свойственны большей частью людям праздного образа жизни или просто недостаточной, низкой общей культуры. Если мы говорим о культуре человека социалистического общества, то она начинается с его отношения к труду, к работе, к делу, доверенному ему людьми, обществом. Безразличие, наплевательское отношение к своему трудовому долгу, халатность прививают постепенно и нечистоплотное отношение ко всему, что надо оберегать в жизни, как самое чистое и светлое. Дурной вкус вносит неопрятность и в человеческие отношения, порождает жалкую неразборчивость в выборе друзей, привязанностей, характера развлечений, отдыха и др.

В каждом обществе существуют определенные мерки, общепринятые правила, по которым определяют вкус того или иного человека, проявляемый в самых различных направлениях. Но тут следует помнить, что оценка такого рода может быть лишь относительно верной: у различных слоев общества вкусы, как правило, не схожи между собой.

При всем том можно заметить, что большинству людей здоровых, непресыщенных, ведущих осмысленную трудовую жизнь и любящих простые ее радости, обычно свойственно более или менее общее представление о вкусах, о красоте.

Однако вкус каждого человека и общества в целом не есть что-то незыблемое. Со

временем он обычно меняется.

Здесь, не углубляясь далеко в область эстетики, то есть науки о прекрасном, науки, изучающей законы искусства, восприятия красоты и художественной деятельности человека, мы все же должны напомнить читателю, что и сами представления о прекрасном много раз менялись в истории человечества.

Тяга к прекрасному, желание постичь истинную красоту и порадоваться ей всегда были естественным, здоровым стремлением людей. Люди тянулись к красоте так же, как к счастью. Нравственно здоровому человеку свойственно влечение к прекрасному. Но само понятие красоты не оставалось постоянным, претерпевало изменения.

Еще в древности греческие философы-идеалисты пытались найти исчерпывающую формулу, которая подчинила бы себе все представления человека о прекрасном. Сократ, например, отождествлял прекрасное с полезным. Он полагал, что красиво лишь то, что нужно, что целесообразно.

Платон соединил прекрасное с нравственно хорошим, сведя воедино эстетические и этические понятия, и провозгласил некую идею неизменно вечной, всеобъемлющей красоты.

Немецкий философ Кант вообще относился скептически к возможности научной критики художественных вкусов.

Он утверждал, что красивое — это то, что уже одной своей формой вызывает у всех, как он выражался, «незаинтересованное наслаждение». Таким образом, он отрицал практическую утилитарность, собственно полезную суть красоты и искусства. А Гегель полагал, что красота — это некий идеал, воспринимаемый чувством, «чувственным созерцанием».

В системе Гегеля областью человеческих понятий о мире и вещах ведали философы. Представлениям человеческого ума о жизни соответствовали религия и мышление. А область чувственного созерцания отводилась Гегелем искусству.

Марксизм учит, что чувство красоты у человека развивалось постепенно в процессе его исторического развития и создавалось под влиянием его производственной деятельности. Представления о красоте, эстетические требования менялись. Восприятие прекрасного или, наоборот, безобразного не было одинаковым у разных народов в разные времена, на это восприятие определенным образом воздействовали условия жизни, труда, производства и развивавшаяся культура человеческого общества.

Так, скажем, первобытный человек, рабски зависевший от природы, не испытывал удовольствия, глядя на непроходимый лес, через который ему надо пробиться, на крутые горы, ставшие на его пути. Впоследствии, подчинив себе во многом силы природы, почувствовав себя в какой-то мере хозяином ее, человек начал уже постигать красоту природы, наслаждаться ее созерцанием и воспевать ее в искусстве.

Или возьмем другой пример. Прогрессивный художник, живущий в капиталистической стране и выступающий против жестокой эксплуатации трудового народа, решил выразить свой протест средствами живописи. Как он это делает?

Он рисует тяжелую поступь железной пяты капитализма, которая попирает все живое, отравляет воздух копотью фабричных труб, выжигает зелень, умерщвляет природу.

Так он, художник, живущий в условиях социального неравенства, выразил сущность капиталистической индустрии, основанной на подневольном, изнуряющем труде. Вся его картина проникнута чувством горечи, боли за человека.

Она вызывает гнев, протест против унижения человека.

Картина на индустриальную тему, вдохновенно написанная сегодня художником, живущим в социалистической стране, где все средства производства являются собственностью народа, где индустрия и вся экономика развиваются во имя блага человека, — будет проникнута другими настроениями, она будет вызывать совсем иные эмоции — чувство радости и духовного подъема. На полотне, скажем, изображена гигантская стройка — мощная плотина, которая должна перекрыть течение великой реки. И все здесь будет иным — мужественные, сильные люди, гордые тем, что им подвластны и

силы природы, и могучая техника; тут яркое солнце, необъятные просторы — все здесь славит жизнь, звучит гимном свободному человеку труда.

Литература и искусство, отражая стремления, вкусы общества, в свою очередь воспитывают определенные представления о красоте. Изменение форм производственных отношений в человеческом обществе, смена социальных систем меняли и отношение людей к тем или иным формам искусства и некоторые представления о прекрасном. Конечно, произведения искусства, исполненные высшего художественного совершенства, выдерживая проверку временем, являют собой пример той красоты, которую принято называть бессмертной. Но люди, не отказываясь от нее, всегда ищут новые идеалы красоты, соответствующие современным устремлениям общества. Так возникали различные стили в искусстве, в литературе, менялись требования к предметному оформлению быта.

Постепенно исторически складывался ведущий стиль той или иной эпохи, выражающий определенную классовую идеологию.

Возникновение нового стиля всегда следствие общественных, идейных перемен.

Под стилем надо понимать всю сумму признаков, идейных и художественных особенностей, которые отличают искусство того или иного времени, того или иного направления. Каждому стилю свойственны определенный, исторически сложившийся круг идей, тем, сюжетов, свои средства выражения, свой особый характер построения художественного образа.

Вспомним, например, готическую архитектуру, линии которой, следуя за суровыми догмами католической религии, возносятся вверх, к небу, как бы указуя своими шпилями, всем движением пластических вертикалей на существование «всевышнего». Или барокко с его торжественными, мощными формами и обилием лепных украшений. Этот стиль призван был не только утверждать величие господствующих классов — он воспевал безграничное многообразие мира. А легкая, прихотливая архитектура зданий и формы убранства стиля рококо с его завитушками, смахивающими на папилютки или на пенные гребешки игривых волн! Это был придворный стиль роскошествовавших и легкомысленных французских королей. Пусть простят меня строгие искусствоведы, но мне всегда кажется, будто я вижу за капризными, причудливыми обрамлениями легких сквозных решеток рококо, похожих на жардиньерки, несколько продувной, ветерком подбитый уклад жизни тогдашнего французского двора.

С развитием классового общества эстетические ценности, предметы художественной культуры все меньше и меньше принадлежали народу, становясь собственностью господствующего класса. Искусство, находясь в известной зависимости от верхушки общества, вольно или невольно выра упало ее вкусы. Представители господствующих классов заказывали художникам свои портреты, в которых воспевались величие, богатство, мощь высших слоев общества.

Архитекторы возводили здания — замки, дворцы, соборы, — поражающие людей пышностью и грандиозностью;

монументальность их формы как бы подчеркивала непоколебимое могущество господствующего класса. Таким образом, искусство, отвечая определенным эстетическим требованиям, идеологически поддерживало классовую верхушку общества и несло тем самым известную утилитарно-политическую службу.

Марксизм учит, что искусству присущи три функции, три стороны, находящиеся в органическом единстве, неразрывно связанные друг с другом. Во-первых, искусство является средством познания жизни, отражая ее в художественном образе. Во-вторых, искусство само воздействует на жизнь. Оно служит идейно-воспитательным целям, формируя тем самым идеи, мысли, чувства людей, определенным образом организуя их мышление и действия. Первые две функции только тогда выполняют свою роль, когда в произведении есть третья, обязательная сторона искусства — эстетическая. То есть если произведение всем строем своих образов доставляет художественное наслаждение, заставляет волноваться и жить жизнью его героев.

Возьмем, например, «Записки охотника» Тургенева, одно из замечательнейших произведений русской классической литературы. Эта книга позволяет читателю широко узнать русскую жизнь середины прошлого века. При этом читатель как бы сам видит эти живописные сцены жизни, изображенные большим художником слова. Писатель не дает научного исследования своей эпохи, но через художественные образы, мастерски выписанные характеры людей, через их взаимоотношения и окружающую обстановку он раскрывает главнейшие черты жизни, труда, положения народа в те годы.

В то же время своим уважением и сочувствием к простым, трудовым людям, терпящим нужду, унижение, гнет и насилие помещиков и тем не менее не теряющим глубокого человеческого достоинства и поэтической веры в добро, автор вызывает у читателя восхищение этими людьми, сострадание к ним и гнев против их угнетателей. Талантливое произведение писателя, правдиво отразившее жизнь русской деревни, обнажило самую суть крепостничества, наглядно показало чудовищное бесправие, в котором жило крестьянство во времена Тургенева. «Записки охотника» способствовали росту освободительных, демократических настроений в России.

Таким образом, мы видим, что правдивое произведение литературы учит глубже познавать жизнь и вызывает потребность изменить ее на пользу человека.

Чудесные человеческие характеры, проникновенно написанные Тургеневым картины русской природы, необычайная живость народной речи, волнующая поэтичность авторских раздумий — все это доставляет читателю огромное художественное наслаждение, раскрывая перед ним новый, прекрасный мир мыслей и чувств.

Но, уча людей постигать красоту, искусство часто рисует и уродливые стороны жизни. Некоторые люди, не понимающие назначения искусства, склонны видеть в этом проявление плохого вкуса.

Изображение дурных, отталкивающих явлений также входит в задачи искусства. Разве не получаем мы высокого эстетического удовольствия, читая, допустим, в «Мертвых душах» Гоголя страницы о Плюшкине? А уж что может быть безобразнее и страшнее этого чудовищного, потерявшего в скупости человеческий облик старикашки, у которого паук обвил своими тенетами даже маятник безнадежно остановившихся часов?.. А офорты выдающегося испанского художника конца XVIII — начала XIX века Гойи, обличавшие ужасы войны? А карикатуры замечательного французского графика Домье, зло высмеивавшего жадных буржуа, обывателей, ханжей? А зловещие, уродливые химеры на карнизах собора Парижской богородицы, напоминающие о разных человеческих пороках?.. Или карикатуры на наших врагов, сделанные талантливыми Кукрыниксами?

Недаром известный французский теоретик искусства XVII века Буало писал:

В искусстве воплотись, и чудище и гад Нам все же радуют настороженный взгляд.

Какую страшную сторону жизни приоткрывает в своем рассказе «Страсти-мордасти» Горький! А мы видим при этом лучистую, жадно пробивающуюся к свету душу маленького, живущего в обстановке продажного разврата ребенка-калеки...

Сочно нарисованная Шолоховым картина нравов старого казачества, подчас во всей их жестокости и грубости, позволяет писателю еще ярче подчеркнуть в «Тихом Доне» необоримую и всеочищающую силу любви Аксиньи к Григорию.

Известно, какое огромное впечатление произвело на молодого Ленина чтение рассказа А. П. Чехова «Палата э б», с потрясающей силой рисующего буквально ад крошечный, в котором влачат жалкое существование бесправные, больные люди. Этот рассказ содержит огромное обобщение.

Перед читателем возникает страшная картина жизни царской России того времени.

Вот как воспринял Ленин произведение Чехова:

«Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате э б».

Искусство самого строгого вкуса может говорить и о некрасивом, страшном, дурном.

Оно обязано делать это, служа людям своей разоблачающей правдой. Но показ даже самого безобразного должен осуществляться в искусстве высокохудожественными средствами, доставляющими эстетическое удовольствие, каким бы чуждым для представлений о красоте ни был, казалось, сам материал, взятый художником, иначе искусство теряет одну из своих неотъемлемых сторон — эмоциональную, чувственную, эстетическую.

Обязательное, неперенное свойство каждого подлинного произведения искусства — его высокая правдивость.

Как-то в разговоре с группой студентов я услышал следующее:

— Вот вы говорите, что хороший вкус всегда стремится выразить правду... Как же в свете этого утверждения нужно рассматривать творчество Грина, где почти все — выдумка?

Я не вижу в творчестве такого своеобразного и талантливого писателя, как А. С. Грин, признаков ухода от подлинной художественной правды. Произведения Грина — это, скорее, чудесные, полные романтики сказки для взрослых. А у сказки поэтическая правда жизни выражается по-своему, по собственным законам. В условной форме рассказов и повестей о людях и делах не существующей на реальной географической карте страны Зурбаган писатель славит отвагу, верность, доброту, сердечность, искусный труд, величие души скромных, мужественных людей, подразумевая при этом и веря, что такие люди должны победить также на реальной земле. И недаром сегодня гриновский «алый парус», поднятый на страницах «Комсомольской правды», ведет молодых романтиков в рейсы, полные мечты, труда, поиска и борьбы.

Когда говоришь молодым читателям, что человек хорошего, серьезного вкуса ценит в литературе прежде всего отображенную в ней большую правду жизни, встречаешь еще иногда и такое возражение:

— Но ведь «правда жизни» — это понятие относительное и достаточно спорное.

Нет, дорогие товарищи! Нельзя считать, что существуют разные правды жизни. Для нас существует одна правда — сама жизнь, действительное положение вещей, сущность которых нам помогает познавать марксистская диалектика; она учит нас понимать и ход истории и внутреннее единство законов природы.

Когда мы говорим о хорошем вкусе в искусстве и в жизни, мы, конечно, учитываем, что люди не всегда имели возможность понимать законы развития общества так, как понимаем их сейчас мы, вооруженные марксистско-ленинским учением. Вот почему, когда мы анализируем отдельное произведение искусства, нам следует обязательно рассматривать его в тесной связи с теми историческими условиями, в которых оно возникло, а оценку художнику, его создавшему, давать исходя из главного — верно ли отражало это произведение искусства современную ему действительность, отвечало ли передовым идеям времени, отстаивало ли эти идеи?

Если же нам нужно понять, правдиво или неправдиво отобразил художник жизнь наших дней, наше сегодня, мы обращаемся к главному и единственно верному критерию — к основным принципам искусства социалистического реализма. То есть мы вдумываемся в то, как отражает это произведение великую правду жизни страны социализма, как раскрыты перспективы ее развития, как увидел художник советских людей — строителей коммунизма, рассмотрел ли он те новые черты, которые отличают наш строй, наш быт, наши думы; мы проверяем также, хватило ли у художника зоркости, страстности, остроты, честности в разоблачении дурного, отсталого, что мешает нам двигаться вперед, улучшать жизнь советских людей. Ведь огромное значение в произведениях искусства социалистического реализма имеет их морально-этическая сторона, активная позиция автора, утверждающего коммунистические идеалы.

При этом нам нужно настойчиво добиваться того, чтобы каждое произведение искусства отличалось совершенством формы, яркой выразительностью.

Очень образно сказал о высоком значении формы знаменитый французский художник Делакруа:

«Лучшее достоинство картины — это когда она является праздником для глаза

(разрядка наша. — Л. К.).

Я не хочу этим сказать, что в картине не требуется здравого смысла. Это — как прекрасные стихи: весь здравый смысл всего мира не мешает им быть плохими, если они неприятны для слуха...»

Каждое произведение нашего искусства должно быть праздником для народа. Оно создается, чтобы доставлять огромное художественное наслаждение, нести большую правду нашей жизни. Почему, например, завоевал такую любовь у читателей «Василий Теркин» А. Твардовского?

Да потому, что поэт сумел с необыкновенной доходчивостью и поэтической выразительностью изобразить настоящий национальный, советский народный характер своего героя, полный обаяния, удали, удивительной душевности и сыновней любви к социалистической Родине.

И вот другой герой, уже совсем иного склада и характера, но и он покоряет нас своей огромной художественной силой, завладевает нашими сердцами, — это молодой боец Советской Армии, герой одного из лучших советских кинофильмов — «Баллады о солдате» режиссера Чухрая. Он моложе Теркина, в нем нет той бывалости, которая присуща герою Твардовского. Но нас глубоко трогает проникновенная чистота характера совсем еще юного солдата, в котором отразились лучшие черты и помыслы молодого поколения, принявшего на свои плечи горькие и страшные тяготы войны, борьбы за свободу и счастье нашей советской земли.

Характеры и черты, как видите, у героев поэмы Твардовского и фильма Чухрая внешне разнятся, но эти прекрасные образы, как один, так и другой, выражают языком искусства волнующие черты жизни, поведения и чувств советского человека.

Вот о какой единственной правде искусства, верной правде жизни, мы и говорили, когда обсуждали вопрос о том, что же отличает произведение хорошего художественного вкуса.

Мы с вами живем в еще сравнительно молодом, но уже сложившемся трудовом социалистическом обществе. Оно ясно определило свое идейное направление, свои морально-этические принципы. И потому было бы неверно отрывать вопросы эстетического развития советских людей от их политического и морального роста.

У нас сложились уже свои представления о красоте, об истинных радостях жизни. Эти представления продиктованы условиями жизни нашего общества. Социалистическое общество вырабатывает постепенно в человеке умение разобраться в том, что же истинно красиво, а что лишь внешней поддельной красотой прикрывает внутреннее безобразие, отравляет отношения между людьми, прививает неуважение к человеку. Совсем другие эстетические принципы типичны для капиталистического общества, где часто красоту жизни видят в крикливой роскоши, на которую так падки преуспевающие барышники, где воспеваются и смакуется грубая сила, попираются законы человечности.

Вкус, свойственный передовым, культурным людям нашего советского общества, учит видеть прекрасное во всем, что вносит разумную, осмысленную красоту в труд людей, во взаимоотношения их, в восприятие жизни. Верный вкус помогает понять красоту во всем, что обогащает духовный мир людей, делает наш быт (убранство жилья, оформление общественных зданий, одежду и домашнюю утварь) удобным для труда, для отдыха и в то же время радующим глаз человека.

Уже сегодня мы наш общественный вкус, наши эстетические оценки мысленно согласуем с представлениями о тех качествах, которые выработает в человеке коммунистический быт.

Мы против громоздкой, излишней роскоши, которой кичились русские купцы, бряцавшие тяжелой мошной, и которой сейчас еще любят хвастаться богатей и воротилы капиталистических стран, подчеркивая свое денежное могущество бьющей в глаза пышностью. Мы боремся за создание красивых, изящных, добротных предметов обихода, за вещи, помогающие людям выглядеть изящно, чувствовать себя хорошо, работать и отдыхать

с удовольствием.

Мы осуждаем все грубое, крикливое, неполноценное, мы решительно боремся со всем тем, что нарушает сложившиеся в нашем обществе представления о прекрасном, со всем, что, прикрываясь модной фальшивкой, пытается обмануть глаз или слух человека. Все, что вызывающе или скрыто нарушает общепринятый у нас порядок личного поведения человека, — все это оскорбляет общественный вкус и осуждается нами как признак дурного тона, чуждого нам образа жизни.

Мнимые утешения безвкусицы

Мы говорили уже о том, что хороший вкус тяготеет к правде, дурной — к фальши, что вкус человека проявляется во всем: в его costume, в поведении, в манерах, привычках, в том, как он выражает свои мысли, как относится к тем или иным явлениям литературы и искусства, какие книги, песни, спектакли, фильмы любит, какую обстановку предпочитает дома. Личный вкус определяет, в конце концов, весь стиль жизни человека. И недаром говорят: «стиль — это человек».

Мне приходилось уже несколько раз сталкиваться с тем, что некоторые наши молодые люди подразумевают под словом «стиль» ту особую и малопривлекательную манеру, с какой некоторые юноши и девушки танцуют западноевропейские танцы, собственно, весь тот пошиб, который и породил ироническую кличку «стиляга», — и так только понимают значение слова «стиль». Здесь я хочу воспользоваться случаем, чтобы покончить с этим заблуждением, с этим неверным толкованием понятия «стиль».

Когда мы, повторяя известное изречение Бюффона, говорим «стиль-это человек», мы подразумеваем, что этот «личный стиль», внешний облик человека отражает в большой мере его душевные, нравственные черты, его культурные навыки.

Если человек правдив, искренен, строг к себе, уважает свое и чужое достоинство, он постарается и одеваться, и вести себя, и выглядеть так, чтобы в его поведении, во внешности, во всем его облике не было ничего кричащего, наигранного, нескромного, заявляющего претензию, которая на самом деле не может быть оправданна... Такой человек постарается и в речи своей быть точным и в выражениях умеренным. Он не станет бряцать иностранными терминами, даже если и изучает языки других народов, не будет выдавать услышанные где-то остроты за свои собственные, приводить заимствованные у других людей мнения о незнакомых ему вещах как плод собственного ума. Он не будет при содействии портного насаждать распяливать плечи на своем пиджаке, чтобы казаться атлетом. А девушка добрых правил не станет намалевывать на своих щеках румянец, перед которым побледнел бы помидор, или запудриваться до приобретения фиолетового отлива утопленницы.

Я твердо убежден, что дурной вкус, подчас проявляемый некоторыми нашими молодыми людьми обоего пола, порожден прежде всего желанием «набить себе цену», нескромно выделиться среди подруг и товарищей, выглядеть не совсем тем, кем они сами в действительности являются.

Чем, например, смешны эти самые пресловутые «стиляги» и так называемые «фифы»? Беда ведь не в том, что они изо всех сил тшятся следовать за последними капризами заграничной моды, всегда при этом, конечно, опаздывая примерно годика на два и выглядя, так сказать, всемирными франтами позапрошлого года. Дело не в длине пиджака, чрезмерной узости брючек или юбок или, наоборот, в необозримой ширине клешей. Бог с ними, с фасонами, дело не в них! Беда в том, что эдакий хлыщ или подобная модница непременно стараются выглядеть иностранцами на нашей улице.

Помните, еще у Маяковского:

Он был
монтером Ваней, но,
в духе парижан, себе

присвоил звание:
«электротехник Жан».

Они и особую манеру речи себе присваивают — с какимто импортным шиком, который переняли с экрана, раз десять кряду просмотрев далеко не лучший заграничный кинофильм.

И походку-то они себе вырабатывают эдакую расслабленную, усталую, разухабисто-болтающуюся — дескать, обошли они чуть ли не весь мир на своих рубчатых подошвах, все на свете видели, все им наскучило — вот и притомились...

Ничем уже их не удивишь, ничто их, разочарованных, не расшевелит, разве только звуки рок-эн-ролла или твиста, от которых ноги у них сразу начинают дергаться, как у дохлой нагальванизированной лягушки. Все в этих молодчиках и девицах — вранье, все — фальшивка, рассчитанная на дешевое доверие и не очень наблюдательный глаз завистливых зевак.

Ко ничем не лучше та манера, с которой любят одеваться и вести себя молодые люди, как будто очень далекие от стилига и даже презирающие их, но выработавшие для себя свой особый стиль. Ходит такой парень в расклепанных сверх всякого устава брюках, в тельняшке, которая видна из-под расстегнутого ворота рубахи. На руке у такого татуировка — якорь, русалки, выпелы и прочая невытравимая «морская романтика». Одним словом, альбатрос, морская душа... А на самом-то деле он из тех, о ком настоящие моряки говорят: «поперек борща на ложке плавал».

Кстати, если уж говорить о татуировке, то ее когда-то моряки переняли у ряда племен Африки, Америки, Океании, где обычай выжигать на коже различные знаки НОСЕЛ ритуальный характер или превращался в манеру особым образом разукрашивать тело. У матросов так называемая «наколка» когда-то была действительно вызвана определенными условиями морской службы. По знакам, по рисункам на коже опознавали моряков среди утопленников, выброшенных на берег после кораблекрушения. Сейчас на флоте ведется борьба с этими проявлениями сохранившейся, но уже ненужной традиции. А между тем мне не раз выпадал случай сталкиваться с юношами, которые когда-то по глупости, по молодости лет накололи себе на коже всевозможные узоры и теперь не знают, как от них избавиться. Приходится обращаться к врачу, но и он не всегда имеет возможность устранить эти нестирающиеся следы нелепого ухарского вкуса.

А тот жаргон, словесный мусор, блатные словечки, которыми еще порой любят уснащать речь некоторые молодые люди, — разве это, в сущности, не фальшивки? Просто старается парень прослыть человеком бывалым, выдавшим виды, сквозь огонь, воду и медные трубы прошедшим.

Уголовники, те пользуются этим потайным жаргоном, так называемой «блатной музыкой», как определенным секретным кодом, чтобы не посвящать окружающих в их мерзкие воровские дела и оставаться непонятыми для посторонних.

А иной парень или какая-нибудь простодушная девица, чтобы, как они выражаются, «давить фасон», щеголяют подобными неблагозвучными словесами ради дрянного шика.

Хороший вкус — это прежде всего вкус здоровый, помогающий человеку видеть, познавать истинную красоту мира; хороший вкус — это вкус взыскательный, требовательный, строгий, честный, то есть чурающийся всего ложного, фальшивого, поддельного. Хороший вкус призывает человека быть искренним, как говорят, оставаться всегда самим собой, то есть проявлять себя одинаково на словах и на деле, стремиться к подлинно прекрасному, а не внешне красивенькому, испытывать отвращение ко всякой подделке, к любого рода наигрышу.

Если, скажем, человек верного вкуса задумается над тем, что ему нужно расти, он не станет делать это за счет каких-нибудь внешних примет — увеличения каблуков или, скажем, кока иа голове, а серьезно займется своим развитием, духовным совершенствованием; он обогатит себя новыми знаниями, постарается подняться на более высокий уровень культуры. А ведь иной раз, слушая какого-нибудь велеречивого болтуна,

так и чувствуешь, что он забрался на ходули выпренных, но мало что выражающих слов, чтобы изобразить этими «высокими» словами свои карликовые мысли...

Дурной вкус — это вкус ленивый, не дающий человеку серьезно задуматься над смыслом жизни, над собственным поведением, над тем, какое место он занимает в обществе.

Плохой вкус — это вкус грубый, не умеющий распознавать истинную красоту и довольствующийся примитивной красотой. Лев Толстой говорил, что такой вкус груб, даже если кажется утонченным, тяготеющим к каким-то особым изыскам, так как, по существу, не вникает в истинно прекрасное и способен воспринимать лишь то, что, грубо выражаясь, шибает в нос, оглушает первым впечатлением.

Дурной вкус-это прежде всего вкус «дешевенький», не умеющий находить верную оценку тому, что действительно дорого в жизни, хотя и не набивается само на глаза.

И это вкус лживый: он готов прикрыть внешним блеском внутреннее невежество, он ревниво прислушивается к чужому толку, жадно, часто не разобравшись, торопливо следует за дешевой приманкой пустопорожного, показного шика, легко мирится с кустарными, крикливо раскрашенными открытками на стене, с аляповатыми бумажными цветами на комодике, простительными только на похоронах, да и то лишь в ту пору, когда нет живых цветов или трудно заказать искусственные металлические, матерчатые.

Кричащие, якобы соответствующие заграничной моде галстуки системы «павлиний глаз», шарфы всех цветов светофора, способные нарушить уличное движение, напрокат взятые с чужих уст ходовые стандартные обороты речи записных остроумцев, вроде: «красота, кто понимает», «свой в доску», «будьте покойнички», «ну, жмаю пять», «факт», «сила», «законно», «как штык», «на все сто», и, наконец, не по праву задержавшееся после войны, уместное и верно звучавшее лишь во фронтовом обиходе словечко «точно» — вот весьма распространенный арсенал средств и речений, которыми «оснащает» человека дурной вкус. Но подробнее об этом мы скажем дальше, в главе, специально посвященной вопросам языка и вкуса.

Люди дурного вкуса неспособны по-настоящему глубоко наслаждаться искусством. Дешевый, невзыскательный, лживый вкус приучает находить и в книге, и в спектакле, и в кинофильме лишь забавные случаи или занятные приключения, пикантные анекдотики, не вызывающие никаких чувств и мыслей. Невольно вырабатывается привычка противиться всему серьезному, правдивому, волнующему — всему тому, что дает настоящее искусство. Читателей подобного рода восхищают лишь незамысловатые, ловкие подвиги удачливых героев, маловероятные, но счастливые совпадения, роскошные признания в любви, пышные описания богатых салонов — словом, все то, что давала так называемая бульварная, «галантерейная» литература, книги дурного пошиба, уводящие читателя от подлинной жизни и отягощающие его суррогатными чувствами, чувствами-подделками и умильным враньем о придуманном благополучии.

Коммунистическая партия призвала наших писателей, музыкантов, артистов, художников оправдать высокое доверие народа и вести беспощадную борьбу с теми ложными, а потому враждебными нам вкусами, которые стремятся навязать нашей молодежи некоторые зарубежные недруги.

Буржуазные идеологи различными ухищрениями пытаются уловить в свои сети души наших молодых людей.

В ход пускается все, только бы отучить их мыслить, чувствовать, чтобы расслабить волю, привить пошленький, обывательский вкус. Вот почему мы не можем быть безучастными ко всему, что пытается навязать нам, назойливо всучить под дымовой завесой болтовни о «свободном искусстве» враждебная нам пропаганда.

Когда мы говорим о формировании художественного вкуса, верных эстетических представлений у наших людей, мы призываем молодежь овладеть всеми сокровищами, накопленными духовной культурой человечества.

К сожалению, некоторые горе-воспитатели этого не понимают.

Однажды, например, мне передали из редакции «Комсомольской правды» такое письмо:

«Пишу вам после спора на комсомольском собрании. На этом собрании речь шла о книгах Мопассана, Бальзака, Драйзера... Один старший товарищ поднялся и сказал, что нельзя читать произведения этих авторов. Я спросила — почему? Последовал ответ, что они нам ничего не дают, кроме морального разложения.

Когда я сказала, что они нам рассказывают о жизни буржуазного общества, о самом капитализме, на мои слова засмеялись и сказали: «Зачем нам это знать, когда надо читать о нашем настоящем и будущем, о коммунизме, а у Мопассана и Драйзера о коммунизме ничего нет». В общем, мы договорились до того, что и Толстой и Пушкин тоже отошли в прошлое... В. Фомина.

Ну что же, товарищ Фомина, не падайте духом! Встречались и мне такие люди когда-то. Придет, бывало, такой к нам на студенческую вечеринку, где соберут на стол немудреную снедь, осмотрит все критическим оком и сейчас же примется укорять нас: «Вкусно-то вкусно, да насчет жиров и калорийности слабо». Увидит на подоконнике раздобытую ради праздника примостившуюся стебельком в кружке розу-поморщится, приняхиваясь: «В крайнем случае хотя бы уж не белую, а красную поставили». Начнут ребята танцевать — он сейчас же: «Ну что зря топтаться, чуждый нам фасон перенимать! Уж если не сидится, так провели бы зарядочку, гимнастикой занялись». Попробует кто-то вспомнить старую песню «Гайда тройка, снег пушистый»-он опять против: «Ну что вы все гикаете? А по-моему, всем этим гайда тройкам, да Ги де Мопассанам грош цена, буржуазная отрыжка, икота прошлого».

И ко всему-то у него были уже готовые ярлыки, не очень грамотные, но решительные. Мопассан — разложенец. Толстой — непротивленец, Дюма — голый приключенец, Пушкин — не наш настроенец...

Но, скажут мне, это было прежде, когда молодежь пылкая, рвавшаяся сразу в мировую коммуны, уж больно размахисто рушила вековые авторитеты и иной раз по молодости лет да и по недостатку знаний, как говорится, изрядно загибала. Но и тогда уже ярые гонители классического наследия встречали сокрушительный отпор у большей части нашей молодежи. Казалось бы, что пора таким уже перевестись на Руси. Но вот письмо В. Фоминой напоминает, что и сегодня встречаются подобные гонители Мопассана и Бальзака. Вероятно, им кажется, что они имеют право учить уму-разуму молодежь, ограждая ее от «вредных влияний». По-видимому, люди эти считают себя передовыми, современными, а на самом деле в какую дремучую пещерную тьму уходят подобные высказывания! Еще В. И. Ленин в те годы, когда некоторые товарищи из Пролеткульта отвергали начисто все, что принесла культура прошлого, разгромил носителей подобных идей. Ленин утверждал, что пролетариат, которому теперь стали доступны все сокровища науки и искусства, создавая свою новую, революционную социалистическую культуру, должен освоить все, что добыто в области духовной жизни человечества. Ленин призывал взять все лучшее, все наиболее ценное из достижений культуры прошлого, используя это лучшее в борьбе за прекрасное будущее.

А вот, оказывается, и по сей день находятся еще, правда изредка, люди, которые огромную всечеловеческую культуру «ГУРУ» ставшую впервые в истории достоянием всего нашего народа, пытаются пропустить через какое-то мелкое ситечко... Мопассан, Толстой, Бальзак не проходят через их мелкодырчатое решето. Есть в одном из произведений чудесного русского писателя Пришвина такой тип, считающей себя местным руководителем и заслуживший от колхозников прозвище «Мелкодырчатый». Такие вот «мелкодырчатые» и видят у Мопассана лишь описание интимных сторон любви и громят его, заслоняя от молодых читателей то большое человеческое, — гуманное, что есть в мопассановском творчестве. Они не понимают, что великий французский писатель глубоко демократичен, что его откровенная, не боящаяся приоткрыть самые затаенные свойства человеческой природы

творческая манера вызывает к бережной любви и проникновенному уважению личности человека, попранной буржуазным обществом.

«Мелкодырчатый» не понимает, почему гений Ленина видел в безбрежном творчестве великого Толстого отражение грядущей русской революции. «Мелкодырчатому» с его заскорузлым литературным вкусом кажется, что Толстой в «Войне и мире» и в «Анне Карениной» пишет только о жизни помещиков и ничего больше. «Мелкодырчатому» недоступны высокие радости, дивные наслаждения красотой искусства, эстетической прелестью его, восхищение силой человеческого слова и писательской мыслью, яркостью и широтой фразы, созданной художником. Для него творения Микеланджело и Рафаэля всего-навсего лишь «предметы религиозного культа». Он не видит в «Сикстинской мадонне» или в «Моисее» образов человеческого страдания, могущества великой мысли. Он думает, что в будущее можно проехать на «узкоколейке», в то время как наш советский народ, совершивший великий переворот в истории, движется к просторам этого своего счастливого будущего по широким крутым путям. И на этих путях никогда не тесно ни Толстому, ни Леонардо да Винчи, ни Чехову, ни Пушкину, ни Мопассану. Все они наши верные и дорогие спутники на пути в будущее. От всяких «мелкодырчатых» много вреда большому делу воспитания эстетической культуры у молодежи.

Бывает, что человеку, который бродит по просторному миру в тесной обуви, начинает уже самому казаться, что и свет весь узок и жмет. И вместо того чтобы сменить ботинки, он и к другим людям лезет со своими обуженными мерами и требует, чтобы все плелись с ним в ногу.

После всем известных и памятных бесед на Ленинских горах и в Кремле, где руководители партии и правительства встречались с деятелями нашего искусства и литературы, после июньского Пленума ЦК КПСС вопросы эстетического воспитания стали, как никогда, предметом горячих, страстных обсуждений во всех уголках нашей страны. Как никогда, поднялись требования к литературе и искусству, от которых народ ждет глубоких, интересных мыслей, ярких, искренних чувств, западающих в душу слов, радующих сердце мелодий, художественных образов, вдохновляющих наших людей в их жизни и труде. Естественно, что беспощадно осуждаются произведения формалистические, крикливые, пошлые, чуждые настроениям народа.

Ведя решительную борьбу со всякими проявлениями чуждой нам идеологии, мы выступаем и против ханжества.

Мы отвергаем попытки опорочить те произведения искусства, которые стали дороги миллионам людей, доставляли и продолжают приносить нам высокую радость, подлинное удовольствие. А встречаются еще у нас люди, которые, будучи сами лишены верного художественного вкуса, пытаются очернить все, что не пришлось им «по нраву» в просторном и сложном мире искусства.

Эти люди часто не видят дальше краев своего чайного блюдечка, на которое они к тому же опасливо дуют, чтобы остудить все, что, как им кажется, превышает дозволенный градус. Но каемка на блюдечке — это еще не линия широкого горизонта, свойственная настоящему искусству, и не та орбита, па которую поднялась и вышла общая художественная культура нашего народа.

Беда еще и в том, что чем уже у человека взгляд на искусство, тем размашистее выводы и оценки, с плеча выдаваемые тем или иным произведениям искусства. Приходится напоминать об этом, потому что подобные невежественные и обуженные оценки приносят тоже немало вреда.

Об этом следует помнить, и особенно когда речь идет о воспитании хорошего вкуса у молодежи.

В последнее время мне приходилось самому наблюдать да и слышать от многих библиотекарей, что известная часть молодежи у нас стала чрезмерно увлекаться

детективной, приключенческой литературой. Особенно в большом ходу книги, выпускаемые некоторыми издательствами в специальных сериях, «Библиотека приключений». Подавляющее большинство этих книг рассказывает о действительно героической деятельности наших разведчиков, о бдительности и бесстрашии советских пограничников и работников государственной безопасности, пресекающих подлую работу шпионов, засылаемых на территорию нашей родины из-за рубежа. Тема эта благородная и нужная. Как известно, десятки и сотни миллионов долларов отпускаются одними только Соединенными Штатами Америки для засылки к нам шпионов и диверсантов. Естественно, что книги, повествующие о борьбе с проникающими к нам врагами, книги, полные увлекательного действия, интересны молодым читателям. И вообще я никак не хочу отнести огулом всю приключенческую литературу к разряду литературы дурного вкуса.

Мы знаем великолепные произведения такого жанра, созданные его родоначальником Эдгаром По, с удовольствием перечитываем рассказы Конан-Дойля, романы Коллинза, одобряем выход давно не переиздававшихся у нас известных рассказов Честертона, отдаем должное даже полузабытым «полицейским» романам Эжена Сю, оказавшего некоторое влияние на такого громадного писателя, как Достоевский. Мы за хорошую, добротную приключенческую литературу — и за Жюль Верна, двенадцатитомное Собрание сочинений которого не так давно вышло у нас, и за Герберта Уэллса, и за Джека Лондона, и за лучшие романы Дюма, и за «Аэлиту», и за «Месс Менд» Мариэтты Шагинян, и за превосходные романы и рассказы писателя-ученого Ефремова — словом, мы не против самого жанра, не против этого рода литературы, чрезвычайно нужной молодому читателю, отвечающей зову горячего сердца и воображению пылкого ума. В произведениях перечисленных выше авторов действуют люди ярких и интересных характеров, совершаются волнующие события, пусть несколько условно сгущенные в своем драматизме, но создающие определенный художественный образ, соответствующий всем высоким требованиям подлинной литературы.

Порой же под маркой приключенческой литературы выпускаются книги, прививающие несерьезное отношение и к литературе и к тому, что ею изображается. Такие книги не только не помогают познать жизнь, не только не формируют сознание и не воспитывают чувства, но если и доставляют известное удовольствие, то лишь ленивому читателю.

Более или менее простительно еще, если ничего, кроме таких книг, не читает человек престарелый, откровенно признающийся, что внимание у него уже притупилось и ничего серьезного воспринимать он не в состоянии. Но когда я слышу, как человек в полном расцвете сил отказывается от всех предлагаемых ему в библиотеке хороших книг и упрямо требует «что-нибудь про шпионов, да позакрученной», я с сожалением думаю, глядя на него: пустельга!

Книги такого рода не прививают и настоящей бдительности, хотя как будто бы и посвящены этой теме, ибо враги, как правило, изображаются в них заведомыми неудачниками, коварные планы которых известны с первой же страницы не только следователю, но и читателю. Не приходится, читая эти книги, напрягать свое воображение, мобилизовать мысль, наслаждаться решением сложнейшей задачи, вместе с героем участвовать во всех событиях. Нет, здесь все дается уже готовым, неаппетитно разжеванным, остается только проглотить, что и делает ленивый читатель, может быть, и не без известного удовольствия, но, уж во всяком случае, без всякой пользы.

Жалуются и школьные библиотекари на чрезмерное увлечение ребят детективными романами, а самым заядлым таким почитателям «шпионской литературы» даже Катаев и Гайдар кажутся уже скучноватыми!..

Скажу правду. Такие «читатели» вызывают у меня искреннее беспокойство. Ведь они с юных лет сами лишают себя крайне необходимой для их роста духовной пищи, той богатой мыслями и яркими чувствами духовной пищи, какую так щедро нам дают большие и правдивые произведения искусства и литературы.

Становится равнодушным к правде тот, кто ищет в книжке только замысловатый,

«круто завинченный» сюжетец «пошпионистей», где людям и явлениям для удобства автора и для максимального облегчения усилий читательского внимания приданы положения, ситуации, мотивировки, главным образом оглушающие сознание и не имеющие ничего общего с подлинной жизнью.

Огромное значение в воспитании художественного вкуса имеет музыка. Мы знаем, как трудно бывает у нас подчас достать билет на самую, казалось бы, академическую программу в Большой зал Консерватории. Музыкальное искусство у нас давно перестало быть достоянием небольшого круга избранных. Но увы! Если брать широко, то следует сказать, что не все еще ладно у нас по части вкусов и в области музыкальной...

До сих пор приходится еще слышать довольно откровенные признания в том, что мы-де, мол, не понимаем серьезной музыки и что она, дескать, совершенно не нужна. Так, недавно в одной из радиопередач я услышал письмо одного молодого человека, решительно выступающего против симфонической музыки. Он писал, что она наводит грусть и меланхолию, а молодежь нужно воспитывать в духе бодрости и жизнерадостности. И дело здесь, оказывается, не только в возрасте. В той же радиопередаче было прочитано письмо одного пенсионера, утверждавшего, что симфоническая музыка устарела, что нужно закрыть, расформировать все симфонические оркестры, камерные ансамбли, как совершенно ненужные и лишние.

Есть немало, к сожалению, людей, которые готовы отказаться от всех видов музыки, кроме той, которую принято называть «легкой».

Я знаю девушек, которые готовы часами вместе с подругами просиживать у патефона, ставя одну и ту же душещипательную пластинку с каким-нибудь патентованным джазовым романсом. И добро, романс-то был бы хороший?

Ведь существует у нас богатейшая романсовая музыка. Писали чудесные романсы Глинка и Чайковский, Рубинштейн, Варламов и Гурилев. Как хороши подлинные таборные цыганские песни, в которых звучит страсть большой и вольной души, чувствуется трепет горячих сердец, биение кипучей крови и слышится тоска бездомного кочевья и свист ветра в степных просторах. Такими песнями заслушивались Пушкин и Денис Давыдов, их любил Лев Толстой.

Нет, не о таких песнях идет речь. Сидят девицы, накручивают, как шарманку, патефон и в сотый раз слушают про ландыши, ландыши, ландыши... А иногда подобное благоухание доносится раза три в вечер из клубного радиоузла...

А ведь здесь все подделка. Не страсти, а страстишки, не мысли, а мыслишки. Тут подделка и музыка и чувства.

И приучают люди себя к этой суррогатной музыке, к фальшивым чувствам, к «какбудтошной» тоске.

— Что же, — ополчится кто-нибудь из читателей, — вы, значит, вообще против легкой музыки, против джаза, танцев, веселых песен?

Нет! Мы — за!

Мы и за джаз, и за веселую танцевальную, легкую музыку, и за шуточные песенки, только они должны быть хорошими, отвечающими требованиям своего жанра. Мы не из тех, кто, как сказал писатель Ренар, выдает дурное настроение за хороший вкус. Было бы смешно заставлять нашу молодежь или хотя бы даже рекомендовать ей, когда она собирается на товарищеской вечеринке потанцевать, повеселиться, поразвлечься, непременно слушать в магнитофонной записи симфонии Бетховена или Чайковского. Эти великолепные творения надо слушать на концертах или по радио — одному или с друзьями, которые пришли к тебе специально для того, чтобы внимательно, в тишине насладиться серьезной музыкой, чтобы прочувствовать ее, получить радость и подумать над нею.

И мало пользы от того, что некоторые не в меру осторожные педагоги или ханжески благонамеренные клубные работники накладывают запрет на так называемые «западные

танцы». Этим вносится казенное уныние в те общественные места, где юноши и девушки могли бы по-хорошему развлечься, повеселиться. Молодежь вынуждают искать места, где бы ей никто не помешал танцевать так, как хочется.

Чего же ей хочется, этой молодежи, и что же, собственно, дурного в танцах, которые у нас принято называть «западными», в чем, так сказать, пагуба, якобы кроющаяся в них?

И логично ли, что некоторые ярые блюстители клубных и школьных порядков, гонители всякой, как они выражаются, «иностранины» не протестуют против падекатра, падеграса, миньона. Эти танцы ведь тоже пришли к нам не из Калуги или Рязани... Почему же люди, грудью встающие за падекатр или падеспань, поднимают опасливую суетню и готовы применять самые крутые меры, едва слышат мелодии блюза, фокстрота, румбы.

Спору нет, старинные балльные танцы изобиливали плавными, грациозными движениями, которых так часто лишены сегодняшние. Но не слишком ли много времени прошло с тех пор, когда они были непременным номером в программе всякого бала. Ведь совсем не случайно изменилась манера, рисунок танца. Это — отражение перемены, происшедшей в музыке: новых музыкальных ритмов, иного строения музыкальной фразы, синкопирования мелодии с переносом удара, ритмического момента словно бы на западающую клавишу. А такие перемены в свою очередь порождены совсем новым и, как это хорошо чувствует прежде всего молодежь, стремительным темпом всей нашей жизни.

Вряд ли тут нужно особенно углубляться в природу современной танцевальной мелодии, раскрывать детально все причины и обстоятельства, продиктовавшие изменения в ней и в самом танце. Ведь каждая эпоха имела свой обширный танцевальный репертуар. Для XVIII века были характерны менуэт и гавот, начало XIX века ознаменовалось победоносным вихревым вальсом, потом появились полька и галоп.

В конце прошлого века и в начале нынешнего стали танцевать падеграс, падепатинер, а вскоре затанцевали танго и фокстрот. Я не специалист в области музыки и тем более не считаю себя знатоком по части танца, но мне дорога искренняя непосредственность молодых увлечений во всех областях жизни. И думается мне, очень трудно убедить молодежь, остро чувствующую пульс и ритмы жизни, что она обязана плясать только по старинке.

Такой крупный и серьезный советский композитор, как Дмитрий Кабалевский, отвечая одному из донецких педагогов, требовавших полнейшего изгнания джаза из нашей жизни, писал, что не видит в джазе «духовного оружия империализма». «Я написал ему, — сообщил Кабалевский, — что видел в своей жизни и продолжаю видеть бесконечное число отличных девушек и юношей, любящих джаз, и что джаз не оказывает никакого влияния на их мировоззрение, на их духовный мир. Я написал даже (вероятно, очень огорчив его этим), что сам люблю и послушать хорошую джазовую музыку и потанцевать под джаз и никогда при этом не чувствую себя духовным оруженосцем империализма».

«Я считаю, — писал далее Кабалевский, — что отрицание легкой музыки — такое же нарушение естественного отношения к жизни, как отрицание музыки серьезной. Люди, не понимающие легкой музыки, чаще всего бывают людьми скучноватыми». Композитор тут же подчеркнул: «Хуже представляется мне другая крайность. Люди, чьи эстетические потребности исчерпываются развлекательной музыкой, часто напоминают мне тех, кто был бы счастлив, если бы вся жизнь состояла из одного отдыха, веселья и шутки. Вот почему я считаю, что разговор о джазе, как и вообще о легкой музыке, не следовало бы вести, изолируя & amp;ти вопросы от вопроса отношения к музыке в целом, от вопросов воспитания хорошего, благородного и притом разносторонне развитого музыкального вкуса».

Но вернемся к танцам. Конечно, в большом просторном зале, где достаточно места, хорошо и сегодня покружиться в раздольном вальсе — его ритмы бессмертны. Но естественно, что большинству старинных, подчеркнута галантных, несколько нарочито церемонных «па де...» молодежь предпочитает современные танцы. И почему надо с такой трусливой осторожностью, обычно оборачивающейся неумным административным рвением, разлиновывать по унылым графам «культурно-развлекательных мероприятий» молодежное веселье? Все дело в том, как вести себя в танце, как его исполнять.

У нас к танцевальной мелодии предъявляются те требования, которые стали обязательными при подходе к музыке любого жанра. И прав А. Цфасман, который пишет:

«В нашем джазе мелодия при всей оригинальности должна быть ясной, напевной, изящно выразительной, гармония при всей свежести — логичной, ритм при всей остроте — ясным. Наш джаз должен отвечать тем эстетическим требованиям, какие мы предъявляем к советской музыке в целом».

Мы знаем, что часто в сегодняшней зарубежной танцевальной музыке истошные завывания, однообразные ритмы, низведенные до уровня грубой примитивной мелодии с тупо, бесконечно повторяющимися тактами, доводят иной раз зрителей и танцующих до исступления, переходящего порой в массовую истерику.

Конечно же, речь может идти не о таких «западных» танцах. Что и говорить, встречаются и у нас «твистуны», старающиеся перенять самый дурной «стиль» западноевропейской или американской кабацкой эстрады, с вызовом бравирующие разболтанными манерами и ухарским кризлянием. Их действительно следует призвать к порядку, напомнив, что во всем надо обладать вкусом и всему есть своя мера. Но ведь, в конце концов, и краковяк и вальс можно начать отплясывать с таким пошибом, что придется вызывать дружинников или милицию. Однако не следует же из этого, что надо запрещать краковяк. А некоторые чересчур суровые дяди и тети, блюстители хорошего тона и строгого вкуса, вместо того чтобы заняться обучением своих воспитанников хорошим манерам в современных танцах, пытаются изгнать из танцевального обихода молодежи все танго, блюзы, фоксы, самбо, румбы — словом, все современные танцы.

Надо ли еще раз повторять, что в хорошем танце должны всегда сочетаться и заразительная музыкальность, и увлекающий ритм, и непринужденное веселье, и взаимное уважение партнеров — подчеркнутая заботливая вежливость «кавалера» и лишенная манерности скромная уступчивость «дамы». Все дело в такте, в чувстве меры, в желании и самим по-хорошему развлечься и другим принести радость, удовольствие, веселье. Вот тогда танец независимо от его названия и географического происхождения будет хорош к станет отвечать требованиям вкуса.

Разумеется, если говорить о воспитании серьезного музыкального вкуса, то разговор должен начинаться с настоящей, большой музыки, с творений великих композиторов России, славнейших мастеров мира, с лучших произведений современных композиторов. Конечно, надо прививать молодежи прежде всего взыскательный, строгий музыкальный вкус.

И как благодарна бывает молодежь, когда умные воспитатели открывают перед ней подлинные сокровища большой музыки. Композитор Д. Б. Кабалевский писал как-то в «Известиях» о том, какое отрадное впечатление произвели на него члены «Школьного общества любителей симфонической музыки», с которыми он познакомился во время поездки по городам Сибири и Дальнего Востока. В беседе с композитором каждый по-своему повторял одну общую всем мысль.

«Если бы сегодня у меня отняли возможность слушать серьезную, особенно симфоническую музыку — я почувствовал бы себя таким же духовно обедненным, как если бы лишили меня возможности читать хорошие книги».

Композитор приводил в газете письмо Тани ГГ., ученицы 10-го класса:

«Нравился мне джаз. Три года, как я стала слушать симфоническую музыку... В симфонии я за последний год стала видеть мысль, а не только чувства, как раньше...»

Все это не значит, разумеется, что на школьной вечеринке во время танцев надо играть полонез Шопена, либо «Камаринскую» Глинки, или экосез из «Евгения Онегина».

Все это музыка изумительная, но танцевать под нее будет вряд ли удобно.

Есть немало прекрасных танцевальных мелодий, и тут выбор должен быть предоставлен молодежи самый широкий. Всем бывает весело, приятно и радостно, когда на молодежном вечере кто-нибудь лихо спляшет гопака или все встанут в круг, а по нему пройдет, распластав по-орлиному, как крылья, руки, танцор в гордой лезгинке. И, как я уже говорил, всем приятно покружиться в плавном вальсе или в веселой, стремительной,

кокетливо-иронической полечке. Но можно ли этим лишь ограничивать желания и требования молодых танцоров? Очень противно, когда попросту скучные люди, почитающие свои отсталые вкусы за закон, заранее расписывают веселье и танцы: вот это, мол, можно признать благонадежным прихлопом, а уж это пошли невыдержанные притопы. Всякое непривычное для их глаз па, может быть, несколько темпераментные движения в танце кажутся им уж чуть ли не посягательством на моральные устои общества.

Было время, когда такого же рода блюстители нравов и строгих вкусов возмущались, если молодежь танцевала «буржуазные» танцы, вроде падеспани, и требовали обязательно «Яблочко». Они считали лишь этот танец выразителем пролетарской доблести, забывая, по-видимому, что всеми нами любимый танец «Яблочко», нечего таить, танцевали иногда и по ту сторону фронта гражданской войны. Однако это ведь нисколько не скомпрометировало наш лихой, веселый танец. Румяное красное яблочко не стало белее оттого, что иной раз его отплясывали и наши враги. Танец остался в народной памяти как звонкая подвижная музыкальная метка революции. С удовольствием отплясывает его молодежь и сегодня. Но это не значит, что танцы иного музыкального строя, скажем, танцы, пришедшие к нам со свобододолюбивой и темпераментной Кубы, следует подвергать гонению.

Если молодежь заимствует что-то интересное, родственное ее внутреннему темпу из современных зарубежных танцев, не следует ошарашивать ее административным окриком. Пусть ищет, изобретает, пробует. Кому дано право варанее считать какие-то коленца завизированными, а другие па — запрещенными? Важно, чтобы танец был веселым, жизнерадостным, отвечающим здоровому вкусу и живым устремлениям молодежи. Ведь танцевать хочется под музыку, а не под расписку, которую пытаются заранее взять у молодежи чересчур уж осмотрительные наставники администраторы.

Нужно, можно, стоит любить и хороший джаз, и веселую лирическую оперетту, и остроумную эстрадную песенку.

И следует молодым людям уметь танцевать. Ничего хорошего не вижу я в снулых молодых парнях, которые на вечеринке, сохраняя гордо-отчужденный вид, ладонями, заложенными за поясницу, подпирают стены зала, вместо того чтобы поддержать общее веселье, поплясать вместе со всеми.

Однако всему свое место, свой час. А ведь есть еще, к сожалению, и такие, которым все кажется слишком серьезным, скучным: и хорошая камерная певица, и вдохновенный чтец, и известный ансамбль скрипачей Большого театра, и лирическая музыка русского романса. Если ненароком затащили такого скучающего молодого человека на концерт Чайковского, он вскоре безмятежно засыпает, но зато, едва заслышав где-то первые такты рока или твиста, упоенно (даже во сне) начинает дергаться и сучить ногами.

Ничего, кроме глубокого сожаления и отвращения, этот «любитель музыки» вызвать не может.

Вспомните, как остроумно и зло высмеял этакого «кавалерствующего дергунчика» Ив Монтан в своей песенке о парижских стилигах. И, кстати: когда мы говорим о хорошем вкусе в жанре эстрадного искусства, нельзя не обратиться к творчеству этого талантливого французского певца, которого так тепло принимали в нашей стране и москвичи, и ленинградцы, и киевляне. Ив Монтан — прекрасный образец безукоризненного артистического вкуса. И в самой его манере исполнения песен, в предельной собранности найденной им сценической формы, сочетающей элегантность и четкость движений с подкупающей простотой, — словом, во всем облике артиста, как и в содержании и строении песенок, перед нами непринужденно раскрывается поэзия народного Парижа, Парижа простых, трудолюбивых, добрых, веселых и влюбленных в свой город людей.

Совсем иной характер имели песенки Вертинского или, скажем, Лещенко. Мне часто приходилось слышать от моих молодых друзей вопросы о том, как с точки зрения серьезного вкуса следует расценивать этих двух артистов.

«Прежде всего нельзя ставить их на одну доску. Вертинский обладал незаурядным исполнительским мастерством, проявил себя как талантливый киноактер, очень хорошо

снявшийся в некоторых наших фильмах. У него была известная исполнительская культура, очень выразительный жест, обогащенный, как мне думается, знакомством с приемами народного театра Востока, где некоторое время жил артист. Но на эстраде Вертинский был, конечно, выразителем старого, отмирающего вкуса. Человек талантливый, он умел искусно находить те слабые, больные места, неутоленные печали, грустные воспоминания, которые имеются, вероятно, в душе даже самого счастливого и уравновешенного человека, не говоря уже о таких, кто по воле истории понес ощутимые утраты в жизни. Играя на этих „струнках“ души человеческой, Вертинский строил свои песенки, изящные, мизерно иронические, обычно унылые, заупокойные по отношению к прошлому, иногда экзотические, полные бессильной тоски о безвозвратно утраченном. И не случайно его концерты особенно привлекали людей, которым дорого было это навсегда ушедшее прошлое.

Что касается Лещенко, то он не обладал ни настоящим голосом, ни мастерством, которое могло бы хоть в какой-то мере восполнить столь серьезный для певца изъян. Это был небесталанный, но типичный герой ресторанных подмостков, в дешевых песенках которого слышался ухарский кабацкий пошиб, перемежаемый тоскливой отрыжкой с перепоя.

Слушая хорошую музыку, переполняешься глубоким душевным волнением, ощущаешь какой-то необычайный прилив чувств и стремлений. А сколько новых раздумий о жизни, о людях приходит в эти недолгие, но сокровенные часы...

А вот под иную музыку любители ее спешат как можно скорее наполнить свои желудки пивом и водкой. Так при этом и говорят: «Эх, и хорошо пьется под такую музыку...»

Мне, например, очень нравится яркое, темпераментное и злободневное искусство эстрады. Я давно люблю таких великолепных, щедро одаренных наших мастеров эстрады, как Аркадий Райкин, Леонид Утесов, Клавдия Шульженко. Мне не раз долгими часами приходилось беседовать с тем же Райкиным или Утесовым о серьезной классической музыке, о советском и зарубежном киноискусстве, о Художественном театре, о Чехове, о Маяковском, о Бабеле, о театре «Французская комедия», о Шекспировском театре в Англии — словом, обо всем том, без чего и сами мои прославленные друзья-артисты никогда бы не достигли вершин мастерства в своем жанре. А такой крупный артист эстрады, как Н. П. Смирнов-Сокольский, заслужил уважение и известность не менее, чем на сцене, среди любителей книги, как замечательный знаток и собиратель старинных книг, образованнейший библиофил, автор интереснейших трудов на эту тему. И поэтому не вызывают у меня чувства уважения юноша или девица, заявляющие, что Чехов скучен, Шекспир не под силу и лишь от детективных романов они без ума.

Это люди дешевого, неразборчивого вкуса. Они млеют от Лолиты Торрес, которая и правда очень хорошо исполняет свои песенки в фильмах, и ничего другого в мировом вокальном искусстве не знают и не признают. Они заискивающе говорят о том, что вот, мол, там, за границей, — настоящие таланты. Но вы не встретите этих «ценителей зарубежного искусства» в Большом зале Консерватории, когда он ломится от любителей музыки, пришедших послушать Бостонский симфонический оркестр или дивную игру американского скрипача Стерна. Они знают всех известных чечеточников Европы и Америки, но совершенно неспособны понять покоряющую грацию и проникновенность таланта Улановой. А в картинах с Чарли Чаплином их занимают только трюки, падения, смешные нелепицы, и они никогда не задумываются над тем, что гениальный актер пленяет зрителей своей верой в большую душу маленького человека, который, несмотря на все комические злоключения, остается непобежденным в своем внутреннем благородстве.

Большие, искренние чувства, волнующие душу, глубокие раздумья, возникающие при соприкосновении с подлинным искусством, неведомы людям дурного вкуса. Живущие по дешевке, за счет мелких чувств, незначительных мыслей и несложных удовольствий, они лишены истинных радостей.

Рано или поздно, если только они не одумаются, не изменят своего отношения к литературе, к искусству, к дружбе, любви, — их постигнет в жизни тяжелое разочарование.

И мне хочется предупредить таких, пока они молоды и есть еще время исправить дело:

Поймите! Можно иногда баловства ради лузгать семечки подсолнуха или с удовольствием сосать ириски, но ведь это же не настоящее питание. Семечки и карамельки не должны отбивать вкуса к настоящему хлебу!

Можно наводить на странички альбома готовенькие дешевые картинки. Но всю жизнь довольствоваться лишь переводными картинками, не заглядывая ни в музеи, ни на выставки живописи, — это все равно что жить, нарочно отводя глаза от живой красоты, упрямо отвернувшись от нее.

Забывать себе уши одними и теми же пошловатыми, всем давно уже приевшимися, как их называют, «приставучими» песенками, никогда не отдавая себя во власть хорошей музыки, — это все равно что согласиться стать полуглухими или превратиться самим в некие подобия заигранных патефонных пластинок...

Не читать, не знать, не произносить, хотя бы про себя, запавших в душу мудрых строк особенно полюбившегося вам большого поэта — это значит быть нищими духом, обречь себя на косноязычие или пустословие.

Довольствоваться легкими, мелочными утехами, не открывать своего сердца боли и радости тех, с кем вас могут свести, если вы им доверитесь, искренняя, умная книга или хороший спектакль, талантливая картина художника или душевная музыка, — это все равно что, запершись на всю ночь с компанией, в какой и слова умного ня услышишь, резаться от скуки в картишки по «маленькой», да еще в душной комнате, с едва мерцающей лампочкой, и не загячать, что на дворе уже давно день, и день, полный свежести, солнца и человеческих радостей.

И не лучше, прикидываясь ультрасовременным ценителем некоторых модных, и совершенно тебе непонятных (как ты ни тужишься), и известных тебе лишь понаслышке «новинок» зарубежного искусства, отмахиваться от всего того, что несет людям истинное наслаждение и не боится выглядеть устаревшим, отставшим от моды...

Разве не лишает, например, человека подлинных радостей пресловутое абстрактное искусство, о котором так много шумят за рубежом эстеты, ратующие за «искусство для искусства». Охотно пропагандируют такие произведения наши идеологические противники, расчетливые специалисты по оболваниванию простых людей да торгаши искусством, готовые поживиться за счет любой сенсации.

Не прочь пошуметь на эту тему некоторые молодые люди и у нас, видя в произведениях абстрактного искусства что-то вроде запретного плода, сладости которого им хочется непременно вкусить, хотя на поверку и у них самих физиономии при этом едва не сводит от горечи...

Абстрактное искусство уже по самому своему существу грубо нарушает наши представления о трех, обязательно слитых воедино, сторонах всякого художественного творчества.

Во-первых, подобное искусство не помогает познавать жизнь, так как либо вовсе ничего не отражает, либо нарочито искажает действительность, вроде мутного, кривого или на осколки разбитого зеркала.

Во-вторых, отвлеченное, беспредметное, то есть не связанное с жизненными представлениями, абстрактное искусство не несет в себе Никакого содержания, лишено всякого смысла. Значит, оно как бы не хочет воздействовать на сознание, на чувство, на жизнь.

Остается третья сторона, третья функция, всегда присущая настоящему искусству, — эстетическое наслаждение, которое оно должно доставлять. Но вряд ли кому-нибудь, кроме немногих избранных, во что бы то ни стало подчеркивающих свою мнимую независимость созерцателей абстрактных картин, они доставляют искреннее, осмысленное удовольствие.

Лев Толстой был глубоко прав, когда говорил: «Страшная ошибка — думать, что прекрасное может быть бессмысленным...» Внутренняя пустота, бессмыслица абстрактных картин так однообразны, что зритель, как я убедился, посещая за рубежом выставки такой

живописи, просмотрев десяток-другой подобных полотен, уже утомляется, а вскоре совсем шалает от невообразимо пестрого ералаша и неспособен получать даже самое неприхотливое удовольствие, которое якобы должно вызывать сочетание цветовых пятен и особый ритм линий.

Кстати сказать, этим самым абстрактным ритмом заклинают своих противников и апологеты абстрактной музыки, начисто лишенной подлинного мелодического содержания и какого-нибудь образа или смысла. Известно, что простая ритмическая дробь барабана помогает солдату держать общий шаг, делая его машинальным, облегчает далекий, утомительный пеший переход. Можно предположить, что некоторые графические и цветовые мотивы, включенные в полотна художником-абстракционистом, сгодились бы как декоративный элемент при отделке стен какого-нибудь здания особой модернистской формы. Но с одним только ритмом далеко все-таки не уйдешь в искусстве... Тот же Толстой очень тонко подметил в свое время, что «в музыке есть элемент шума, контраста, быстроты, прямо действующий на нервы, а не на чувство. Чем больше этого элемента, тем хуже музыка». Абстрактное искусство и воздействует на нервы, не адресуясь к чувствам. Истинный подъем чувств заменяется истерией.

Мне кажется, что и бесчинства молодежи, которая, наплясавшись до полного осатанения рок-эн-ролла или наслушавшись истеричного пения битлз («жуков»), как сообщают зарубежные газеты, скопом ломает столы в ресторанах Западной Европы и выбивает витрины магазинов, — объясняются патологическим воздействием на слушателей обнаженного конвульсивного ритма такой бесноватой музыки.

Ведь на этом и было давно уже основано колдовство шаманов, ритуальные танцы дикарей под «там-там». А вспомните секты «хлыстов», которые, подчиняя свои пляски-бдения определенным, с ума сводящим ритмам, доводили себя до полного исступления. В этом состоянии нездоровой экзальтации, искусственном психозе они якобы соприкасались с божеством. Апологетам абстрактной музыки и живописи остается только завидовать: кликуши хлыстовствующих сектантов добивались большего эффекта...

Нам, осуществляющим самые заветные, самые благородные мечты человека, нам, людям, строящим жизнь, которая отвечает самым высоким идеалам, глубоко чужд абстракционизм. Ведь его теоретики сейчас глубокомысленно пишут, что, желая доставить жителям больших и очень скучно построенных индустриальных городов эстетическую радость, они создают танцующих роботов диковинного вида — «телемеханические скульптуры», сооружения с вращающимися, двигающимися шарами и машущими плоскостями и видят в этом новое слово балета. Это, несомненно, вкус извращенный, «идею» же эту мы можем смело назвать жалкой попыткой придать хоть какое-то, хотя бы автоматическое движение пустому, лишенному всяких душевных проявлений абстрактному искусству. И не случайно дело доходит до такого абсурда, что некоторые «ценители» этого искусства восхищаются на выставках «картинами», намалеванными обезьяной, которой сунули в лапу кисть...

Мы не видим ничего для себя обидного в том, что, как установила уже давно наука, человек когда-то произошел от обезьяны. Но трудно поверить, чтобы по-настоящему культурный зритель восторгался пачкотней орангутанга или шимпанзе, радуясь, что после долгих тысячелетий, в течение которых человек в труде создавал себя и свою культуру, искусство подчинилось опять обезьяньим вкусам.

Не следует наивно думать, что абстрактное искусство культивируется лишь людьми, у которых просто ложный, дурной вкус.

Нет! Недаром все эти нелепицы, украшающие стены выставок современного абстрактного искусства, — зигзаги, треугольники, бесформенные и бессмысленные пятна, под которыми обозначено: «Женщина у окна», «Госка в осенний вечер», — так щедро оплачиваются теми, от кого еще сегодня зависит материальная обеспеченность художника в буржуазной стране. Потакая подобному вкусу, всячески поддерживая абстрактное искусство, буржуазные идеологи тщатся этим отвлечь внимание от острых противоречий жизни в

странах империализма, от неприглядной правды ее, обличаемой прогрессивным реалистическим искусством.

Еще насколько лет назад известный советский художник Е. Кибрик писал в «Комсомольской правде»:

«Что нового выдвинуло абстрактное искусство в понимании красоты, в представлении о прекрасном?»

— Античное искусство видело свой идеал в безукоризненно прекрасном, гармонически развитом человеческом теле, боготворило его.

— Русская иконная живопись находила красоту в возвышенной одухотворенности, чуждой всего материального, «земного».

— Реалистическое искусство конца XIX века считало прекрасным все живое, влюбленное в материальность мира, наполненного светом, погруженного в воздушную среду.

— Абстрактное искусство назвало единственно прекрасным забавную бессодержательность.

Есть ли в абстрактном искусстве «рациональное зерно», что-либо разумное?

— Нет. Самая сущность абстрактного искусства, отрицающая логическое начало, законченность в творчестве, неразумна и тем самым антихудожественна.

Однако в потоке абстракционизма изредка встречаются работы чисто декоративного порядка... Только за ними можно признать известный смысл, так как они относятся, по существу, к области традиционного «прикладного»

искусства, оформляющего ткани, декорирующего помещения, дающего художественную форму предметам быта...

Следует только подчеркнуть, что работы такого декоративного характера противоречат принципам абстрактного искусства, они немногочисленны...»

Художники-абстракционисты боятся жизни, бегут от нее и своими эстетическими вывертами, картинами, где нет никакого содержания и царит одна бессмыслица, пытаются заслонить жгучие противоречия и уродства, свойственные капиталистическому обществу. Эти художники, а часто я совсем не художники, видят мир искаженно; их изоощренные представления о жизненных явлениях совершенно не совпадают с тем, как видят и воспринимают эти явления нравственно здоровые люди. Ведь каждый художник, будь то поэт, живописец или композитор, стремится сделать зрителя, читателя, слушателя своим единомышленником. Как же можно рассчитывать на это, когда никакой отчетливой мысли, никакого человеческого чувства в произведение не вложено, когда все отвлеченно, все нереально, все одна абстракция?..

Не следует, однако, сводить любую проблему воспитания художественных критериев к примитивному распределению всех эстетических понятий лишь на две категории: плохой вкус, хороший вкус. Иногда можно встретить в книжных, в газетных статьях этот слишком прямолинейный подход к оценкам тех или иных произведений нашего и зарубежного так называемого «левого» искусства. Мне думается, что тут нельзя огульно объявлять художников, творческая манера которых для нас неприемлема, не отвечает нашим эстетическим воззрениям, представителями дурного вкуса, рыцарями безвкусицы. У такого, например, яркого, прогрессивного художника, как Пабло Пикассо, мы встречаем работы, которые многим из нас решительно не нравятся, как это, например, было с одной из его картин на Французской выставке в Москве.

Однако следует ли из этого, что у Пикассо плохой вкус?

Нет! Все это гораздо сложнее. Большому художнику свойственны беспрестанные поиски, приводящие не только к творческим победам, но и к разочарованию и к бесплодным метаниям. На судьбе художника в буржуазном обществе иной раз сказываются и прихоти и капризы этого общества. Некоторые крупные художники Запада в отдельных своих работах используют формалистические приемы, допускают эстетические изыски. Эти их работы трудно воспринимаются, в них нет того высокого совершенства, которое свойственно в

целом творчеству данных мастеров, нет ясности содержания. По своему стилю, идейному и художественному направлению эти произведения стоят в стороне от того пути, по которому идет прогрессивное демократическое искусство. И когда мы говорим об этих явлениях, речь должна идти не столько о критериях вкуса, сколько о том, что эти явления искусства не соответствуют нашим идейным воззрениям, нашим представлениям о прекрасном.

Стиль и подделка под стиль

Размышляя о вкусах, наблюдая за их различным проявлением, мне довелось столкнуться с таким примером.

Вот приезжает в Москву вместе со своими товарищами на Выставку достижений народного хозяйства молодой художник из далекого села, которое славится чарующей и затейливой красотой всевозможных изделий народного искусства. Какие дивные рушники, восхищающие самых взыскательных художников своей волшебной вышивкой, какие фигурные сосуды, куманцы самой причудливой формы и дивной росписи, всегда подчиненной благородной гармонии цветов, привезли эти люди! Какую неистощимую выдумку, тончайший вкус проявил народный художник!

Но через несколько дней я встречаю его на улице в «модном» пиджаке немыслимого лягушечьего колера, в оранжевых ботинках на толстой белой подошве — желток с белком, в лиловой велюровой шляпе. Неужели это он?

Тот скромный паренек с задумчивыми глазами, который заставил нас дивиться его нежнейшему искусству? Уж он ли это? Куда же девался его вкус?

И здесь дело объясняется, как мне думается, тем же уходом от естественности, от правды. Истинно народное творчество всегда отличается правдивостью, безыскусственностью и какой-то необыкновенной внутренней чистотой.

Оно не терпит фальши, подделки, вранья и дешевой стилизации.

В своих высказываниях о мифологии К. Маркс проводил глубокое различие между подлинно народным мифом, созданным в определенные моменты истории фантазией самого народа, и аллегорией или символом, которые возникли уже на основе существовавшего художественного материала, когда мифология в какой-то мере перестала быть жизненной. Ведь мифы о Геракле и Прометее, так же как и былины о русских богатырях, воплощали в себе в известные моменты истории представления народа о справедливости, возмездии, его мечты о герое и т. д. Вся мощь народной фантазии питала эти бессмертные сказания. Вот почему стилизация, то есть уже искусственная подгонка формы под народный стиль, игра на аллегориях и использование созданий народного творчества в ту пору, когда они уже не выражали основных помыслов народа, никогда не достигали уровня первоисточников.

Народ отбирает из поколения в поколение слова, краски, звуки, форму, точно соответствующие тому, что он хочет ими выразить в своем художественном творчестве. У народа хороший вкус, вкус, который восхищает нас в песнях, в изделиях кустарей-художников, в вышивках и росписях, вкус, порожденный верным творческим трудовым отношением работающих людей к прекрасному. Эти люди тонко понимают природу, верно чувствуют ту правду, что живет в народной мечте о большой и истинной красоте. И наш сельский художник проявил в своем творчестве передаваемый из поколения в поколение и дошедший до него строгий и мудро воспитанный художественный вкус. Как художник своего народа он был самим собой, оставаясь в полном согласии с правдой, которая и есть истинная красота искусства. А вот в личном, бытовом плане он изменил самому себе, своим привычным понятиям о красоте. Захотелось парню во что бы то ни стало походить на столичных модников, и он слепо перенял то, что наивно счел за признаки истинной городской культуры. И измена себе, своему вкусу, погоня за фальшивой красотой сразу покарала его.

Не менее жалко и нелепо выглядит попытка сохранить так называемый и большей частью ложно понятый «народный стиль» там, где природа и назначение вещей противятся

подобной стилизации.

Вспомните, как безжалостно высмеян в рассказе Куприна «Корь» эдакий русофильствующий биржевик, пароходовладелец, финансовый воротила, который надо не надо кричит везде о своих якобы патриотических вкусах. «Я — русский, и потому имею право презирать все эти ренессансы, рококо и готики! — кричал он иногда, стуча себя в грудь...». Одевался он, как ему казалось, в соответствии со своими «убеждениями». Ходил, например, «в фантастическом русском костюме: в чесучовой поддевке поверх шелковой голубой косоворотки и в высоких лакированных сапогах. Этот костюм, который он всегда носил дома, делал его похожим на одного из провинциальных садовых антрепренеров, охотно щеголяющих перед купечеством широкой натурой и одеждой в русском стиле. Сходство дополняла толстая золотая цепь через весь живот, бряцавшая десятками брелоков-жетонов». И жил этот русофил в даче вычурного пряничного стиля: «...затейливо и крикливо выстроенная в виде стилизованного русского терема, с коньками и драконами на крыше, со ставнями, пестро разрисованными цветами и травами, с резными наличниками, с витыми колонками, в форме бутылок, на балконах...» Обстановка внутри соответствовала наружному виду дачи: «...вся столовая мебель и утварь отличались тем бесшабашным, ерническим стилем, который называется русским декадансом. Вместо стола стоял длинный, закрытый со всех сторон ларь; сидя за ним, нельзя было просунуть ног вперед, — приходилось все время держать их скорченными, причем колени больно стучались об углы и выступы резного орнамента, а к тарэлке нужно было далеко тянуться руками. Тяжелые, низкие стулья, с высокими спинками и растопыренными ручками, походили на театральные деревянные троны — жесткие и неудобные. Жбаны для кваса, кувшины для воды и сулеи для вина имели такие чудовищные размеры и такие нелепые формы, что наливать из них приходилось стоя.

И все это было вырезано, выжжено и разрисовано разноцветными павлинами, рыбами, цветами и неизбежными петухами...»

К сожалению, с фактами неверного понимания подлинно народного стиля мы встречаемся еще и сейчас.

Это тем обиднее, что в нашем социалистическом обществе, где все призвано отвечать самым высоким требованиям человека, где правда искусства всегда противостоит всякой подделке и дурной стилизации, все-таки кет-нет да и натолкнешься на аляповатую нелепицу, причем самое неприятное, что авторы ее нередко выдают это за проявление якобы народного вкуса. Разве не вызывают чувство неловкости сусальные роскошества и теремные выкрутасы, с какими отделаны вестибюль, холлы, интерьеры в высотной гостинице на Комсомольской площади Москвы?..

Еще великий русский критик В. Г. Белинский говорил, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа», в том, чтобы выражать в искусстве чаяния народа, его историческую судьбу.

И было бы, например, смешно, если бы мы вдруг, чтобы придать национальный характер нашей технике, стали бы наводить лаки знаменитых палешан на полированную поверхность автомобилей. То, что хорошо на подносе, ларце, шкатулке, было бы противно глазу, оказавшись переведенным на автомобильный нитролак.

Мы живем в мире все возрастающих скоростей. Машины, которыми мы пользуемся для передвижения по воздуху, по воде и земле, принимают все более обтекаемую форму, чтобы максимально уменьшить сопротивление среды. И, естественно, мы привыкаем к этим современным формам, невольно переносим их в свой быт. Уже давно перестали быть новостью гладкие полированные плоскости мебели, обтекаемые, сглаженные углы, вещи, в которых угадывается динамика современных механизмов. И резное дерево старинного буфета в комнате, обставленной современной мебелью, показалось бы уже несколько чужеродным. Так техника вносит Свои поправки в общественный вкус, хотя иногда она некоторое время еще подчиняется эстетическим привычкам прошлого. Как долго, например, автомобиль старался быть похожим на карету, на старинный дормез! Лишь потом, когда

автомобиль сделался повсеместно применяемым транспортным средством, он стал приобретать свою собственную форму, отвечающую принципам скорости, экономичности и нового комфорта.

Несмотря на то, что электричество давно уже сменило керосиновое освещение, прежде в свою очередь заменившее свечи, люстры в гостиных долгое время, да и сейчас еще, делались и делаются как люстры для свечей, только теперь «свечи» эти фарфоровые, в них вставлены небольшие электрические лампочки. Здесь еще действует инерция старинных представлений о торжественном уюте, который создавало трепетное сияние свечей.

Что же касается замечательного искусства Палехл, Федоскина и Мегеры, чьи лаки известны на весь мир. то мне думается (хотя я заранее знаю, что многие со мной не согласятся), что сегодняшняя работа этих изумительных народных художников по-настоящему хороша тогда, когда мастера эти, берясь за современные темы, волнующие их, остаются в кругу изобразительных средств, органически свойственных этому роду искусства. Когда видишь на лаках палешан конную атаку красных кавалеристов или прощание гармониста, уезжающего на учебу, или сцену народного праздника в колхозе, или просто изображение Кремля, радуешься, как органически сливаются краски, манера, прием художника с теми элементами сказочного, романтического, песенного, которые имеются и в этих вполне современных мотивах. Но когда появляется изображение техники — тракторов, комбайнов, когда чисто индустриальные мотивы втискиваются в композицию этих весьма своеобразных художественных изделий, тогда происходит насильственная стилизация, так как все эти предметы по своей природе не соответствуют ритму и характеру рисунка, привычным для художников, как и для их изделий, в данном специфическом жанре.

Здесь, мне кажется, совершается ошибка в самом выборе материала для изображения и делается ненужная попытка решить новую тему несвойственными ей приемами старого народного искусства, привыкшего опираться на другие зрительные компоненты, выросшие из русской сказки, из иконы. Ведь не всякий сюжет, годный, скажем, для реалистической драмы, подойдет для условных приемов оперы.

Часто законы верного вкуса нарушаются тем, что форма, удачно и уместно примененная в одной области строительства, механически переносится в другую, где эта форма чужда по самому существу своему. Вот, например, несомненную удачу наших архитекторов, сумевших оформить помещения метро так, что полностью скрадывается ощущение глубины подземелья, другие строители бездумно перенесли в наземные здания. Все эти опорные колонны, пилястры, пилоны, скрытые источники света, большие плоскости мраморных стен и т. д. стали появляться в наших клубах, в кинотеатрах, в рабочих дворцах культуры. Так даже и говорили — «стиль метро». Но то, что было хорошо под землей и что было продиктовано особенностями подземного строительства (отсутствие, скажем, источников естественного дневного освещения требовало специальной отделки стен и др.), механически перенесенное на поверхность, стало выглядеть нарочитым, назойливым, тягостным. Это уже был не стиль, найденный в поисках верного решения новой и трудной задачи, а стилизация, форма, примененная без всякого учета новых условий, причем форма, совершенно не отвечающая данному содержанию.

Вкус и мода

Если в искусстве смену стилей, борьбу их и становление порождают большие идейные, общественные сдвиги, то вкусы в быту часто меняются в зависимости от той или иной моды, воцаряющейся в данном обществе. Стиль обычно характеризует целую эпоху. Мода — это, если можно так сказать, «микростиль», типичный для короткого времени.

Мода — явление чрезвычайно капризное, изменчивое, преходящее. То, что казалось вчера необыкновенно красивым, завтра покажется несколько устаревшим, а послезавтра будет совсем уже резать глаз... Я подчеркиваю, что речь в данном случае идет не о смене художественных течений, хотя и они в известной степени подвержены — разумеется, не

столь прямо, как быт, капризам моды.

Еряд ли тут уместно подробно развивать теорию смены мод. Вопрос этот вообще еще мало разработан. Он, несомненно, в какой-то мере тоже связан с вопросом общесытовоп эстетике и отражает некоторые стороны смены общественных вкусов. Все это требует большого специального разговора на материалах длительного исследования, которыми я не располагаю.

Однако все же несколько слов о связи моды со вкусами сказать необходимо.

Когда-то фасон, покрой костюма были условными и строго оберегаемыми знаками сословного отличия. Мода, царившая в привилегированном классе, сразу позволяла определить его представителей в обществе. А громоздкая роскошь таких одеяний подчеркивала, что люди, имеющие право облачаться в эти костюмы, ведут образ жизни, на обремененный трудом, и что одним своим происхождением они созданы для занятий усладительных. Пышные турнюры, кружевные вороха жабо, топорщащиеся фижмы, накрахмаленные, тугие брыжжи, исполинские напудренные парики размером с добрый стог — могли ли трудовые люди, ремесленники, крестьяне носить на себе все это?! Да, кроме того, им это и запрещалось.

Постепенное убыстрение темпов жизни, изменение условий быта, появление новых, общедоступных способов передвижения — омнибусов, поездов — волей-неволей сближали в быту разные слои населения, которые должны были подчиниться неким, примерно схожим «техническим условиям», укоренявшимся в жизни. Конечно, богач мог ехать в отдельной карете или в первом классе поезда, а бедняк довольствовался уголком жесткой скамьи в вагоне третьего класса. Однако вообразите-ка себе сегодня даму, вокруг бедер которой качается громадный кринолин или колышутся холмы турнюра, а она усаживается в автомобиль!.. Не легче представить себе римского патриция, утопающего в складках тоги и прыгающего на подножку автобуса...

Так новые условия жизни диктовали и новые формы костюмов.

История мод знает также и много полуанекдотических примеров, которые показывают, как часто установление определенной моды или каких-то модных деталей быта зависит от случайных явлений, связанных с некоторыми условностями буржуазной жизни. Так, например, рассказывают, что отвороты внизу мужских брюк обязаны своим происхождением одному из самых знаменитых «прожигателей жизни» и законодателей светского стиля, бывшему наследнику английского престола принцу Уэльскому. Это ему, когда он женился на женщине некоролевского происхождения, пришлось отказаться от короны. Однажды принц со своей свитой совершал где-то прогулку. Пошел дождь.

Чтобы не запачкать в грязи светлые брюки, принц допустил всех ошеломившую вольность — подвернул низ брюк.

Так как это был «шокинг», грубое нарушение светских приличий, все сопровождавшие принца, чтобы исправить положение и сделать «законным» «незаконное», немедленно также подвернули штаны. С этого дня, говорят, и вошли в моду отвороты — обшлага на брюках.

Долгое время европейские модники не застегивали нижнюю пуговицу на жилетке, это считалось особым шиком.

Привычку эту сохраняют и сейчас многие франты на Западе. Эта манера отстегивать пуговицу на жилетке тоже связана с одной из вольностей, допущенных принцем Уэльским. Как-то на званом обеде принц «перекушал» и, почувствовав стеснение в желудке, решил отстегнуть одну пуговицу жилета. Хозяин дома, исповедуя доброе светское правило, которое учит, что воспитание человека сказывается не в том, что он не нарушает правил поведения, а в том, что он не замечает, если эти правила кем-то нарушены, тотчас же отстегнул пуговицу на своей жилетке. Это сделали и другие гости. Так возникла новая мода.

Если даже в этих анекдотах кое-что и не совсем достоверно, то, во всяком случае, они типичны для особого рода условностей, образующих моду.

А есть и другие, куда более практические объяснения некоторых смен фасонов в истории моды. В капиталистических странах смену моды диктуют порой соображения, не

имеющие связи с вкусовыми устремлениями общества. Бы вали случаи, когда переворот в женских модах производили заинтересованные в нем владельцы крупных конфекционных и мануфактурных предприятий. Однажды, например, когда на европейском рынке скопились залежи дамски?: чулок, владельцы трикотажных фабрик за изрядные суммы подкупили кого надо и где надо, и в момент, когда по традиции устанавливалась новая мода, дамские платья были внезапно сильно укорочены. Это вызвало немедленный и затем все возрастающий спрос на чулки.

Как показывает история мод, формы покроя платья иной раз выражают определенные симпатии и устремления общества. Так, например, во времена Директории, после Великой французской буржуазной революции, когда в верхушке общества намечалось стремление к возврату прежних форм государственного строя, женские платья приобрели линии классические, древние, как бы напоминавшие о незыблемости старых основ государства. Стиль и мода ампира вбирали в себя мотивы египетского искусства, воспевая победы французского оружия на бывшей земле фараонов. Во времена же так называемых «суффражисток», шумливых воительниц за уравнивание в буржуазном обществе женских прав с мужскими, в дамскую моду вошли короткие стриженные волосы и костюм подчеркнута мужского покроя. И, наоборот, отрешенность от жизни, подчеркнутая бледность, томность сильно подведенных глаз с загадочным «астральным» взглядом, темный тюль, газ, струящиеся складки материи на платье, делающие фигуру будто бы бесплотной, — все это было очень модно у декадентов.

Вспоминаю не без уважения известную романтическую «моду», опиравшуюся на революционные настроения пролетарской молодежи в первые годы Советской власти. Она родилась невольно и практически из условий сурового, полного лишений и в то же время озаренного подлинной романтикой быта того времени. В вузы, на рабфаки пришла учиться молодежь с фронтов гражданской войны. Она носила тяжелые фронтовые сапоги или ботинки с обмотками, шинели, буденовские шлемы или папахи. В ходу были считавшиеся уже известной комиссарской «роскошью», но тоже озаренные революционной славой кожанки. Их носили и юноши и девушки. Один из замечательных представителей того поколения, Аркадий Гайдар — писатель и зоин, всю свою жизнь любил костюм солдатского покроя, ходил в шинели, папахе и даже папиросы держал в патронташе на поясе. Ему был дорог такой костюм, как напоминание о грозных, но прекрасных годах, когда формировалась и закалялась душа его поколения.

Страна наша, разгромив врага на фронтах гражданской войны, справившись с жесточайшей разрухой, отстраивалась, обшивалась. Можно было бы уже кое-кому и сменить шинели и гимнастерки на платья и пиджаки, но молодежь не спешила расстаться с прежним одеянием, так много напоминавшим. Да и хотелось даже внешнею не быть схожей с расфрантившейся нэпманской молодежью. Это были те годы, когда в комсомольских ячейках на заводах и в вузах проводились шумные диспуты на тему: «Можно ли комсомольцу носить галстук?» И с трибуны еще раздавались молодые голоса, утверждавшие, что галстук на шее комсомольца — это аркан, в петлю которого буржуазия затягивает молодого сына революции. Так уже в те годы вопросы вкуса, даже в самых частных проявлениях его, связывались с общими вопросами поведения человека в обществе и его отношения к жизни.

Помнится, в свое время в университете нам уже начал надоедать один из ревнителей уходящей моды гражданской войны, «ненавистник всего лишнего во внешности человека», как сам он определял свою позицию. Он замучил наших девушек принципиальным отрицанием каждого мало-мальски красивого платья, которое им удавалось купить вскладчину — одно на четверых обитательниц комнаты общежития, и уверял, что красиво только то, что необходимо и полезно. Нам этот революционный Сократ до того надоел, что мы однажды решили его проучить. Вопрос был поставлен так: мы клятвенно отказываемся от ношения галстуков, если не сможем найти во внешнем, так сказать, оформлении нашего ревнителя суровой, утилитарной моды ничего, что было бы

лишним, не совсем необходимым. А если таковое у него будет обнаружено, оно подлежит немедленному уничтожению. И тут мы торжественно схватили его за кудри. Дело в том, что наш университетский Сократ, вопреки всем представлениям об античном философе, который, как известно, был лысым, обладал необыкновенно пышной шевелюрой, за которой он ревниво ухаживал...

Словом, ему пришлось, чтобы остаться верным своим принципам и не быть припертым к стенке, обриться наголо.

Пока у него подрастали волосы, он влюбился, а на свадьбе гулял уже с отросшими волосами, в пиджаке, хотя все же без галстука.

Я привел этот пример для того, чтобы некоторые наши чрезмерно сурово настроенные молодые люди не отмахивались бездумно от трезвого зова моды, а слишком сговорчивые не следили бы за ее капризами с готовностью, которая порой выглядит чрезмерной.

Обычно смена мод вызывается тем, что долго носимые покрои платья начинают приедаться, вызывают известное «зрительное утомление». Тогда люди, стоящие во главе швейного дела, заказывают художникам новые фасоны. Сначала, быть может, эти новые формы кажутся непривычными, встречают даже некоторое сопротивление, но со временем и довольно скоро — такова уж сила массового воздействия моды — взоры людей свыкаются с этими новыми покроями и уже находят в них известное удовлетворение.

Проходит месяц-другой — и вчерашняя мода уже начинает казаться безнадежно устаревшей и некрасивой.

Для женщины, для девушки, живущих в буржуазных странах, эта смена моды часто бывает подлинным бедствием. Ведь приходится тратить последние гроши, чтобы как-нибудь поспеть за прихотями моды, а иначе считается неприличным появляться в одежде «устаревшего фасона» в обществе, в конторе, где работает девушка, на улице.

Только что с великим трудом сшитое на отложенные трудовые копейки платье оказывается уже совершенно негодным, устаревшим, надо заказывать или покупать новое, а иначе получишь замечание от хозяина, будешь иметь неприятный разговор с директрисой заведения, со старшим приказчиком — словом, с любым начальством. Тут уже мода превращается в некую обязательную униформу.

Но должны ли мы тоже так слепо и послушно следовать за каждым изменением международной моды? Конечно, однообразие в покроях и формах костюмов утомляет наше зрение в такой же мере, как и глаза людей за рубежом.

И нам тоже следует время от времени менять формы, линии, покрой, присматриваясь здесь в определенной степени к тому, что в этом отношении делается в других странах.

Ведь мы живем не на другой планете, общаемся с людьми, представляющими народы всего мира, и, хотя мы очень далеки от того, чтобы подделываться под чуждый нам вкус, вряд ли нам нужно выглядеть нарочито старомодными или вообще не следящими за своей внешностью, как это, увы, еще часто бывает по вине обшивающих нас предприятий.

Но, трезво понимая, кем и как частенько устанавливается мода, и но воспринимая ее как некий непреложный закон внешнего оформления жизни, мы можем следовать моде с умом, с присущим нам вкусом, перенимая то, что нам по душе, удобно и что может пригодиться при нашем укладе жизни, отвергая все, что кажется чрезмерным, вызванным явными извращениями, капризами заграничной моды.

А главное, каждый должен все-таки прежде всего выбирать фасон и тон костюма сообразно своей внешности, применительно к своим природным внешним данным. Может быть, кому-то при маленьком росте и подойдут высокие каблучки, но уж если тебе от природы отпущено росту в досталь, вряд ли еще нужно вздыбливаться на высокие каблуки. Словом, следуя за модой, не стоит только ради того, чтобы поспеть за ней, пускаться за любым новым фасоном без оглядки... на зеркало.

Не стоит, например, всем без разбора перенимать очень распространенные сейчас, особенно у американских модниц, коротенькие штанишки-шортики, в которых чаще всего щеголяют по Европе туристки из Соединенных Штатов Америки. Не очень-то изящны такие

кургузые штанишки на женщинах полных; выглядит это, кстати, не слишком женственно, не очень эстетично. А вопрос о женственности в поведении и в костюме далеко не маловажный. Женское платье должно соответствовать формам и линиям женской фигуры, подчеркивать ее грацию, мягкость очертаний и движений. Не все, что впору добру молодцу, к лицу красной девице. Не очень-то привлекательными выглядят позы некоторых девиц, когда они, мужеподобно развалясь на стуле, располагают колени по линии, как говорится, одно на нас, другое в Арзамас... Полагая, что это модно, «стильно», как они выражаются, эти девушки бравируют усиленной, резко подчеркнутой подвижностью всего своего тела при ходьбе.

Они развязны в разговоре да и допускают многое другое малоприятное, что, конечно, не придает им ни изящества, ни женственности, которые всегда так привлекательны в девушке. Может быть, для тех зарубежных модниц, что сейчас так неистово, до конвульсий, часами отплясывают бесстыдно рок-эн-ролл или кабацкий твист, подобного рода повадки и манеры являются неплохой подготовительной школой к безобразному топтанию и вихлянию, по недоразумению называемым танцем. Но нашим девушкам, трудолюбивым, толковым и милым, достойным всяческого уважения, такая мода не к лицу.

Зато как радуется нас проявление отточенной силы, пленительной грациозности в гармоничных движениях наших гимнасток или фигуристок. С каким восхищением следишь за их выступлениями, полными наглядной красоты.

Верно развитый, чуткий вкус поможет выбрать тот фасон платья, который более всего тебе к лицу, и такой, что будет тактично подчеркивать достоинства твоей фигуры и умно скрывать ее недостатки; верный вкус подскажет и какой именно материал следует взять для данного костюма, для каких нужд он предназначен.

А то я как-то во время командировки в один из наших больших городов видел вечером в партере оперного театра двух местных модниц, которые явились в вечерних платьях длиной до полу, сшитых из тисненого мебельного обивочного бархата. В первую минуту мне показалось, что навстречу мне движется гарнитура гостиной из двух вставших на дыбы диванов...

Приходилось мне не раз видеть также и дам, платья которых были из толстой материи, явно предназначенной для портьер.

Меня, пожалуй, упрекнут — нельзя, мол, смеяться над этим... У нас еще иногда не сразу найдешь подходящую, нужную материю для платья, не всегда располагаешь нужными средствами.

Нет, можно смеяться!.. Я никогда не позволил бы себе хотя бы малейшую иронию по отношению к женщине, одетой в платье из какой-нибудь скромной материи и не во всем отвечающее сегодняшним требованиям моды. Мало ли по каким причинам человек своей одеждой не поспел за модой. Может быть, счел, что новый фасон не к лицу. Или с деньгами туговато. Но «дамы-диваны» как раз-то и решили блеснуть своим достатком и шиком. Скромный материал их не устраивал. Лишенные элементарного вкуса и такта, они захотели щегольнуть тем, что ценой подороже и на вид «пошикарнее», а оказалось просто безобразным, — вот этого они не почувствовали.

А не напоминает ли вам подобная монументальная безвкусица о той самой девице, которую я представил вам на первых же страницах этой книги? Может быть, теперь уже совсем ясно, почему из двух девушек, с которыми я вас познакомил, всех нас СБОИМ внешним видом и поведением привлекла вторая, а не первая?

Модничать изо всех сил, стремясь как можно скорее натянуть на себя первую попавшуюся новинку, делать из моды некий культ вообще никому не стоит. Это признак неразборчивого вкуса. Необходимо всякий раз, умеряя нетерпеливое стремление догнать моду, дать себе сначала ясный отчет: будет ли этот модный покрой, данный цвет ткани, такая форма шляпы, подобные линии платья к лицу тебе, хороши ли они будут именно для тебя, как они подойдут к твоей фигуре?..

Бывает и так, что хорошая, работающая девушка идет на поводу у своих подруг, которые, не обременяя себя общей культурой, все силы душевные сосредоточили на тряпках

и прослыли заядлыми модницами, так как первыми успевают обкорнать свои платья, если того требует известная им больше понаслышке мода, или, наоборот, пришить к подолу нелепые оборки, если вдруг где-то «там, за границей», стали носить длиннее. И, перенимая эту слепую погоню за модой, это бездумное стремление сделать все «по-заграничному», иная скромная девушка, не желая отставать от своих расторопных подруг, считая это хорошим вкусом, тоже зря тратит большие деньги, отказывает себе во многом крайне необходимом, но рвется раздобыть в комиссионном магазине нечто «ужас до чего модное» и... смерть как к ней не идущее. «Как будто не очень красиво, но зато модно!» — утешает она себя при этом...

А иной оголтелый модник, во что бы то ни стало норовящий выглядеть на заграничный манер, готов и честь свою и совесть продать за иноземный галстук, за привозной джемпер. Так и льнут эти жадные до всего модного, «заграничного» ферты к подъездам интуристских гостиниц, выменивая на что попало всякие, как они выражаются, «шмотки» и позоря нас своим поведением...

Уже Маяковский жестоко высмеял проявление глупой, крикливой моды тогда, когда она пыталась выдать себя за выражение близкой нам идеологии. Помните его насмешливые строки в стихах «О дряни»:

Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурировать я
на балу в Реввоенсовете?!

Волнующую, ставшую для каждого из нас священной эмблему, в которой рабочий молот скрестился с крестьянским серпом, обывательница-приспособленка пыталась пристегнуть к моде...

Порой неумно, безотчетно воспринятая мода вступает в непримиримый конфликт просто с требованиями гигиены.

Вот, например, повелось у нас на курортах всюду я везде появляться в пижамах или халатах. Сейчас стараются изживать эту нелепую моду.

На самом деле!.. Пижама — это ночной, спальный, ну, скажем, утренний костюм. Многие люди, особенно за границей, спят в тонких пижамах. Халат — это тоже сугубо домашний утренний костюм. В пижаме, халате удобно пройти в душевую, на площадку, где проводится физкультурная зарядка, на осмотр к врачу. Но у нас еще некоторые малокультурные люди видят даже особый шик в том, чтобы разгуливать в пижамах и халатах не только по всей территории дома отдыха или санатория, но и появляться на улицах курортного города, заходить в столовые, рестораны, учреждения. А тут уже слышится протестующий голос самой элементарной гигиены. Человек спал или лежал, отдыхая, в пижаме или халате и в этом же одеянии является в общественное место, садится за стол. И не очень аппетитно это и уж никак не элегантно.

Привычка к такого рода одеяниям порождает невольную разболтанность в поведении, неряшливость, дурные манеры.

Следует отметить, что в борьбе с такой пижамно-халатной модой у нас кое-где допускаются уже и излишества.

Мне, например, однажды пришлось у входа в сочинский дендрарий защищать одну незнакомую женщину, которую милиционер ни за что не хотел пропустить в парк, так как на ней было платье на застежке сверху донизу. У ворот дендрария разгорелся жестокий диспут между милиционером и контролерами, с одной стороны, и собравшейся публикой, с другой, на тему — можно ли любое платье, хотя бы и короткое, на застежке сверху донизу уже по одному атому считать халатом? Ну что тут скажешь? Всегда жаль, когда человек лишен сообразительности и некоторой доли фантазии. Мода здесь совершенно ни при чем.

Возникла у нас, правда ненадолго, среди молодых работниц, пришедших на производство из деревни, совсем уже дикая мода — надевать золотую коронку на здоровый зуб.

Это, по-видимому, должно было говорить о том, что златозубая девица располагает известными средствами и возможностями — вот, даже зуб золотой себе завела! То, что люди, имеющие, к несчастью, нездоровые зубы, вынуждены делать по необходимости, какие-то глупые девчонки готовы были превратить чуть ли не в моду для вящего, показного шика или, как они полагали, «для интеллигентности».

А мне это напоминает столь же варварскую моду, которая была заведена когда-то у немецких буршей, бравых студентов-драчунов, готовых, бывало, чуть что, вызвать на поединок любого, кто как-то задел их самих или честь их корпорации. Считалось, что, чем больше шрамов от шпаги на лице у бурша, тем лучше. И находились такие, которые избрали более безопасный, чем дуэль, способ украшения собственных физиономий шрамами: не жалея своей кожи, они самолично исполосовывали собственные физиономии!

Вот какие нелепые извращения (хорошо еще, что быстро проходящие) может иметь мода, частенько выражающая определенные воззрения...

Отмахиваться от удобной, приглянувшейся моды только потому, что она явление временное, не стоит. Ведь она вносит какие-то новые черты времени, жизни, делает поправки к нашим установившимся представлениям о вкусах. При всем этом хочется еще раз повторить: не всякой моде нужно следовать, а уж если следовать, то всегда с умом.

Но и в борьбе с дурной модой надо действовать, конечно не запретом.

Мне приходилось видеть, как в одном из городов Донбасса в добром стремлении объявить борьбу «скверной иностранщине», проповедуемой некоторыми местными франтами, комсомольский патруль устроил что-то вроде облавы на стилиг... Комсомольцы останавливали на главной улице, где шло гулянье, молодых людей, на которых были брюки, казавшиеся блюстителем «здоровых вкусов» чересчур узкими. Тут же изловленных узкобрючников волокли кудато, измеряли сантиметром «ужину» брюк, записывали в какой-то кондуитный журнал и отправляли домой, чтобы нарушители общественного вкуса переоделись.

Нет, не так надо прививать правильное представление о красоте костюма, о хороших манерах и добром поведении.

И правильно писала газета «Известия», которая, приведя подобный же факт гонения на костюмы и платочки, показавшиеся слишком ретивым дружинникам чересчур «модными», заключила свое выступление такой фразой: «Что же касается вкусов, то о них можно и нужно спорить, но лучше не в отделении милиции».

Приметы стилиги далеко не всегда в его ультрамодном костюме. За последние годы и сам тип так называемого стилиги видоизменился. Теперь, например, он может обрядиться с подчеркнутой и вызывающей небрежностью в засаленный джемпер с обмохрившимися рукавами, вызывающе — руки в оттопыренные карманы — шлепать и шаркать по нашим улицам растоптанными сандалиями на одном ремешке и ошарашивать всех своей кудлатой, с челкой до бровей, давно не стриженной головой, отвергающей вмешательство расчески. В этом, по его мнению, заключается стиль так называемых битников. Слово это возникло далеко на Западе. Битниками называют себя там представители молодого поколения, обманувшиеся в идеалах, которые им пытались внушить старшие. Это, так сказать, ушибленное, битое поколение, у нас бы сказали, «чокнутое». О чем и напоминает гордо и сердито само наименование «битник», происходящее от глагола «beat» (бить) и имеющее очень модное в Западной Европе и Америке русское окончание, запомнившееся всем в прогретом на всю планету слове «спутник».

Отвергающие все установившиеся в обществе правила приличия, бросающие вызов общественному вкусу, изо всех сил старающиеся подчеркнуть свою независимость, битники в Америке обращают на себя внимание особой, разболтанной манерой держаться и своей неопрятностью. И хотя у представителей молодого поколения Запада несомненно есть

серьезные поводы для того, чтобы обвинить общество, окружающее их, в обмане, однако протест у битников направлен главным образом против правил санитарии, гигиены и самых скромных норм быта.

Наши же стилиаги — и те, которые стараются во всем следовать за самой экстравагантной модой, и те, которые, наоборот, делают вид, будто они бросают вызов приличиям, законно ставшим обязательными для всех, — на самом деле пытаются занести, вольно или невольно, в среду нашей молодежи настроения, совершенно ей несвойственные, не имеющие решительно никакой почвы под собой.

Сначала такие стилиаги из типа доморощенных «битников», наслышавшись определенных интонаций от персонажей западных фильмов или некоторых героев переводной литературы, придают себе вид разочарованный, ушибленный. Они даже сами иной раз не замечают, как эта с чужого голоса перенятая, с жалкой магнитофонной покорностью подхваченная манера поведения превращается уже в привычное отношение ко многим очень важным явлениям жизни. И дело тут совсем не во внешности уже, а в том, что эти молодые люди начинают наплевательски относиться и к нашему искусству и к нашей литературе, презрительно отмахиваясь от них. С какой наплевательской бравадой заявляют они, что и Фадеев, и Гайдар, и Фурманов, и А. Толстой, и Маяковский, и Эйзенштейн — все это уже «старо», все «уже не волнует», с кислой миной отмахиваются они и от «Броненосца „Потемкин“ и от „Баллады о солдате“. Куда более модными выглядят для них персонажи Ремарка и Хемингуэя.

Кто посмеет сказать, что Эрнест Хемингуэй не может быть назван одним из величайших писателей нашего века!

И вряд ли кто-нибудь из людей, серьезно любящих литературу, станет отрицать талант и яркое своеобразие Эриха Марии Ремарка. Но оба этих замечательных писателя посвятили свое творчество главным образом представителям так называемого потерянного поколения, то есть поколения обманутого ложными пропагандистскими тирадами, которыми хозяева капиталистического мира пытались приглушить во время первой мировой войны голос человеческой совести, не мирившейся с ужасами чудовищной бойни.

Поколение это пережило болезненно острые разочарования, лишилось привычной почвы, на которой строились его шаткие представления о справедливости. Оно столкнулось затем с коричневым кошмаром фашизма в Европе, с потерей реальных жизненных перспектив в Америке... Все это и определило особую манеру и повадку, внешнее поведение, язык и внутреннее настроение персонажей Хемингуэя, которых писатель сумел показать нам с предельной выразительностью и лаконизмом. Есть и у персонажей Ремарка достаточно оснований для того, чтобы искать утешения в пресловутом кальвадосе. И стиль обоих этих отличных писателей сложился под влиянием совершенно определенного мироощущения и того материала, который они положили в основу своих произведений.

Стиль истинного художника — это не готовый костюм в магазине случайных вещей. Всеми своими мыслями и ощущениями, всем своим миропониманием, сочувствием и ненавистью определяет, вырабатывает художник собственный стиль. У нас же находятся молодые люди, которые и в жизни, а иной раз и в искусстве пытаются перехватить стиль с чужого плеча. И видно, как болтается человек в чужой фразе, в кажущейся ему модной манере речи и поведения. Пытается приладить к разумным требованиям нашей советской жизни суждения и повадки разболтанного неврастеника. Позволяет себе брать под сомнение многие нравственные непреложные правила, укоренившиеся в нашем обществе. Смотришь, сегодня он только еще изрекает вычитанные им звонкие тирады о том, что «хорошо бы хватить рюмочку кальвадоса», а там, глядишь, и на самом деле, чуть что, начинает прикладываться к бутылке и уже обо всем явствует разрешает себе говорить свысока, сквозь зубы, с брезгливой миной и высокомерным отмахиванием от всего, что дорого нам. И так вот вчерашний бездумный модник постепенно превращается уже в подлинного отщепенца. Рабское следование чужому вкусу становится его определенной идеологией, тлетворной идеологией. И как обидно бывает наблюдать, что подобные «ферты» сперва даже нравятся

некоторым их сверстникам и сверстницам, которые, не разобравшись толком, готовы следовать за этими, с позволения сказать, «западниками», не умея сразу рассмотреть в них мелких, модничающих пошляков.

О пошлости

Но стоит ли всегда так взыскательно относиться к личным вкусам? Так ли уж важно, в конце концов, как человек одевается, какие книжки любит читать, какова у него походка и речь? Ну, режет тебе глаз, так отвернись, не любо — не слушай.

Нет, дело ведь обстоит гораздо сложнее.

Чем опасен дурной вкус?

У человека с плохим, пошлым вкусом постепенно вырабатывается неверное отношение к людям, к жизни. Это в свою очередь порождает скверный стиль существования. Мало того, что человек обкрадывает себя, привыкая отдаваться лишь легким радостям, необременительным мыслям, он и лишает себя высокого счастья, счастья познавать настоящее искусство, как как довольствуется всякой «дешевкой», подделкой и маленькими, мелкими чувствами.

Обычно человеку высокой культуры свойствен и высокий вкус во всех проявлениях его духовной жизни. Это совершенно естественно. Человек, серьезно относящийся к жизни, стремящийся овладеть всеми достижениями культуры, вырабатывает в себе и серьезный вкус в литературе, искусстве. Кто хорошо думает и верно чувствует, тот не может примириться с пошлостью, а пошлость — это одно из самых пагубных проявлений дрянного вкуса. Циничное острословие, привычка подгонять все серьезное под масштабы анекдота так же претят культурному, серьезному человеку, как и высокопарное, трескучее разглагольствование на интимные темы.

Пренебрегая принятыми в нашем обществе нормами морали, сам паскудничая, пошляк перестает верить в чистоту других людей и ставит себе за правило жить, думать, чувствовать «по дешевке», считая, что ничего по-настоящему дорогого в жизни нет. Может быть, пошляк-краснобай, пышными словами прикрывающий скудость своих мыслей и чувствовишек, покажется какой-то простушке с невзыскательным вкусом пылким и речистым умником.

Известно, что, пока солнце не выглянет, в лесу и гнилушка светит... Но девушка со вкусом и верным слухом распознает за «обольстительным» словоизвержением гнилую душу пошляка.

«Не пошлите! Ради бога, только не пошлите!» — говорил Маяковский в таких случаях, припечатывая эту реплику ударом широко раскрытой ладони о стол. И чувствовалось, что он всегда готов непримиримо стать на пути мутной волны пошлости, откуда бы она ни хлынула.

Культура чувств почти всегда неразрывно связана с общей культурой человека, с основными требованиями, которыми он руководствуется в своем отношении ко всем явлениям жизни. Пошлость — это, как правило, низкая культура чувств, проникновение дурного, нечистоплотного вкуса в душевный мир человека.

Главный вред дурного вкуса заключается в том, что он рано или поздно отразится и на мироощущении человека, переходя из области узко личных привычек, индивидуального вкуса в область всего жизненного поведения.

Недаром, например, нам так ненавистен мещанский вкус.

Мелкое, себялюбивое нутрецо мещанина вскрывал Горький. О зловещих опасностях, которые кроются в обывательском быте, в ленивом, болотном уюте мещан, предостерегал молодежь и Маяковский. Он бдительно приглядывался к тому, как в наступившем после революционных боев затишье в быту молодой Советской страны стало кое-где проступать «мурло мещанина».

Скорее

головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм канарейками не был побит!

Эти слова поэт вложил в уста Карла Маркса, который с портрета обрушивал свой гнев на голову мещан.

И дело тут, конечно, не в канарейках, кокетливо чирикающих в клетках, не в герани на окнах и не в других привычных атрибутах углого квартирного мирка. Губительна для молодой души хлопотливая, самоуверенная пошлость, которая неизбежно ведет к тому, что человек отгораживается от всего мира тюлевыми занавесочками, геранью, патефоном, глухой стеной с крымскими видиками в ракушечных рамочках, бумажными веерами, целым стадом гипсовых слоников (якобы оберегающих домашнее счастье), бамбуковыми ширмочками, тряпичными ковриками, подушечками, всеми этими безвкусными вещами, как будто бы создающими комфорт, а на самом деле пыльным хламом, любезным только для клопов. Страшно то, что такие люди начинают думать, будто в этом отгороженном, тесном, непривлекательном мирочке истинный центр вселенной.

А что там, снаружи, за окнами — пропади хоть все пропадом... Так этот жалкий вкус, страшящийся любого дуновения свежего ветра, ревниво оберегающий «милый» покой, начинает определять и образ жизни и все мироощущение человека. Недаром В. И. Ленин с гневной иронией применял понятие «мещанин» по отношению к тем политикам, которые больше всего боялись могучего революционного порыва масс, так как при этом будут потрясены привычные основы старого, устоявшегося уклада жизни.

Воинствующий мещанин готов отстаивать свои вкусы с пеной у рта, не стесняясь применять самые демагогические приемы. В пьесе С. Михалкова «Памятник себе» один из персонажей, совмещанин Почесухин, заявляет: «Мне бросили реплику, что я мещанин! А позвольте спросить: в каком это смысле? (С вызовом.) Если я и мещанин, то я наш, советский мещанин, дорогие товарищи!»

Всякое публичное выступление, направленное против тех или иных конкретных проявлений безвкусицы в искусстве и в быту, обязательно кого-то обижает. Привычки, вкусы, представления, укоренившиеся в сознании, в повседневной жизни, как бы порой дурны, ложны и отвратительны они ни были, к сожалению, живучи. Эти проявления пошлости непременно находят своих защитников.

С какой яростной цепкостью хватается мещанин-обыватель за все те хотя бы и невзрачные детали быта, которые ему кажутся «культурнекими», как они называются на определенном жаргоне. Сразу слышится крик, что рука поднялась якобы на домашний уют вообще.

Так, например, после выхода этой КЕИЖКИ я получил письмо в защиту гипсовых слоников, стандартные караваны которых якобы «охраняют», по примете, семейное счастье. Автор этого письма решил изловить меня на неуважении к индийскому народу, который почитает слонов.

Я привел этот курьезный пример не для того, чтобы посрамить автора письма, а лишь из желания наглядно показать, на какие «ухищрения» пускаются те, кто ревностно оберегает свои устаревшие домашние «позиции».

Но ведь никто не посягает на домашний уют, и об этом надо убедительно говорить, если хочешь воспитать у людей верный вкус в быту. Надо с полным уважением относиться к стремлению человека украсить свое жилье, сделать его уютным, привлекательным. Мы за то, чтобы люди заботились о домашнем уюте; мы за то, чтобы девочек обучали рукоделию. Мы за красивые вышивки, за опрятные половички. И занавески на окнах могут быть, если нет более удобной шторы. И очень приятно, когда умелые женские руки застелят стол красиво вышитой скатертью, а хозяин квартиры, скажем, человек со сноровистыми руками и требовательным вкусом, не желая тратиться, сам смастерит и пристроит к лампе над столом успокаивающий глаз абажур. Мы — за это!

Но плохо, когда забота о занавесках, о ковриках, о салфеточках и подушечках

становится чуть ли не главной и единственной в жизни. Плохо, когда человек замкнулся в своем мелком домашнем мирке и, кроме этого, ему ничего не нужно, ни до чего нет дела. Плохо, когда всяческие ухищрения, на которые готовы пойти люди ради внешнего украшения своего быта, вытесняют все другие, более серьезные и важные в жизни стремления. Дело тут не в том, старомоден или ультрасовременен сервант, ради которого хозяева готовы в лепешку расшибиться. Жизнь становится от всех этих углых и мелочных забот узкой, душноватой, человек тускнеет и задыхается в теснинах между вещами, загромождающими быт. Верно заметили многие мои читатели пристрастие людей с неразвитым, плохим вкусом к семейным кроватям, выставленным напоказ. В комнате и без того не повернешься, но кровать занимает самое главное место. На ней пирамида подушек чуть ли не до потолка.

Это является якобы показателем довольства и благополучия. Вот так как будто с мелочей и рождается снулая, глушащая порывы молодой души, самодовольная пошлость.

Безвкусица сопутствует ей. Слово «пошлость» чрезвычайно режет ухо защитников мещанства и безвкусицы. После моих выступлений в молодежных аудиториях о воспитании вкуса, а также выступлений на эту тему по радио, после выхода первого издания книжки я получил немало писем, в которых меня упрекали за то, что я позволил себе употребить слово «пошлость», «пошлятина». Слово это, конечно, обидное. Как объясняет словарь, «пошлый» — это не только значит: избитый, общеизвестный, вульгарный, тривиальный, грубый, надокучивший, но и низкий, подлый, площадной. Именно такое значение мы и должны придавать понятиям пошлости, пошлятины в наших спорах о вкусах. Чехов ненавидел пошлость. Он говорил о ней резко, сурово, часто прямо трагически. Помните, как сказано у него в «Учителе словесности»: «Меня окружает пошлость и пошлость. Горшочки со сметаной, кувшины с Молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего назойливее, оскорбительнее, тоскливее пошлости».

Плохой, невзыскательный вкус, мелкие, эгоистические интересы — очень благодатная почва, на которой процветают мещанство и пошлость.

Но мещанство многолико. Сегодня нередко мещанин прячется за самой современной обстановкой.

Мне трудно выразить, с какой отрадой слушал я бурные аплодисменты, которыми разразился переполненный подростками и молодежью зал Центрального детского театра, когда юный герой превосходной пьесы Розова «В поисках радости», в отчаянии сорвав со стены саблю, когда-то принадлежавшую его отцу-герою, стал рубить с маху ненавистную ему, на горло уже наступающую модную мебель, которой завалила весь дом, не считаясь с людьми, жена брата — типичный образец современной мещанки.

Обычно, говоря о мещанском укладе жизни, мы по старой привычке приводим в пример все те же комоды, герань на окнах, дешевые базарные открытки на стенах. Все это так. Но ведь можно оставаться махровым мещанином и в квартире, обставленной по самому последнему крику моды, среди самых современных сервантов, торшеров, пластиковых половичков, модернизированной керамики на полочках, лакированных столиков под телевизором и радиолой.

Не в одной лишь форме и стиле мебели дело! Если приобретение этих модных вещей становится буквально пунктом помешательства, если ультрамодные стеллажи с книгами, остающимися неприкосновенными, приобретают уже власть неких домашних идолов, то человек постепенно превращается сам в идолопоклонника и жадного жреца, готового чем угодно поступиться во имя придания своему жилью подчеркнуто современного стиля.

Конечно, когда страна наша станет в массовом порядке выпускать действительно красивые и в то же время недорогие вещи, бороться с безвкусицей в быту будет куда легче, чем сейчас. Но все же, ведя разговор о воспитании вкуса, вряд ли следует оправдывать дурной вкус человека тем, что у него пока еще не хватает денег на приобретение красивых дорогих вещей. Такой разговор бывает очень демагогичен. Иной раз следует заглянуть не только в карман человека, но и в его душу. Люди с дурным вкусом нередко тратят бешеные

деньги на то, что называется грубоватым, но точным словом «показуха», но зато пожалеют рубль на вещь хорошую, только скромную на вид. Я помню также, как пришлось мне раз беседовать в одном клубе с группой молодых людей, утверждавших, что они не посещают симфонических концертов потому, что цены, мол, в Консерватории на билеты очень высокие. Но этих же молодых людей спустя некоторое время я встретил на эстрадном вечере, где выступал приезжий джаз, а билеты гуда были в три раза дороже, чем на концерт симфонического оркестра.

Домашний уют или хорошо организованный быт — немаловажное условие для нормальной жизни, отвечающей нашим понятиям. И не мешает всем, особенно девушкам, будущим хозяйкам, задуматься над тем, что составляет основные черты домашнего уюта. У нас еще не ликвидирован жилищный кризис, многим еще живется тесно и неудобно. И все же при всех условиях хороший вкус и заботливые женские руки могут немало сделать для создания элементарного удобства и красоты жилья. Но надо помнить, что красота эта в соответствии с требованиями умного, культурного вкуса должна не стеснять человека, не загромождать его быт всякими, казалось бы, «прельстительными» вещами. Умная красота призвана помогать яснить, работать и отдыхать дома.

К сожалению, многие наши торговые организации, которым надлежит своей продукцией украшать жилище советского человека, по сей день еще оказываются распространителями самого дурного мещанского вкуса. Какие безобразные по своей расцветке олеографии, какую несусветную пошлятину из раскрашенного гипса, допотопных размалеванных пастушек, цветных и линиялых медведей, ядовитофиолетовых голубков, зеленых кошек вынуждены иной раз тащить в свои квартиры молодые новоселы!

Не миритесь с этим! Не пускайте к себе в дом эту дрянь!

И помните, что пошлость может пролезть подчас через совершенно неожиданную лазейку, о которой мы иногда забываем.

Сегодня уже в наших магазинах, художественных салонах можно найти много изящных, хорошо уживающихся со стилем современного жилища вещей. Правда, они, к сожалению, подчас еще непомерно дороги. Но лучше купить одну хорошую, действительно украшающую дом вещь, чем десяток безобразных подделок.

Желанны и важны хорошее жилье, домашний уют.

Ведущееся в нашей стране в невиданных еще масштабах жилищное строительство, переезд трудовой семьи в новую, удобную квартиру — это темы, от которых не следует отмахиваться ни писателю, ни живописцу, ни музыканту. Недаром Маяковский написал превосходные стихи о вселении литейщика Ивана Козырева в новую квартиру.

Но вот мы стоим у картины художника А. И. Лактионова, которая называется «В новую квартиру». Чем больше мы всматриваемся в нее, тем больше убеждаемся, что художник допустил здесь серьезное отступление от хорошего, верного художественного вкуса. В своем произведении Лактионов повествует о вселении рабочей семьи в новую квартиру. Как же передает художник этот радостный момент, как представлены здесь люди? Картина воспринимается так, что центром ее, главным цветовым пятном (а значит, и смысловым, если судить по законам живописи) является фикус, с необыкновенной старательностью и фотографическим правдоподобием выписанный художником.

Лактионов — отличный рисовальщик, мастер фактуры, то есть умения передать в живописи поверхность, материал, форму изображаемых предметов. И это свое незаурядное умение он употребил в данном случае на то, чтобы тщательно воспроизвести и тем самым выделить, невольно воспеть случайный предмет, не отражающий нового, перестраивающегося рабочего быта, его новой культуры. Конечно, мы часто видим фикус в современных квартирах, где любят зелень, цветы, и в этом, разумеется, нет ничего предосудительного. Но когда художник с особой любовью выписывает мельчайшие детали фикуса, когда он выдвигает его на первый план и заслоняет этим главное — самих новоселов, хозяев квартиры, ставя их в маловыразительные позы, когда он уделяет людям значительно меньше художнического внимания, чем горшку с цветком, — мы вправе

сказать, что такая картина не служит воспитанию хорошего художественного вкуса и, как говорят, она больше «работает» на потребу мещанина, потрафляя его дешевым вкусом. Радость трудовой семьи, вселяющейся в новую квартиру, тут не захватывает нас.

А сумел же Маяковский, взявши ту же бытовую тему, поднять ее на уровень «больше!», вдохновенной поэзии.

Своими стихами он как бы широко раздвинул стены новой квартиры, в которую вселился литейщик Иван Козырев, воспел новое, благоустроенное жилье рабочего, ставшего гордым хозяином завоеванных им жизненных благ.

Или вот другой, казалось бы, незначительный факт, уже из другой области, а за ним встает тот же большой и принципиальный вопрос воспитания художественного чутья.

Чем, как не постыдной уступкой дурному, мещанскому вкусу, явилось, например, неожиданное переименование известной итальянской кинокартины, носившей смелое, необычное название: «Дайте мужа Анне Заккео». Само это настораживающее название было органически связано с содержанием фильма, который рассказывает о бесправном положении девушки из неимущей итальянской семьи, обреченной либо на жалкое одиночество, либо на поругание или случайное, короткое и преходящее счастье. Но кому-то из работников, занимающихся у нас прокатом иностранных фильмов, показалось, что такой заголовок грубоват или, упаси бог, безнравствен... И вот вместо, может быть, резковатого, но правдивого, образного названия мы увидели на афишах: «Утраченные грезы»... Роскошно и душеспасительно! Как на раскрашенной базарной открытке! И совсем в духе тех стишков, что находишь, заглянув в альбомы, до сих пор имеющиеся у некоторых девиц, придерживающихся, как они полагают, самых утонченных вкусов.

Маяковский писал, что относится с почтением к искусству, «наполняющему кассу», но бдительно напоминал, что «мы, где пошлость, везде — должны, а не только имеем право негодовать и свистеть».

Иной раз в погоне за «кассовым» успехом наши кинопрокатные организации не очень задумываются о том, какой откровенно чуждый нам вкус прокламируют они, показывая на экранах страны миллионам зрителей зарубежные фильмы самого низкого художественного качества.

Эти фильмы не просто плохие, они часто являются откровенной рекламой специфического буржуазного образа жизни. В капиталистическом мире не жалеют денег на коммерческую рекламу. Денно и ночью она трубит, вещает по радио, напоминает вам бесчисленными огнями уличных транспарантов о том, где выгоднее всего покупать платья, что надо пить, какие машины приобретать, как причесываться... Реклама не только властно врывается в каждую передачу американского телевидения, не только заполняет собой две трети газет, вылезает на театральные занавесы, неотступно преследует вас в вагонах метро, кидается вам под ноги надписями поперек тротуара, лезет вам в глаза и со дна пепельниц и с потолка туалетных комнат...

Она превращается из коммерческой рекламы в пропаганду совершенно определенных вкусов, в повсеместную агитацию за определенный тон и образ жизни.

Этим же задачам служат, кроме чисто коммерческих расчетов, и многие произведения искусства в капиталистическом мире, где за внешне бесхитрым, примитивно намеченным сюжетцем вам пытаются внушить совершенно определенные представления о том, что красиво, а что неприглядно с точки зрения законодателей стиля и образа современной буржуазной жизни. И бывает так, что не искушенные в таких делах наши парни и девушки перенимают с экрана, на котором демонстрируется эта доходная пошлятина, и дрянные песенки, и вульгарные ухватки, и весьма сомнительную мораль.

А теперь вернемся к альбомчикам...

Я не вижу ничего дурного в том, что девушка выписывает в тетрадку или в особый альбомчик любимившиеся ей стихи. Это дело хорошее. Умные, искренние лирические стихи помогают глубже вдумываться в жизнь, точнее понять человеческие взаимоотношения, истинность чувств и вернее определить свое собственное понимание любви, дружбы. Но,

увы, не чувства — в том-то и беда, — а слюнявые сантименты воспитывают те стихи, которые вписываются нередко в эдакие альбомчики. Какая непроходимая, глупейшая пошлятина, родившаяся когда-то в потаенных уголках институтов благородных девиц, по сей день еще пятнает альбомные страницы! «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня...», «Катя прелесть, Катя цвет, я дарю тебе букет...». И так далее и тому подобное, и всякие другие полуграмотные, ни в склад, ни в лад скропанные стишки, где в неуклюжих и жалких по звучанию строфах, как на пыльной полке старой, захламленной провинциальной аптеки, заготовлены расфасованные на все случаи жизни патентованные снадобья, мелкие, микроскопического калибра мыслишки.

А иной раз на вечеринке — смотришь и глазам своим не веришь — появляются вдруг в руках у девушек и юношей засаленные, пахнущие затхлым сундуком и невесть как сохранившиеся (а бывает так, что и заново аккуратно переписанные) карточки игры «флирт цветов». И, разобрав карточки, играющие начинают обмениваться от имени всяких орхидей, гелиотропов, жасминов и настурций готовыми пошлейшими репликами, вроде: «Оставьте представляться, я вас вижу насквозь...» или: «Мое сердценеподходящий инструмент для игры на нем...»

Не так давно я прочел в газете заметку по поводу только что выпущенной в одном из южных городов «игры цветов». Игра была выпущена тиражом в сорок три тысячи экземпляров. Она напомнила мне давно забытое время, когда эта игра называлась откровенней — «флиртом цветов».

Вот содержание одной из сорока карточек:

«Ландыш. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего не дал мне, кроме страданий.

Ромашка. Я не хочу быть пятой спицей в колеснице.

Незабудка. Почему вы мрачны?

Ирис. Не вопрошай меня напрасно...

Мак. Вы очень кокетливы.

Левкой. Ваших дьявольских глаз я боюсь, как огня.

Резеда. Ты рождена играть сердцами».

И в таком духе все сорок карточек!.. Вот как цепка и живуча пошлость!

А несколько читательниц моих после выхода книжки «Дело вкуса», обиженные моими нападками на альбомчики со стихами, решили изловить меня на том, что я позволил себе, очевидно, не зная автора, высмеять стандартные строчки: «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня».

Вот, мол, попался уважаемый писатель, ведь это же стихито Пушкина! Совершенно верно, стихи эти имеются в «Евгении Онегине», но где? Там, где Александр Сергеевич насмешливо изобразил альбом сентиментальной уездной барышни, куда, конечно, были вписаны строчки, о которых идет речь. Причем Пушкин и говорит, что такими стихами уж непременно должен был кончатся подобный альбом.

Значит, еще тогда, полтора века назад, культурные люди воспринимали подобные стишки как тривиальные, относили их к литературе дурного вкуса. А кому-то хочется, чтобы в тетрадки и альбомы наших девушек еще проникали следы невзыскательной пошлости. Это обидно! Ведь у нас есть замечательные лирические поэты, их любят, знают; есть столько прекрасных, радующих душу стихов! А в сокровищнице классической советской литературы сколько непревзойденных поэтических шедевров! Вот оттуда бы и записать себе на память в альбом, в тетрадь, да чаще их листать.

Да, как ни странно, безвкусица, отдающая нафталином и полувыдохнувшимися пачулями, самая откровенная пошлятина, подкрепленная «галантерейной» словесностью, изредка вторгаются еще в быт нашей молодежи, громогласно напоминая о себе и подменяя собственным бесстыдным звучанием веселые голоса молодых чувств, молодого веселья.

Но стихотворные поделки, отвечающие невзыскательному вкусу и приобретающие иногда еще широкое хождение у известной части нашей молодежи, не обязательно датированы прошлым веком или началом текущего столетия. Еще ходят по рукам в списках

от руки или на машинке стихи сегодняшних авторов, полные дремучей тоски и пьяного надрыва, выраженных в интонациях и манере так называемых «вагонных» песен. Такие жалостные, полублагные рулады мы слышали прежде в вагонах дачной электрички от побирающихся, просящих милостыньку проходимцев. А сегодня нет-нет да и услышишь подобную «арию» где-нибудь на молодежной домашней вечеринке. И добро бы, звучала она там как шутка, как насмешливая пародия?

Нет, ее подчас исполняют со всей серьезностью, выдают за некое поэтическое откровение, за какое-то якобы подспудное явление современной поэзии. Ее записывают на магнитофонную ленту или даже делают патефонную пластинку кустарным способом — на старых рентгеновских снимках.

А по существу, эта «дешевка» не более современна, чем стишки из альбома провинциальной барышни старой, дореволюционной формации.

Обидно, что иногда некоторые из наших поэтов, чьи стихи с уважением и интересом читаем на страницах журналов, тоже позволяют себе работать на потребу такого несерьезного вкуса. Как, например, не огорчиться за несомненно одаренного, обладающего своей сердечной, хорошей интонацией поэта Окуджаву, которого мы знаем и по его напечатанным стихам и по песням для кино... А кое-где на вечеринках прокручивают, как известно, некоторые приобретшие дурную популярность его песенки, сочиненные на манер дешевых уличных и вагонных «баллад». Что говорить, песенки эти одно время приобрели довольно широкое распространение. Видимо, они соответствуют тем настроениям, в которые впадают после определенной рюмки «столичной» или «московской», когда хочется понуть вслух, на людях, пройти под гитару по струнам собственной, якобы не всеми понятой души. Но может ли уважающий себя поэт согласиться с тем, что его стихи идут под выпивку... вместе с закуской!.. И этого ли ждут от соврзменной поэзии ее настоящие почитатели, подлинные ее ценители, видящие в каждой хорошей строке стиха тропку, ведущую в мир больших чувств и глубоких мыслей, в мир прекрасного?!

«Правила хорошего тона»

Очень часто приходится слышать от молодежи вопросы о том, как проявляется вкус в личном поведении человека, что такое хорошие манеры и как вообще надо «держаться» в обществе.

Судя по тому, как настойчиво звучат подобные вопросы, многих молодых наших людей все это очень занимает.

Взыскательное отношение к тому, как ведет себя наш человек в обществе, дома, вполне естественно. Неслыханный по своей стремительности и масштабу культурный сдвиг, происшедший у нас в стране, несомненно заставляет нас быть более внимательными к внутреннему миру человека, к его духовным запросам, ко всему тому, как личность его проявляется в коллективе. В среде советских людей поведениз каждого перестает быть только его личным делом.

Невежливость, грубость, невоспитанность, наплевательское отношение к удобству окружающих, незнание элементарных правил приличия делаются все более нестерпимыми.

Но мне иной раз кажется, что некоторые наши молодые люди либо отмахиваются вообще от всяких требозаштй вежливости, либо чрезмерно забивают себе голову мнимыми проблемами так называемого хорошего тона. Известно, что ходят по рукам в списках какие-то кодексы светских приличий, авторство которых приписывают одной из представительниц старого княжеского рода. На литературных вечерах получаешь вдруг из зала записку, в которой с полной серьезностью кто-то спрашивает, как надо проходить в театре на свое место, если запоздал и все уже расселись, — лицом или спиной к сцене?.. А на самом деле вопросы эти не так уж сложны, как кажется иным. Конечно, очень приятное впечатление производит молодой человек, который держится на людях свободно, проходит, никого не задевая локтем и никому не отдавливая ног, уступает место женщине или

старшему, юноша, который слушает других, не ерзая от желания перебить и высказаться непременно самому в первую очередь.

«Воспитанный юноша!»-скажут про такого. «Хорошо держится девушка!» — признают даже самые строгие блюстители хорошего тона, наблюдая за той девушкой, что показалась нам всем привлекательной еще на первых страницах этой книжки, девушкой, которая движется, разговаривает, общается с окружающими достойно, скромно, без жеманства и суетливых ужимок.

Воспитанный человек не будет, перед тем как идти куданибудь, обливаться духами до такой степени, что потом у всех, с кем он будет общаться, начнет свербить в носу или захватывать дыхание. А молодым людям мужского пола, между прочим, вообще не следовало бы душиться.

Надушенный юноша производит очень неприятное впечатление. Вспомните, как отчитал отец Витю (в воспоминаниях В. Вересаева «В юные годы»), когда сынок решил подушиться. Здоровое молодое тело, поры которого открыты, сохраняет свежесть и, если быть опрятным, умываться, обливаться водой, держать себя в чистоте, совсем не нуждается в духах. Можно обтереться одеколоном, чтобы продезинфицировать кожу после бритья, растереть тело после холодного душа. Но что может быть тошнотворнее, чем грязная, давно немытая шея «благоухающего» франта?..

И не будет уж, конечно, культурный, воспитанный человек ругаться площадными словами. У нас, к сожалению, слишком снисходительно относятся к омерзительному сквернословию и даже попустительствуют этой безобразной привычке, оставшейся от того позорного и темного, что было у нас в прошлом. И встречаются молодые люди, по недоразумению считающие себя представителями культурного человечества, у которых вошло в обыкновение извергать бранную многоярусную похабщину... И я не сомневаюсь, что грязная скабрзность, хамская грубость в какойто мере непременно проникают с языка человека в его душу. Можно еще представить себе интеллигентного и воспитанного человека, немало испытавшего в своей жизни, который при исключительных обстоятельствах, н уж, конечно, не в присутствии женщин и детей, пустит крепкое словцо, сорвавшееся у него с языка... Но трудно вообразить себе, чтобы хороший молодой человек, по-настоящему серьезно относящийся к жизни, повседневно, ни с кем не считаясь, изрыгал бы гнусные ругательства, хотя бы и придавая им шуточный характер.

Хорошо воспитанный молодой человек не станет щеголять перстнем на пальце. Ведь обычно парень делает это для того, чтобы обратить на себя внимание окружающих.

А такое поведение уже нескромно: «Интересничает парень», как говорят в таких случаях.

Хорошо воспитанный человек, уступая место женщине, не боится, что неумные люди упрекнут его, будто в его поведении сказывается «отрыжка» старого отношения к так называемому «слабому полу». Еще находятся у нас молодые люди, которые, ничтоже сумняшеся, позволяют себе сидеть, когда женщина стоит, и объясняют свое поведение тем, что жекщина, мол, теперь равноправна с мужчиной, почему же надо уступать ей место?.. Воспитанный человек — я имею в виду в данном случае мужчин — всегда помнит, что он представляет так называемый «сильный пол», и не захочет отказаться ни от привилегии, ни от обязанностей, которые накладывает это положение.

Воспитанный человек не позволит себе явиться на похороны в ярком галстуке, так как знает, что крикливые краски его костюма покажутся грубо неуважительными по отношению к общему настроению скорби. Воспитанный человек не станет громогласно говорить на улице или в обществе о своих личных делах с приятелем, так как понимает, что его частная жизнь, возможно, далеко не всем в мире интересна...

В конце концов, дело не в том, чтобы с пунктуальностью и щепетильной точностью соблюдать всевозможные условности, издавна принятые в так называемом «свете». Люди воспитанные легко простят вам, если вы где-нибудь на званом обеде, или банкете, или просто в ресторане за товарищеским ужином возьмете рыбу не той вилкой, что

предназначена для закуски, или, боже упаси, коснетесь ее ножом.

Кстати, не так уж трудно разобраться во всем этом нехитром инструментарии для праздничной трапезы и увидеть, что возле тарелки у вас лежит и специальный широкий нося с тупыми краями, которым как раз и следует прикасаться к рыбе. Но вот если вы начнете громко чавкать, повернетесь спиной к соседу или будете целиком заняты лишь тем, что сами поглощаете за обедом, вас, конечно, сочтут человеком невежливым и не только малообщительным, но просто не умеющим себя вести.

Однако очень уж вертеться, суетиться, расшаркиваться, хлопотать, чтобы показать всем, как вы о них заботитесь, как вы хорошо воспитаны, не следует: можно показаться чрезмерно услужливым, то есть назойливым, лишенным чувства меры и такта. А эти черты часто определяют, хорошо ли воспитан человек.

Как бы ни были утонченны некоторые условности светского обихода, надо помнить, что возникли они когда-то как требование здравого смысла. Хороший тон — это прежде всего умение вести себя так, чтобы всем окружающим было удобно с вами. И не надо судорожно перебирать в памяти пресловутые «правила княгини Волконской», готовясь войти в комнату, где собрались знакомые и незнакомые вам люди. Надо прежде всего руководствоваться именно здравым смыслом, поступать так, как этого требуют удобства окружающих и их интересы. Нужно воспитать в себе постоянную готовность поступать, действовать, вести себя с людьми так, чтобы в первую очередь позаботиться об их удобстве, а не о своем. И тогда, если вы мужчина, то, скажем, провожая даму по лестнице, вы поймете, где вам идти — позади нее или опережая; если вы ведете спутницу вверх по лестнице, вам, конечно, лучше идти чуточку позади, поддерживая, помогая, если надо. А спускаясь по лестнице с дамой, вы пойдете на ступеньку-другую впереди, готовый, в том случае если она оступится, оказать поддержку. Так же, садясь в трамвай, автобус или троллейбус, вы, уже не обращаясь к кодексу правил, обязательно пропустите вперед женщину, помогая войти, а выходя, ступите на землю первым, чтобы помочь спутнице сойти с подножки.

Как-то покойному генерал-лейтенанту А. А. Игнатьеву, человеку, который считался тончайшим знатоком всех правил светского обхождения, кто-то из молодых людей задал вопрос: «А как лучше наклонять тарелку за обедом, когда суп уже на самом доньшке, — к себе или от себя?»

Генерал быстро осведомился: «А вы что, собственно, хотите облить? Если скатерть, то наклоняйте от себя, если собственные брюки — к себе. А вообще-то лучше оставить тарелку в покое, потому что и бог и хозяин вам простят, если вы оставите на доньшке полторы ложки супа...»

И действительно, правила хорошего тона, так называемые добрые приличия, если отбросить всякие усложняющие частности, покоящиеся на уже омертвевших традициях, по существу, опираются, как и требования хорошего вкуса, на здравый смысл, на законы простого человеческого такта, который вырабатывается без особого труда у каждого, кто требователен к себе и внимателен к людям.

Хорошо развитый вкус помогает человеку самостоятельно мыслить. Человек, познавший радость восприятия истинно прекрасного, уже не будет ломать голову над такими не существующими на самом деле проблемами, которые волнуют некоторых читателей, приславших мне свои письма. В них меня, например, спрашивают: можно ли девушке пойти с молодым человеком в ресторан, кафе?

Красиво ли это, к лицу ли такое поведение скромной девушке из нашего советского общества?

Конечно, если девушка все свое свободное время проводит только на танцевальных вечерах, ходит по ресторанам с кем попало, не думая о том, кто ее пригласил, — ничего хорошего тут нет. Это говорит о внутренней пустоте, об известной неразборчивости, о моральной неприхотливости, часто здесь сказывается уже и нравственная неопрятность и отсутствие серьезных интересов, доброй тяги к использованию тех прекрасных возможностей, которые предоставлены сегодня нашей молодежи для отдыха, для досуга, для

развлечения и развития.

Плохо, если девушке всегда интересней пойти в ресторан, чем в театр, на концерт или лекцию, в которой речь пойдет о вопросах, близких каждому молодому сердцу.

Но глупо было бы объявлять ресторан или кафе каким-то запретным местом, куда уважающая себя девушка не имеет права пойти со своими друзьями, чтобы поужинать, послушать веселую музыку и потанцевать. Уклад нашей советской жизни меньше всего похож на монастырский. Чернецы-схимники, отказавшиеся от жизни, считали всякую красоту греховной. А мы за то, чтобы красота во всех ее достойных человека проявлениях помогала бы нам жить и делать жизнь еще прекраснее. Мы за танцы, в которых проявляется человеческая грация и веселье молодого духа.

И за хороший, красиво проведенный вечер в доброй дружеской компании, где люди уважают друг друга и, уж можно быть уверенными, не позволят себе ничего безобразного.

Мы за веселые, прекрасные песни, которые славят жизнь, труд, любовь, природу, дружбу. Мы за остроумную шутку, какой можно сдобрить трудную минуту. Мы за красивую одежду, в которую облачено закаленное, окрепшее в труде, тренированное спортом тело. Мы за все, что не только средствами и силами подлинного искусства, но и будничными мелочами на каждом шагу помогает нам делать жизнь подлинно прекрасной. Вот такую жизнь мы и считаем отвечающей правильному, хорошему тону.

И еще немного о манерах и приличиях...

Как-то в редакцию одной из центральных газет пришло письмо товарища С., которое передали мне для ответа.

«Меня возмущает, — писал С., — поведение „влюбленных стилиг“ в общественных местах. На днях я ехал с девятилетним сыном после десяти часов вечера. И чем же я был возмущен?! В метро на эскалаторе девушка с молодым человеком целуются. Когда я сделал им замечание, они меня начали всячески оскорблять... Такое выражение чувств необходимо всячески пресекать, это развращает наших детей... Однако идут по улице „влюбленные“ обнявшись, идут мимо милиции и дружин, и никто их не остановит, а пора бы останавливать и наказывать...»

Безоговорочно призывая милицию «пресекать» и «штрафовать» пылких влюбленных, товарищ С. вспоминает заодно «случай в продовольственном магазине на Ново-Хорошевском шоссе», который он наблюдал летом: «Одна женщина лет сорока зашла в магазин в слишком открытом платье. Многие возмутились. Пригласили милиционера, чтобы он забрал эту женщину. А тот ответил: „У нас указаний нет таких забирать“. И ушел. Правильно ли поступил милиционер? Я вспомнил этот случай, так как тут с „влюбленными“ указаний, видимо, нет. А должны бы быть!»

Вот какое письмо. Заранее знаю: многие читатели, главным образом те, кому лет за сорок, поддержат товарища С. и, наверное, очень рассердятся на меня, если я не во всем соглашусь с ними. Но все-таки я попробую кое в чем поспорить.

Мне вот думается, что звать на помощь милицию в таких случаях не стоит. По-моему, надо начинать с другого. Нужно с самых малых лет воспитывать у мальчиков и девочек основы взаимного уважения. Человек с хорошо и верно развитым чувством собственного достоинства будет везде вести себя так, что его не упрекнешь в разнузданности, нескромности, разухабистости, грубых манерах. Как уже было сказано, культурный человек вежлив. А вежливость — это прежде всего переходящее в привычку умение всегда и везде держаться так, чтобы окружающим было не обременительно, удобно с тобой. Мы воспитываем в наших молодых людях не какие-то условные приличия, выражающиеся в чрезмерно изысканных манерах, а чуткую отзывчивость, уважительное внимание, товарищеское участие к человеку. С особой отчетливостью все это должно проявляться в отношении к женщине. Карл Маркс писал, что «на основании этого отношения (то есть отношения к женщине. — Л. Я.) можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека».

А вот, к сожалению, некоторые молодые люди, мало выдумывающиеся над жизнью, не

приучаются оказывать своим подругам простейшее повседневное внимание. И это переходит в привычную грубость. Как неуважительны порой в обращении наши юноши. Они дают волю не только языку, но и рукам...

У нас часто с непростительной снисходительностью относятся к пьянице, бесстыдно извергающему ругательства в трамвае или в автобусе. А это, как мне думается, тоже не очень-то поучительно для малолетних, о которых в первую очередь печется товарищ С. в своем письме. Попробуй выселить из вагона безобразника — со всех сторон услышишь: «Ну что вы к человеку пристали?.. Видите же, не в себе он, хватил чуток лишнего. Вас ведь он не трогает».

Зато везде найдется много охотников решительно осудить слишком открытое, по их мнению, платье у женщины.

Тут советуют уже призывать милиционера!..

Разумеется, никто не должен забывать о том, что называется приличием. Я уже говорил выше, что культурной девушке всегда присущи черты женственности, скромности.

Если она держится с достоинством, уважает себя и ценит настоящее, доброе человеческое отношение, то сразу осадит очень уж напористого парня, так что тот и рот закроет и руки уберет. Да и не станет внимательный к людям, уважающий себя человек чрезмерно оголяться в общественном месте, хотя бы и на курорте. Здесь я готов полностью согласиться с мнением товарища С. по поводу платья женщины, которую он встретил в магазине.

Всею свое время и свое место. Разумеется, в спортивных брюках или в легком сарафане не стоит отправляться в театр, на концерт, на лекцию в большом городском клубе.

Но почему бы не использовать эту удобную одежду для прогулок, подвижных игр, для работы дома или в саду?

Уже писалось о том, что в некоторых курортных городах блюстители приличий дошли до того, что стали задерживать молодых людей в спортивных шортах (коротких брюках), а девушек в сарафанах. Наши газеты не раз справедливо высмеивали эти неумные «мероприятия».

Такие ревнители строгих приличий ничем не лучше ватиканских монахов, которые, стоя на паперти собора Петра в Риме, ни за что не пускают в храм женщин в платье с короткими рукавами, какая бы жарница ни стояла...

И если необходимо воспитывать в наших людях столь важное качество, как чувство меры, без которого не разовьешь понятие о хорошем вкусе и такте, то о нем обязательно надо помнить и тем, кто нетерпим ко всякого рода «вольностям» в поведении или в одежде молодежи. Да, надо прививать людям чуткость, корректность, умение чувствовать обстановку, в которой находишься, но воспитывается это не окриком, не вызовом дружинников и не внесением в уголовный кодекс специальной статьи.

Что касается поведения «влюбленных», о которых сообщает товарищ С. в своем письме, то тут я с ним готов во многом согласиться. Я тоже считаю, что эскалатор метро не очень подходящее место для выражения своих чувств.

Кроме того, истинная любовь всегда застенчива. Большие чувства не афишируются, не выносятся напоказ, не рекламируются объятиями на глазах у посторонних. Люди, глубоко и искренне любящие друг друга, умеют выражать свои самые сокровенные чувства мимолетным взглядом, бережным, почти незаметным для посторонних жестом, особым, но не подчеркнутым внешне вниманием к любимому человеку. А публичные поцелуи, объятия мало совместимы с искренним проявлением чувства, вызывают лишь раздражение против распушенности, неуважение к такому показному «счастью».

Все дело опять-таки в чувстве меры. Не вижу ничего безнравственного, плохого, если юноша и девушка — разумеется, не в первые дни своего знакомства, но давно уже знающие и любящие друг друга — идут, взявшись за руки или если даже ее рука доверчиво лежит на плече спутника, а он бережно поддерживает ее. Нет, я бы не стал тут звать милиционера, как хотите!

Есть правила вежливости. Они отражают общую культуру поведения человека в обществе. Их главное требование — взаимоуважение людей. А есть еще и назойливые условности, которые отягчают общение людей, мешают жить, путаются у нас в ногах. Мы за такое поведение, за такие манеры, в которых проявляется общая внутренняя культура человека. Мы за не стесняющие, но свойственные всем здравомыслящим людям разумные и обязательные правила приличия. Но мы против ложных, придирчивых условностей. Они лишь обременяют человека и вовсе не содействуют его правильному воспитанию, развитию верных представлений о прекрасном.

Слова, словеса и словечки...

Представьте себе на секунду (прошу вас, на секунду, не более!), что эта глава начиналась бы так:

«Радостная весть как молния облетела все уголки швейной фабрики э 4. Бригада закройщицы Федориной, самоотверженно работая в обстановке огромного трудового подъема и высокого творческого энтузиазма, добилась выдающегося успеха, пошив в процессе напряженного предпраздничного соцсоревнования сверх установленной программы 50 распашонок для фабричных детских яслей...»

— Эк его понесло! Заблаговестил... Бухает из пушки по воробьям. А еще берется писать о хорошем вкусе, — в сердцах сказали бы вы и уж вряд ли бы читали книгу мою дальше.

Но не спешите, махнув рукой и высказав в мой адрес слова, которые не всегда лезут в печатную строку, закрывать книгу.

...Погодите! Это шутка... С известным умыслом я нарочно начал главу эдаким велеречивым сообщением. Разумеется, я несколько сгустил краски.

Но, ей-же богу, только немного! В самом деле, разве не приходится нам встречать кое-где еще в газетах, слышать иногда с трибуны, а подчас — увы! — и в радиопередачах вот такие, не в меру ложно патетические, раздутые словеса?! Они, я уверяю, вместо того чтобы порадовать людей простым деловым сообщением о каких-то пусть скромных, но жизненно важных делах наших, вызывают раздражение или скучный зевок у читателя и слушателя.

Вот я и позволил себе продолжить давно уже начатый разговор о том, что у нас иной раз в силу дурной казенной привычки, из-за отсутствия вкуса к верному слову пускают в ход слишком громкие слова по поводу вещей, о которых следовало бы говорить скромно, без крика и звона. Еще великий композитор Гуно как-то очень хорошо сказал, что добро не делает шума, а шум не делает добра. То есть, настоящие, хорошие, добрые люди не нуждаются в излишней шумихе. А крикливая сенсация не приведет к добру.

Мне уже приходилось писать, что такие тирады, как «в обстановке неслыханного подъема», «с огромным энтузиазмом», и некоторые другие, часто механически и не к месту повторяемые, несоразмеряемы с поводом для произношения их, стираются в своем звучании, утрачивают свой глубокий первоначальный смысл, становятся недопустимо ходовыми: для них уже у стенографисток имеются заготовленные знаки — один на целую фразу... Подобного рода готовенькие, обкатанные фразы, вписанные в шпаргалки, без которых не обходятся иные лекторы, агитаторы, так же засоряют наш прекрасный русский язык, как и лихие обороты речи, на которые так падки некоторые наши молодые люди.

Так будет уместно напомнить, что культуре языка, смысловому качеству и эмоциональному полнозвучию разговорной речи вредит как один, так и другой шаблон.

С одной стороны — «слоаа-дистрофики», оторвавшиеся от корня, иссушенные применением их не по существу, обескровленные тем, что они не питаются ни мыслью, ни искренним чувством. С другой — изуродованные «слова-калеки» — жаргонные, вызывающе простецкие, лихо вывихнутые вульгарные словечки, которыми кокетничают те, кто полагает, будто этим они ведут борьбу с казенщиной. Ложно красивые словеса и залихватские

словечки проникают в язык через разные «двери», но одинаково портят, засоряют и мертвят живую речь.

И слова и словечки эти несоразмерны с тем истинным смыслом, который предназначено выразить ими. Нескромная манера речи часто входит уже и в языковой обиход.

Особенно злоупотребляют этим в быту молодые люди, полагающие, что им за словом в карман лезть не приходится и, чем хлеще слово соскочит с языка, тем оно покажется умнее и оригинальнее. То и дело слышишь из уст этих бравых словорубов: «Мне дико некогда», «Я хочу безумно есть», «Потрясающая погода» (да еще иногда для шика:

«Пстрясная погодка»), «Время провели колоссально!», «Гуляли мы исключительно», «Танцевать с ней-абсолютно гениально!»...

Я уже не говорю о том, что многие из этих речений с легкой руки, а вернее, с легкой мысли пустомель ставшие ходовыми, грубо нарушают правила грамматики. Они должны были бы просто как кость застревать в горле у мало-мальски культурного человека. Но пока что они звучат и вязнут у нас в ушах чаще, чем в горле тех, кто любит порезвиться эдакими «колоссальными», «исключительными», «потрясающими» и «гениальными» тирадами.

Бывает, что и речь совсем не плохих, толково думающих, работающих и как будто тянущихся к культуре девушек и юношей уснащается выражениями, в которых слышится то блатной «код» уголовников, то бравада дешевого, чуждого нашей молодежи снобизма. Встречаются такие, что и слова в простоте не скажут. Только и слышишь от них: «чудик», «шмакодявка», «приветик», «законно», «железно», «хана». Компанию своих товарищей такие ухари называют «кодлой», привлекательную девушку — «кадришкой», принадлежности костюма — «шмотками».

Вместо того чтобы пригласить друзей на прогулку, они скажут: «Прошвырнемся» или «Двинули, похряем?» Человека, который чем-нибудь поразит их, похвалят: «От дает жизни! Силен, бродяга!» Зовя вас в столовую, они предложат: «Аида порубаем щец!» В ответ на разумный товарищеский укор тотчас же последует презрительное: «Ах, рыдаю». А если подобному речетворцу, а вернее, пустобреху сообщат что-нибудь немаловажное, всех касающееся, он немедленно отмахнется: «Мне все это-до лампочки!»

Замечал я, что иногда употребление нарочито грубых, жаргонных словечек вызывается скрытой застенчивостью, которая свойственна ребятам, из скромности чурающимся громких слов. И вот тогда, вместо того чтобы сообщить, скажем, о дружной и успешной работе бригады, вам бросят: «Да, уж вкалывали на всю железку!»

Видно, мнится таким ребятам по простоте душевной, что они ушли от ходовой, казенной формулы и нарочитой суровостью заслонились от чрезмерных похвал. Но большей частью, если вдуматься как следует, всякие эти нарочитые небрежности речи, все эти «вольные словечки» не что иное, как те же шаблоны, от которых мертвеет живая душа слова.

Они порождены или ложным стыдом, заставляющим человека прятать свои искренние чувства, или погоней за мнимой оригинальностью и боязнью показаться банальным, или штампованным острячеством, а чаще всего неумной потугой заявить свою независимость при всех обстоятельствах. Но разве самостоятельное мышление, уверенная свобода человека, с умом и душой делающего свое дело, не терпящего благостно-умильных словес, выражаются подобными словечками, назойливо рядящимися в грубо простецкую форму, а бывает, и в откровенно хулиганские штампы?

Где-то, возможно, при известных обстоятельствах и в определенной обстановке такие слова были впервые произнесены и к месту, соответствовали, допускаю, какому-то настроению, особым условиям, при которых они звучали даже как меткие и находчивые выражения. Но потом они были подхвачены людьми, у которых собственный запас слов весьма скуден, а желания прослыть остроумным и всему на свете цену знающим — хоть отбавляй! Так и возникает невзыскательны!», малоопрятный строй речи, пошлая манера и дурная привычка придавать во что бы то ни стало наплевательский тон разговору о многих серьезных вещах, требующих строгих, скромных слов.

А ведь словесный мусор рано или поздно, если человек вовремя не избавится от него, в конце концов засорит и душу. Хорошо еще, если подобное увлечение жаргоном было преходящим, ну просто временной данью моде. Но ведь постепенно это может стать привычной сущностью человека, постоянным ощущением, что нет для него ничего в мире святого. И тогда уж ему действительно все будет, как выражаются сами любители жаргона, «до лампочки»...

В самом деле, может ли, скажем, человек, искренне полюбивший девушку, даже в своей интимной мужской компании говорить о ней, что она «девуля — класс! На большой с присыпкой! Своя в доску на все сто...»? Право же, не скажет он так, если по-настоящему, искренне и уважительно любит.

Тут я уже заранее слышу упреки в адрес некоторых молодых писателей, которые, мол, пропагандируют в своих произведениях жаргонные словечки. Да, для таких упреков, к сожалению, есть достаточно много поводов. Действительно, в книгах иных молодых, одаренных писателей некоторые персонажи злоупотребляют выражениями, которые я приводил выше. Авторы объясняют это стремлением жизненно правдиво нарисовать того или иного героя, передать определенный, живой колорит, часто необходимый для создания атмосферы, в которой живут изображаемые люди.

Но дело тут, конечно, в чувстве меры. И надо помнить, что не всякое лыко, путающееся у нас в обиходном просторечии, должно обязательно лезть в строку. Здесь, разумеется, необходимы художественный такт, точный вкус, взискательный и умный отбор. Без этого писатель оказывается во власти языкового натурализма, отвратительного, как и всякий другой натурализм в искусстве. Истинный художник умеет передать живую, ершистую, может быть, иной раз и режущую слух речь избранных им персонажей смело, точно, правдиво, не щеголяя чересчур смачными оборотами, но искусно воссоздавая жизненность передаваемых интонаций.

Теперь возвратимся опять к тому, о чем мы говорили в начале главы, — к словам и словечкам. Ужасно, когда гулкие, пустопорожние словеса звучат с общественной трибуны, в газете, в воспитательной работе, в пропаганде.

Становится очень обидно за большие, хорошие слова, которым надлежит выражать понятия самые дорогие, самые важные, а подчас и священные для нас. Нельзя швыряться ими как попало! Вспомним-ка, что в прежнее время в семьях верующих и в старой школе ребятам запрещали божиться и вообще, как тогда выражались, употреблять имя божье всуе... Что же, в этом был свой регон, свой смысл! Осуждались бокгба, злоупотребление всякши словесными формами, приуготовленными для мслигвы и торжественных случаев. Тем самым оберегался священный для религиозно настроенных людей смысл высокого, «божественного» слова.

У нас, у советских людей, давно уже выработались свои собственные и притом весьма высокие представления обо всем, что является сутью и смыслом нашей жизни. Она заполнена дружным всенародным трудом и уверенно устремлена в будущее. А будущее это, как мы непоколебимо убеждены, станет коммунистическим, то есть отвечающим самым лучшим, самым заветным помыслам человечества.

Было время, когда нам приходилось впервые на весь мир, перешибая злобный вой к крик наших недругов, на каждом шагу и во всеуслышание заявлять о своих идеалах. Как писал Маяковский, требовалось переорать и вьюги, и пушки, и ругань. Октябрьская революция придала этим идеалам глубокую реальность и открыла впервые в истории путь к тому, чтобы они восторжествовали, стали бы новой, прекрасной формой существования миллионов людей. И нет ничего удивительного в том, что в народный язык, в повседневную речь, в домашний обиход и уличный говор запросто вошли высокие, прекрасные слова о революции, о свободе, о труде, о творческом энтузиазме масс. Эти полные вдохновляющего смысла, веские и звучные слова насытили и поэзию нашу. Они поныне остались дорогими для нас, и мы произносим их с гордостью и уважением, когда речь идет о делах значительных, о явлениях важных, волнующих, требующих веских и звучных

формулировок. И не вина таких слов и понятий в том, что их слишком часто и совсем не к месту произносят кое-какие записные ораторы...

Иногда такие ораторы очень любят шумно распространяться, например, на тему о подвиге, не вникая, по существу, в смысл этого гордого и требовательного понятия.

Выполнит, скажем, завод план производства, то есть сделают честные люди то, что им полагается сделать за установленный срок, — вместо того чтобы сердечно поздравить хорошо, добросовестно выполнивших свой прямой долг тружеников, бюрократ-говорун называет их всех чуть ли не героями-подвижниками, кричит, что совершен подвиг.

Школьник увидел, что прохожий обронил кошелек с деньгами, поднял его и вернул владельцу — умиленный любитель неумеренно громких словес опять вопит о подвиге, вместо того чтобы простыми, человеческими словами сказать, что мальчик поступил, как должен был поступить всякий честный, порядочный, имеющий совесть школьник, не желающий вырасти ворюгой.

Нельзя, нельзя так снижать представление о подвиге!

Истинный подвиг-это не рядовое, обычное, повседневное выполнение того, что тебе полагается делать. Это нечто более славное и волнующее, чем нормальное следование простейшим и элементарным правилам, которые обязан выполнять каждый сознательный человек. Подвиг — это преодоление каких-то особых трудностей, а подчас и прямых опасностей. Это часто акт самопожертвования, результат героической решимости или сверхчеловеческого напряжения сил. Это дело, свидетельствующее о героических свойствах души, об истинном мужестве ее.

Да, вот Гагарин и его «небесные братья» и «сестра», первыми проникшие в дали космоса, совершили подлинный подвиг, ибо, как ни великолепна могучая техника, которой их оснастила советская наука, все же риск первых проникновения в неизведанное всегда огромен.

Да, молодежь наша, не страшась трудностей и лишений, по призыву партии устремившаяся осваивать и заселять безлюдные просторы целины, возводить гигантские плотины и новые предприятия на Дальнем Востоке, показала, что такое настоящий массовый трудовой подвиг.

Да, проявляет подлинную самоотверженность человек, добровольно отказывающийся от удобного для него, привычного рабочего места и идущий, несмотря на снижение зарплаты, в отстающую бригаду, чтобы помочь ей.

И ученый, на себе пробуя еще неизведанное лекарство с риском для жизни, творит истинный подвиг.

И школьник-комсомолец, который, как недавно сообщили газеты, бросился спасать ребенка из-под колес поезда и сам погиб при этом, — вот он настоящий герой, то, что он совершил, великий подвиг!

Так будем беречь в своем сердце и своем сознании высокие представления об истинном человеческом подвиге!

Разве можно позволить бойкими и визгливыми подчас словесами обесценивать высокие, величественные и трепетные понятия?!

С. Я. Маршак хорошо сказал о том, как взыскательно мысль и чувство должны отбирать для своего выражения нужные слова:

«Слова расположены в нашем сознании не так, как в словарях или справочниках, — не порознь, не по алфавиту и не по грамматическим категориям. Они тесно связаны с многообразными нашими чувствами и ощущениями. Нам не придет на память гневное, острое, меткое слово, пока мы по-настоящему не разгневаемся. Мы не найдем горячих, нежных, ласковых слов, пока не проникнемся подлинной нежностью».

Эти верные строки еще раз напоминают о том, что режим слова органически связан с истинным состоянием дум и чувств человека. Речь идет, так сказать, о гигиене слова. Выполнение требований ее необходимо для сохранения морального здоровья человека и общества. И прав К. И. Чуковский, который в своей известной книге «Живой как жизнь»,

говоря о зловредности казенных слов, шаблонов и бюрократической фразеологии, называет их аморальными.

«Какой удобной ширмой для злостных очковтирателей служила штампованная, казенная речь с ее застывшими, казенными формулами...».

Да, был период в нашей жизни, когда неумеренно и торжественно, при всех подходящих и в самых неподходящих случаях, в любой публичной речи непременно славил одного человека... Тогда и пошли везде в ход всевозможные словесные, риторические излишества. А подобные нагромождения слов без нужды и повода не украшают, не проясняют, не расширяют горизонты истинной мысли, а лишь заслоняют их и темнят.

Вкусу серьезного и культурного человека одинаково претят как словечки с ухарски жаргонным присвистом, так и велеречивые фразы, где истинный смысл гложет в анфиладе гулких, но пустых, холодных словес. Ведь не станет же он, объясняясь сегодня в любви девушке, говорить: «Вы лучезарная владычица моего пышащего страстью, с магнетической силой влекомого к вам сердца...»

Или: «Разрешите проинформировать вас, что весь истекший период я прожил в состоянии страстного любовного подъема и исключительного энтузиазма личных чувств, выразившихся в неуклонном стремлении по вашему адресу...»

Нет, не будет он говорить ни так, ни эдак, если только уважает свое чувство, если какой-нибудь бюрократический слон не наступил ему своей казенной печатью на ухо...

Так почему же, говоря на так называемые общественные темы, кое-кто позволяет себе громыхать и бряцать пышными словесами, обидными для чувств и сознания слушателей. Иные оправдывают — трибуна, мол, как горячий конь, понесет тебя, куда ты и сам не гадал.

Что же, нам надо вовремя осаживать таких самоупоенных всадников, слишком уж готовых всегда оседлать трибуну: «С чужого коня и среди грязи долой!»

Нельзя позволить, чтобы забрызгивали слюной казенного умиления или заляпывали смачными площадными словечками то, что нам дороже всего на свете!

Сегодня горизонты нашей жизни очищаются от всего громоздкого, фальшивого, закрывавшего от нас большие заветные дали. Многим важнейшим понятиям возвращен их первоначальный, единственно верный смысл. С новой, реальной и горячей силой прозвучали в Программе партии такие слова, как мир, труд, свобода, равенство, братство, счастье.

Но это — слова-знамена. Их не выносят по любому поводу. С ними не отправляются на базар или на семейную прогулку. С такими словами идут на большой труд или на истинный подвиг. Знамя обычно стоит в почетном углу.

Самые дорогие слова и понятия живут в заветных уголках нашего сердца. Ленинградский поэт Вадим Шефнер хорошо сказал об этих словах:

Повторять их не смею на каждом шагу, — Как знамена в чехле, их в душе берегу.

Надо беречь такие слова! Нельзя превращать дорогие для нас понятия в ходовые словеса, как нельзя допустить, чтобы молодую душу поганили циничные и развязные словечки. Борясь со злоупотреблениями пышными словесами, наносящими такой урон нашему общественно-разговорному обиходу надо противопоставлять им не жаргон, не разнузданны бульварные манеры речи, а язык живой, полногласный, звучащий в гармонии с делами, думами, ощущениями к чувствами, которые дано ему выразить.

Не забывайте, что стиль речи человека всегда почти отражает его вкусы.

С малых лет

Можно ли воспитать вкус? Не только можно, но и необходимо! Мы просто обязаны делать это. И в нашей стране для этого есть все возможности. Ведь у нас все ценности культуры, искусства, литературы полностью отданы в распоряжение народа.

Во время путешествий за границу мне приходилось не раз прогуливаться по улицам европейских городов в сопровождении добровольных гидов-мальчишек, с которыми мы случайно познакомились. О, это были истинные патриоты и внастоки своих городов. Они

охотно и с гордостью вели нас к знаменитым музеям, дворцам, памятникам, театрам.

Особенно тронули меня венецианские мальчишки. Каждый из них, едва узнав, что мы из Москвы, бросался проводить нас в любой конец своего волшебного, почти неправдоподобного по красоте города.

— Театр Гольдони!.. — торжественно возвещали наши маленькие гиды, подводя нас к знаменитому зданию.

— Музей стекла Мурано!..

— Дворец дожей!..

Как потом оказывалось, ребята сами ни разу в жизни не были ни в театре Гольдони, ни в музее Мурано.

А найдется ли в Москве школьник, который ни разу не бывал один или вместе с классом хотя бы уж в одном из наших столичных театров, в Третьяковской галерее, в Музее Ленина?

Все сокровища нашего отечественного искусства, драгоценнейшие произведения великих мастеров мира, находящиеся в наших музеях, доступны для каждого школьника, для всякого молодого рабочего, студента. Можно ли, обладая такими несметными культурными богатствами, имея их в полном своем распоряжении, мириться с бескультурьем, с безвкусицей?

Мало кто рождается с безошибочным вкусом. Это такой же редкий дар, как, например, абсолютный слух. Но разве только люди, наделенные абсолютным слухом, способны воспринимать музыку?

Здесь многое решают воспитание, общая культура человека. А воспитание начинается с малых лет.

Мне часто вспоминается одна сценка, случайным свидетелем которой я был... Произошло это в подмосковной дачной местности. С террасы уютного домика сбежал мальчик лет шести, одетый в модный кургузенький пиджачок явно импортного происхождения, в очень короткие штанишки-шортикй, клетчатые чулки, с галстучком, завязанным бабочкой. На моих глазах, но, по-видимому, не замечая меня, так как я стоял за большим деревом, маленький франтик воровато огляделся и вдруг кинулся плашмя на проезжую дорогу и, несколько раз кувыркнувшись, стал кататься по пыли, с какой-то злой тщательностью вываливаясь в ней. Изрядно вымазавшись и загрязнившись, он как ни в чем не бывало встал и деловито направился к террасе.

Вид у него был злой и упрямый.

На террасе показалась полная, хорошо одетая женщина.

Увидев перепачканного в пыли и утратившего свой щегольской вид мальчугана, она схватилась за голову...

— Дима! Опять? Ну что мне с тобой делать? Где ты так успел уже вывалиться? Минутки не прошло, только я тебя передела, а ты уже выглядишь каким-то пугалом огородным. Нет, ты посмотри на себя! Во что ты превратил такой хорошенький костюмчик! Не умеешь ты беречь красивые вещи...

— А я не люблю красивое! — закричал мальчуган. — Я тебе сто раз говорил, что не люблю красивое. Не хочу красивого! Не надо мне красивого! Все мальчишки надо мной смеются, из-за этого твоего красивого смеются. Не хочу красивого!

Давно не видел я такого яростного гонителя красоты.

Мне захотелось подождать, чем кончится вся эта история.

Между тем мать схватила за руку недавнего франта, уволокла его в дом. Через десять минут он вышел оттуда с еще влажными от недавнего умывания щеками, чистенький, в простых удобных штанишках, легкой курточке, осмотрел себя внимательно и, довольный, зашагал по дороге.

И тут я понял, что передо мной был не маленький злобный упрямец, сопротивляющийся всему доброму и прекрасному, а нормальный здоровый мальчишка, которому до смерти надоели чрезмерные заботы мамыши о том, чтобы он был всех наряднее.

У него, должно быть, были собственные, соответствующие его мальчишеским воззрениям представления о том, что такое красота и как должен выглядеть юный гражданин его возраста. И, вероятно, его бунт против красоты, выраженный столь бурно, явился завершением длительной борьбы с матерью и следствием постоянных дразнилок, которыми досаждали ему сверстники.

Мне припоминается этот случай всегда, когда я сам размышляю о том, как следует воспитывать в ребятах чувство прекрасного, или веду на эту тему беседы с матерями.

Ребята тоже с самых малых лет тянутся к тому, что им кажется красивым, ярким, манящим своей формой или цветом. Недаром мы уделяем такое серьезное внимание окраске и фактуре тех игрушек, шариков, колец, кубиков, которые первыми попадают в руки совсем еще маленьких детей. Мы стремимся, чтобы эти примитивные игрушки были приятны на ощупь, радостны для глаза ребенка.

Такая игрушка должна быть праздником для осязания и зрения. В сущности, эти гладкие, сверкающие, яркие безделушки и есть первые предметы из мира прекрасного, попадающие в сферу внимания ребенка.

Я не берусь тут проследить подробно дальнейших!» процесс освоения детьми элементов красоты, с которыми они встречаются в жизни. Это большая и специальная тема, требующая специального разговора. Сейчас я хочу ограничиться лишь отдельными примерами и выводами, которые, может быть, пригодятся матерям, озабоченным тем, чтобы их дети, вступая в сознательный возраст, приобрели правильное представление об истинно прекрасном и не попадались бы легко на приманку пошленькой красоты. Вопрос этот важный. Среди многих задач, которые ставит перед собой каждый воспитатель, желающий вырастить своих питомцев людьми с высоким чувством человеческого достоинства, уверенно ощущающими свое место в обществе, знающими свое дело в жизни, умеющими связывать свою личную судьбу с судьбами и интересами коллектива, — среди многих этих проблем стоит и немаловажная задача: привить подрастающему человеку верное чувство прекрасного, правильное понимание красоты.

Ребята приглядываются ко всему, что их окружает, гораздо внимательнее, чем это предполагают многие взрослые. Их пугает и отталкивает все уродливое, безобразное.

Зато как они радуются и цветам, и алмазному блеску снега, и новому красивому платью матери. «Ой, какая ты красивая сегодня», — обязательно заметит ребенок, увидев мать в новом праздничном платье.

Но почти у всех ребят развито настороженное отношение ко всему тому, что нескромно, крикливо выпирает, искусственно привлекая к себе внимание. Ребенок верит, что за прекрасной внешностью всегда живет красивая сущность.

Недаром и во всех хороших сказках действуют статные молодцы и прекрасные лицом, ясноглазые красавицы. Красота и добро сливаются воедино. И дети хотят, чтобы и в окружающей их жизни этическая сторона всех явлений, с которыми они сталкиваются, отвечала бы эстетической.

В этом сказывается стремление ребенка к гармоническому совершенству жизни.

Но сколько раз мне приходилось наблюдать, как терзается гордый мальчишка или скрывает свое смущение застенчивая девчурка, замечая, что мать вырядилась чересчур уж пышно, вызывая иронические взгляды окружающих, да еще нарумянилась и перепудрилась сверх меры.

Знаю я также случай, когда тихий и серьезный мальчик вдруг почему-то отказался пойти с матерью, которую он очень любил, в гости. Он плакал, отбивался и отказывался объяснить, почему он не хочет идти на интересную вечеринку, где его ждали и люди для него дорогие и всякие соблазнительные угощения. Только на другой день, доверившись мне, он признался, что ему было стыдно идти с матерью, которая надела платье со слишком большим декольте. «Это некрасиво... это стыдно», — говорил мне взволнованный мальчик. Да, платье, вид которого не соответствовал его строгим и чистым представлениям о матери, казалось ему уже и некрасивым.

И мне думается, что надо очень бережно охранять это живущее в детях представление о красоте как о выражении чистых, светлых, добрых начал человека. Придет пора — и ребенок постепенно станет понимать, что внешность — это еще не обязательно точное отражение внутреннего мира человека. С глубоким волнением прочтет он бессмертную сказку Аксакова «Аленький цветочек», где верность данному слову и чистота девичьей любви позволяют внутренней красоте торжествовать над внешним уродством и превратить ужасное Чудище в прекрасного юношу.

— Знаешь, мама, все-таки очень хочется быть хорошенькой, — говорила недавно десятилетняя школьница своей матери, одной моей хорошей знакомой. Девочка эта выглядит вполне миловидной, но ей не раз приходилось слышать от не очень тактичных взрослых, что некоторые подруги красивее ее. И хорошо, что у матери, женщины очень культурной, нашлись верные слова, чтобы объяснить дочке, какова истинная красота человека. На многих примерах, взятых из жизни, из среды, хорошо известной девочке, мать показала, что быть лишь внешне красивым — это еще недостаточно для того, чтобы стать счастливым. И напомнила о многих людях, которые, не отличаясь особой красотой. Завоевали всеобщее уважение, признание друзей и живут радостной и большой жизнью.

В то же время надо приучать ребят с малых лет заботиться о том, чтобы они были аккуратны, следили за своим костюмом, за вещами, которыми пользуются. Прививая хорошие манеры, то есть умение держаться скромно, без всякой развязности, но и без излишней скованности, надо всегда пояснять ребятам, почему такое поведение человека правильно считают хорошим, красивым, а дурные, грубые кактеры люди осуждают как безобразные. И если ребята поймут, в чем пересосноза красоты человеческого поведения в быту, хорошие манеры, стремление к красоте, знаниям постепенно войдут в привычку и нарушение «х будет уже им самим казаться уродливым.

С самых ранних лет надо помогать ребенку постигать прекрасное. Сперва красивая игрушка, милая песенка, первый легкий стишок под красивой картинкой, а потом уже книги посерьезнее, посложнее. И убранство комнаты, и платице для куклы, и хорошая музыка, к которой следует ребенку прислушаться, когда ее передают по радио, и стихи с раздумчивым разговором о них, и зеленое раздолье полей, манящее вдаль во время летней прогулки, и хороший спектакль в детском театре, и разделенное с ребенком волнение, которое вызвал интересный фильм...

Книга давно уже стала одним из самых деятельных помощников семьи по воспитанию эстетического вкуса у младшего поколения. У нас в стране книга прочно входит в дом, где растут дети. Хорошая книга становится первым и верным другом детства миллионов ребят. Можно с уверенностью сказать, что нет на просторах нашей родины такого дома, где, если в нем растет хотя бы один ребенок, не нашлось бы детской книжки. Астрономическими тиражами изданы у нас произведения любимых детских писателей, таких, как Маршак, Гайдар, Чуковский, Михалков, Барто, Носов и другие.

Государственной заботой окружено у нас дело издания книг для детей. Если и сейчас еще во многих капиталистических странах детская книжка является чем-то вроде ходового ширпотреба, выпускаемого обычно без всякого учета воспитательной и эстетической ценности его, то у нас с первых же лет социалистической революции литература для детей стала предметом подлинного искусства, частью общей большой литературы. К детской книге у нас привыкли применять все те эстетические критерии, все те требования, которым должно, по нашим представлениям, вообще отвечать каждое литературное произведение, вне зависимости от возраста его читателей. Конечно, существуют еще и специальные возрастные требования, мимо которых не имеет права проходить писатель. Но никому у нас в литературе не дано право ради так называемой «доходчивости» книги, адресуя ее детям, нарушать высокие эстетические принципы, которым служит все наше искусство.

Могут, естественно, и у нас появляться книжки скучноватые, недостаточно талантливо написанные, вялые по своему сюжету, трудно воспринимаемые ребенком. Что греха таить, всякое бывает... Но все же даже самое неудачное и случайно проскочившее на книжный

прилавок произведение, выпущенное каким-нибудь нашим советским издательством, в худшем случае будет просто неинтересно ребятам. Во всяком случае, книга не будет вносить в нашу семью веяние тех мещанских вкусов, пошлейших, обывательских представлений, которыми были когда-то проникнуты литературные поделки бесталанных ремесленников, безнаказанно калечивших детский вкус своими безобразно-алеповатыми, инфантильно-нелепыми изданиями. Между тем мне приходится еще сталкиваться с тем, как многие добрые тетушки, бабушки да и матери читают нашим малышам эти чудовищно бездарные книжки, каким-то образом уцелевшие с незапамятных времен.

Не говоря уже о том, что содержание этих, с позволения сказать, книжек ничему доброму обычно не может научить наших ребят, с точки зрения эстетической такие допотопные издания, купленные когда-то по дешевке на одном прилавке со слюнявками и распашонками и сосками-пустышками, прививают с малых лет детям самые искаженные понятия о том, что красиво и что безобразно.

Литература сегодня сама, не ожидая специального приглашения и выбора, входит в семью... Ее несут радио и телевидение. Если то, что показывает экран телевизора, еще ограничивается каким-то образом суровым предупреждением: «Детям до шестнадцати лет не рекомендуется», то уж радио в семье слушают обычно все от мала до велика...

Как важно тут маленькому слушателю или зрителю услышать доброе, своевременное и умное пояснение взрослых, которые могли бы сосредоточить внимание ребенка на самом важном, наиболее поэтичном и поучительном в радиопередаче или телеспектакле.

К сожалению, большей частью взрослые относятся к присутствию детей у радиоприемников или телевизоров только лишь как «к атмосферным помехам». А потом и вовсе перестают считаться с тем, что ребята слышат не только реплики действующих лиц радиопередачи или кинофильма, передающегося по телевидению, но и часто совсем неуместные, очень дурно воспринимаемые детьми реплики взрослых членов семьи или их взрослых гостей.

Жаль очень, что ребятам нашим дают смотреть в семье по телевидению инсценировки, фильмы, телеспектакли, сделанные по тем произведениям классической литературы, с которыми юные зрители еще не познакомились в подлинниках. Как правило, подобные инсценировки и фильмы дают содержание многих великих творений русской и мировой литературы в чрезвычайно сжатом или просто даже урезанном виде. Многие красоты и нюансы прославленных произведений оказываются за пределами таких инсценировок и кинокартин. Когда смотрит их человек взрослый, уже читавший книги, по которым поставлен фильм или телеспектакль, он своим знанием и воображением дополняет то, что видит на экране. А юные зрители и слушатели получают представление о великом произведении искаженное, обедненное. И потом нелегко заставить их прочесть полностью книгу, по которой они уже видели фильм...

Чтобы привить ребятам верный эстетический вкус, надо умело руководить их чтением. Ведь часто и в школе ребята «проходят» многие замечательные творения литературы, именно «проходят», а не читают их, не увлекаются ими.

Они заучивают схемы содержания, бойко распределяя персонажи по различным нравственным, социальным и историческим категориям. Но не всякий учитель умеет привить своим питомцам чувство восхищения изучаемой книгой, высокого эстетического наслаждения прочитанным. И вот очень полезно дома, когда вахот-гт в семье речь о том, что «задано по литературе», по-домашнему, по-семейному, но увлеченно поговорить с детьми о том или ином произведении искусства, о каком шла или будет идти речь на уроке в школе.

Частенько читательский вкус портится еще в детстве при попустительстве или прямом содействии взрослых. Не раз мне приходилось слышать от родителей, чрезмерно упоенных скороспелым развитием своих ребят: «-Ах, вы знаете, мой Женя (или моя Катя) уже давно не читает ничего детского. Купила на днях Пантелеева, Михалкова, Марка Твена — и слышать не желает. Представьте себе, подавай ему сейчас же Шпанова или Брянцева. Удивительно

быстро развиваются наши современные дети».

Нет! Я никак не хочу порочить книги Шпанова и Брянцева, Авдеенко и Ардаматского, Томана и Адамова — писателей, создавших немало интересных произведений в жанре, имеющем определенные добрые традиции и хорошее назначение. Тем более что тяга к остросюжетным, приключенческим повестям совершенно естественна у детей. Но думаю все-таки, что куда полезнее Жене или той же Кате прочесть сначала простые, ясные, поэтические рассказы Пантелеева, веселые, звонкие стихи Михалкова, полные юмора и гуманных мыслей произведения Твена, затем познакомиться с увлекательными книгами Жюль Верна, Майна Рида, Фенимора Купера, Герберта Уэллса. А уж потом, с годами, когда вовремя прочитанные самые лучшие книги определяют точный вкус, настроят на верное, мудрое и проникновенное ощущение жизни, взяться в свободный часок и за «детективно-приключенческие» произведения.

Любят некоторые папы с мамами похвастаться тем, что их восьми-десятилетние ребята будто бы уже зачитываются Бальзаком, Толстым, Флобером... А такое преждевременное чтение серьезнейших книг великих писателей ничего хорошего не дает. Детям лестно, что они читают уже «взрослые» книги. И они с некоторым тщеславием видят, что это импонирует старшим. Но разве в состоянии ребята по-настоящему глубоко, вдумчиво постичь истинное величие и поэтическую мудрость таких книг? Вот и выносят эти скороспелые читатели из детства своего ложные представления о лучших творениях литературы как о произведениях скучноватых, трудночитаемых, не совсем понятных... И это надолго отбивает вкус к серьезному чтению.

Хорошо, когда человек с малых лет слышит в своей семье серьезные разговоры о прочитанных книгах, о просмотренных спектаклях и кинофильмах, о музыке, о живописи. Надо втягивать ребят в такие разговоры, заинтересовывать их теми или иными произведениями искусства, если дети еще не ознакомились с ними, а если уже ознакомились, то давать возможность им высказать свои суждения. Радости от встречи с истинно прекрасным в жизни, в книге, в искусстве должны превращаться постепенно в подлинно семейную радость. Надо прививать ребятам такой интерес, такое внимание ко всему, что несет печать истиной красоты, и при этом сохранять дома такую взаимооткровенность в разговорах на темы о прекрасном, чтобы у детей выработалась привычка делиться со старшими своими эмоциями, своим восприятием произведений искусства. Это поможет не только воспитывать у ребят правильный вкус, но и приучит постепенно дегей жить одними интересами со старшими, делиться с ними всеми своими радостями и огорчениями.

Не следует только чрезмерно поощрять и докучливо опекать те, порой мало осмысленные, увлечений, которые возникают почти у всех детей, особенно у впечатлительных, от соприкосновения с различными видами искусства.

Если ребенок хочет рисовать, надо, конечно, всячески поддержать его стремление, постараться добыть ему цветные карандаши, краски и, если стремление к изобразительному искусству будет крепнуть, дать возможность расширить представление о нем. Можно приобрести недорогие репродукции с хороших картин, сходить вместе в музей, картинную галерею, достать популярные книжки о больших художниках. Не надо препятствовать занятиям ребят в кружках — драматическом или музыкальном, — если у детей рождается такая потребность. Но как часто сбивают ребят с нормального и правильного пути те мамы, которые в присутствии самих ребят начинают безмерно восторгаться малейшими проявлениями той или иной способности в детях.

— Ах, вы не можете представить, как моя Наденька дивно выступала на школьном вечере. Она имела огромный успех. Все находят у нее огромные способности. Я думаю, что ее прямая дорога — на сцену...

И вот бедная Наденька, веря своей восторженной мамаше, уже видит себя в будущем актрисой, считает, что она уже чем-то особенным выделяется из среды подруг... Пока на первом же приемном экзамене в театральную студию не выясняется, что никаких данных для того, чтобы посвятить свою жизнь театру, у нее нет...

И долгие годы еще будет в душе Наденьки жить эта обида, и, если она не справится с недобрыми чувствами, порождаемыми неудачей, на всю жизнь сохранится у нее глухая неприязнь к искусству...

У нас в стране перед подрастающим поколением открыты самые широкие возможности для выявления и развития природных способностей, для формирования художественного вкуса. В домах пионеров, в школах, в летних лагерях постоянно действуют отлично слаженные коллективы детской художественной самодеятельности, работают студии юных художников, создаются ребячьи хоры и оркестры, устраиваются самодеятельные спектакли. Там, где работа поставлена правильно, где руководители вдумчиво помогают ребятам почувствовать радость от соприкосновения с искусством, ребята начинают понимать, что такое истинная красота в жизни и в художественном произведении.

Но надо, чтобы и дома, в семье, ребята видели, что старшие тянутся к хорошей книге, музыке, театру; дети должны постоянно чувствовать, что окружающие их взрослые живут широким кругом жизненных интересов, что у них в доме относятся нетерпимо ко всякому проявлению мещанства, грубости, моральной нечистоплотности. Надо, чтобы пошлая мишура старого, мещанского быта, обывательское стремление чем-то перещегоолять соседей не коснулись юной души, всегда стремящейся к прекрасному.

В стране, где победил социализм и уже встают за недалекими горизонтами времени ясно различимые контуры коммунизма, дети, подростки видят в самой жизни волнующие примеры гармонического слияния труда и творчества, мечты и реальности, силы и красоты, высоконравственного и прекрасного.

Пусть же в нашей семье, в нашей советской школе, в домах пионеров и во дворцах культуры с малых лет учат правильно постигать прекрасное, верно чувствовать красоту — это всем будет нужно в жизни, чтобы почувствовать себя совершенно счастливыми...

Вкус формируется, выправляется, крепнет и развивается с годами. Только очень легкомысленные молодые люди полагают, что личный вкус можно выработать у зеркала или при разглядывании журналов мод. Для того чтобы воспитать в себе и в других верный вкус, нужны известные усилия, этим надо заниматься. Хороший вкус, как и всякая культура, сам по себе не приходит. Я частенько слышал от юношей и девушек: «Ну что делать, если я не понимаю серьезной музыки? Придешь на концерт, начинает оркестр пилить, а ты чувствуешь вот-вот носом клюнешь!..»

Далеко не всякий способен сразу полюбить серьезную музыку. Понимание ее приходит постепенно. И начинать надо с наиболее доходчивой. Не всегда правильно подходят еще к такому тонкому делу, как развитие музыкального вкуса у детей. Поведут, например, школьников младших классов слушать органнй концерт Баха или симфонию Прокофьева. Конечно, неразвитому слуху, неподготовленному воспринимать такие сложные произведения трудно.

Лучше, как мне кажется, начинать с наиболее популярных произведений русской и зарубежной классики. А затем уже могучая власть музыки сама подчинит себе каждого, кто доверился ей. И вскоре уже возникнет прочная, неодолимая потребность хотя бы время от времени слушать большую музыку, наслаждаться гармоничностью и изяществом Моцарта, титаническим величием Бетховена, трепетной человечностью Чайковского, глубочайшей народной мудростью и мощным трагизмом Мусоргского, своеобразной грациозностью логики Прокофьева.

Но обо всем этом надо говорить с молодежью, говорить, начиная со школьной скамьи. В классе, например, достаточно много толкуют о социальном звучании того или иного произведения литературы, но очень мало раскрывают красоту творений художника слова и уж совсем недостаточно знакомят школьников с произведениями живописи, музыки, с деятельностью театров, чтобы подготовить молодежь к восприятию прекрасного.

В школах и в институтах, в беседах с рабочей молодежью очень мало говорится о специфике, о природе тот или иного рода искусства. Мы почти не объясняем молодежи, чем отличается драма от оперы, сводя все дело лишь к тому, что в драме говорят, а в опере поют,

не разъясняя при этом существа музыкального языка; не раскрываем особенностей балетного спектакля, а говоря, скажем, о картине художника, сводим все нередко лишь к сюжету произведения, малоувлекательно рассказывая о художественных достоинствах, об использованных живописных средствах.

Учить молодежь понимать прекрасное — это прежде всего помогать ей расширять свои представления о мире, учить ее распознавать прекрасное и красивое, что она сама, по незрелости чувств и мыслей, иногда еще и не заметит или не сумеет оценить. Учить постижению прекрасного — это значит раскрывать перед молодыми глазами, перед юным сердцем величие и красоту мудрых и исполненных пламенного чувства книг, волнующий смысл и пленительные краски картин лучших художников, сладостные и волнующие тайны, кроющиеся в созвучиях большой музыки.

Все это, естественно, требует известных усилий, определенного времени.

Приходится слышать от наших учителей огорчительные признания в том, что питомцы их не всегда вчитываются по-серьезному в творения писателей-классиков, частенько предпочитают большой, глубокой музыке легковесные мелодийки, что у многих подростков разухабистые манеры, небрежная, нарочито ухарская речь... И жалуются воспитатели, что у них в распоряжении мало сил и средств для борьбы с подобными явлениями.

Воспитание верного художественного вкуса у подростков может начаться со школьного урока, в первую очередь с урока литературы. Если учитель умеет раскрыть перед ребятами захватывающую красоту, которая живет в великих творениях классической литературы, — это уже будет серьезным шагом в формировании эстетического чувства.

Но, разумеется, этого мало, это лишь первый шаг на пути к постижению прекрасного. Ребята остро чувствуют современность, у них велика тяга к искусству сегодняшнего дня, и воспитатель не может уклоняться от бесед и споров об искусстве наших дней.

Наша молодежь, наши ребята очень остро воспринимают многие проблемы искусства и литературы. Они обычно в курсе тех споров и событий, которыми живут наша музыка и литература, наш театр или кинематограф. Да и сами школьники не прочь поспорить на все эти темы. Но, к сожалению, споры эти уходят куда-то в школьные коридоры во время перемен между уроками или ведутся случайно по пути домой после занятий. А как важно было бы горячо, в открытую повести такой разговор на комсомольском собрании, на большом литературном вечере в школе, куда были бы приглашены и представители литературы, искусства и просто взрослые любители прекрасного.

Но, скажем откровенно, наши школьные комсомольские организации проявляют тут известную робость: как бы чего не вышло, найдутся еще такие, что наговорят несусветное, а потом попробуй переспорь их... Разумеется, воспитание верного художественного вкуса во всех областях жизни и искусства, развитие правильного эстетического чувства — это дело серьезное. Полагаться здесь на «авось», на случайную удачу нельзя. Не следует бояться споров, но готовиться к ним надо серьезно. И тогда самому горластому и развязному «загибале» не удастся склонить на свою сторону школьную аудиторию, которая может быть падкой и на острое словцо, но в общем-то всегда хорошо чувствует, где истинная правда, а где дешевая болтовня.

Вот почему нам нужно проникновенно и вдумчиво, терпеливо и систематически воспитывать в подрастающем поколении неистребимую потребность в общении с миром прекрасного.

Одна из школ прекрасного

Подлинной школой прекрасного могут и должны стать наши профсоюзные клубы, дома и дворцы культуры. Но не всегда, к сожалению, они оправдывают это свое назначение.

Пусть на меня не сердятся те, кому я, возможно, наступаю на любимую мозоль, но начну я тут с самого обидного...

Несколько лет назад я выступал в одном из подмосковных клубов с лекцией о

воспитании хорошего вкуса. Едва я кончил, на эстраду посыпались со всех концов зала записки.

Спрашивали о многом: Что такое бульварная литература? Как воспитать любовь к серьезной музыке, как научиться понимать ее? В чем проявляется мещанский вкус?

Я пытался коротко, в развитие тех мыслей, которыми руководствовался во время лекции, отвечать на все записки.

Но вот, развернув одну из них, я прочел:

«Дорогой товарищ писатель! Вы очень хорошо говорили о том, как вреден плохой вкус и к чему он ведет. Но не совестно ли вам самому говорить о борьбе за хороший вкус в этом зале? Вы хотя бы огляделись сначала! Можете попросить включить свет, чтобы рассмотреть всю „красоту“.

Я, признаться, был несколько озадачен. Но по неосторожности уже прочел записку вслух. И какой хохот, какие веселые аплодисменты были откликом зала!..

И тут я решил последовать совету автора этой колючей записки и действительно огляделся вокруг. Бог ты мой!

С какой нескромной претензией на крикливую роскошь, с каким разудалым, но дешевым великолепием были оформлены и эстрада, на которой я только что читал свою лекцию о хорошем вкусе, и зал!.. Какие-то жирные и витиеватые разводы были намалеваны на стенах и потолке зрительного зала. Совершенно не вязавшиеся с этой пестрой росписью тяжелые портьеры из тисненого бархата и толстенные ламбрекены, имевшие уже другой, самостоятельный цвет, одинаково враждовавший как со стенами, так и с портьерами, теснили своими складками входы в зал.

Огромная люстра, составлявшая, очевидно, предмет гордости клубных хозяйственников, странным образом сочетала целые гроздья обнаженных электролампочек, напоминавших виноградную кисть, с какими-то подстаканниками, из которых торчали лампочки-миньон, очевидно, предназначенные для электрических свечей. А в простенках между входными дверьми были укреплены вместо бра странные лампы, которым, может быть, и нашлось бы подходящее место на перроне большого вокзала, но никак не в зрительном зале небольшого рабочего клуба. Ко всему еще, когда я, вняв совету автора записки, попросил включить свет в зале, обнаружились в желтых, очевидно, пытавшихся выглядеть золочеными, толстых, как туловище удава, рамах, с позволения сказать, картины — разухабистые копии васнецовских «Богатырей» и шишкинских «Сосен». Эти шедевры ремесленной, равнодушной подделки были развешаны на расписных стенах зала.

Что же мне оставалось делать?..

Пришлось честно признаться, что я в своих горячих требованиях соблюдать во всем добрый вкус выглядел, должно быть, очень смешным и нелепым на фоне всего этого базарно-мещанского великолепия. Я видел, что за моей спиной, за столом президиума, где сидели руководители клуба, началось что-то напоминавшее панику в бане, где начался пожар... Но настроение у меня было не такое, чтобы спасти тех, кто насаждал это «великолепие». Напротив, мне, признаться, очень хотелось пригвоздить их к «позорному столбу», да покрепче.

Уж где-где, а в клубе, рабочем, колхозном, вузовском, безвкусица нетерпима. Говорят: «не красна изба углами, а красна пирогами». Но самая прекрасная духовная пища придется не по вкусу, если там, где ею угощают, что ни угол, то безобразие.

Я предвижу, что мне возразят: «Не везде достанешь сразу хорошее оформление, изящную мебель, приятные для глаз драпри, добротные картины, чтобы оформить клубные помещения, и не всегда достаточно для этого средств. Что же, прикажете вообще ничем не обставлять клуб?»

Я уже не раз слышал эти ставшие привычными отговорки. Пошлость, мол, возникает «от бедности». От какой бедности, достопочтенные товарищи-украшатели?! Чаще всего — от бедности ума, от скудности культурной, от нищеты эстетических представлений. Конечно, посетителю хочется увидеть клуб, в который он пришел, уютным, располагающим

к тому, чтобы удобно и приятно провести в нем время. Но, честное же слово, уверяю вас, никто не будет особенно гневаться, если хорошую кинокартину, интересную лекцию, толково организованный концерт он будет воспринимать в помещении, не претендующем на салонный шик, однако умно оборудованном, оставляющем общее впечатление чистоты, разумной простоты и строгого, непритязательного изящества.

Погоня за броской роскошью была характерна для многих клубных деятелей периода культа личности. Они считали, что клубы, дома культуры должны прежде всего поражать посетителей своим внешним «великолепием», убеждать его в том, что мы живем очень богато и красиво.

Давно уже осуждены эти жалкие потуги на «шик», на всякие купеческие излишества.

Всем известно знаменитое высказывание К. С. Станиславского, утверждавшего, что театр начинается с вешалки.

То есть благотворное, воспитательное влияние театра, его культурно-эстетическое воздействие зритель должен ощущать уже с того момента, как он переступил порог театрального здания. Чистота, радушный уют, внимательное обслуживание, вежливость в гардеробе, заботливая отзывчивость всего персонала, начиная от билетерши, предлагающей вам программку, и кончая официанткой в буфете, — все это должно создавать особую атмосферу, напоминать о подлинном внутреннем духе учреждения, куда люди приходят, чтобы встретиться с прекрасным в искусстве.

Так и в доме культуры и в любом нашем клубе, от большого рабочего дворца до маленького красного уголка при ЖЭКе, воспитание начинается с порога. И, значит, огромную роль играет здесь сама обстановка, убранство в помещении, предметное оформление его. Надо гнаться не за пустопорожней и фальшивой роскошью, а за культурным уютом, пусть скромным, но подлинным удобством, за красотой, не бьющей в глаза, за всем, что действительно радует глаз, а не насилует внимание давно всем примелькавшимся и надоевшим шаблоном, дурным стандартом, говорящим, как правило, о равнодушии строителей, об отсутствии у них живой заинтересованности в деле.

Однако, разумеется, сама по себе одна обстановка ничего еще не решает. Всякому понятно, что воспитание чувства прекрасного может обеспечить лишь внутреннее содержание культурно-просветительной массовой работы. И так как мне приходится часто бывать во всевозможных клубах, дворцах и домах культуры, я позволю себе подсказать коекакие формы работы по воспитанию хорошего вкуса, хотя, возможно, ничего особенно нового не предложу.

Вот, например, один из первых вопросов, обычно задаваемых аудиторией в беседах об эстетическом воспитании, — вопрос о музыке. Слушатели, молодые и пожилые, чувствуют, что умение воспринимать большую, серьезную музыку, наслаждаться и радоваться ею свидетельствует о развитом вкусе. Но многие чистосердечно признаются, что серьезная, скажем, симфоническая музыка кажется им скучноватой, не совсем понятной.

Как важно вовремя и увлекательно раскрыть перед клубной аудиторией красоту и волнующий смысл драгоценных сокровищ русской и мировой музыкальной культуры, стоит пригласить человека, искренне любящего музыку, увлекающегося ею, знающего суть, содержание, самый сокровенный дух того или иного музыкального произведения, и пусть он, скажем, проведет цикл музыкальных вечеров, где его интересные рассказы будут как бы положены тотчас же на музыку, исполняемую хотя бы в фортепьянном переложении, если нет возможности дать послушать в клубе партитуру в оркестровом исполнении. А можно для этого использовать с успехом грамзапись.

Как важно мобилизовать интересы, внимание и эстетические требования посетителей клуба, проведя, например, обсуждение интересного кинофильма после его просмотра.

Клубная библиотека может повести большой и всех волнующий разговор о воспитании художественного вкуса через книгу. Ведь читательский вкус, в конце концов, определяет вкус общества. Однако речь должна идти не только о познавательной стороне литературного произведения, но и о его эстетической ценности, то есть о художественной стороне книги.

Это очень важно, так как у нас часто общественный разговор о том или ином литературном произведении исчерпывается главным образом примитивным сличением всевозможных жизненных фактов с поступками литературных героев и событиями, описанными в книге.

А ведь дело в том, как выражена художественная правда, доставляют ли эстетическое наслаждение, волнуют ли воображение читателя образы, созданные писателем на материале, наблюденном в жизни.

Как я мог убедиться, выступая уже в течение многих лет на вечерах, диспутах, посвященных защите доброго вкуса, борьбе с пошлостью, стало уже привычным заканчивать подобные вечера «показом мод». Дело это хорошее, если действительно моды, которые демонстрирует приглашенное ателье, отвечают требованиям хорошего вкуса.

Но нельзя ограничивать разговор о внедрении черт высокого, благородного вкуса в наш быт одной лишь демонстрацией красивых фасонов платья. А разве не стоит и на таком вечере послушать хорошую, доходчивую музыку, волнующие стихи наших поэтов, организовать выставку художников. Вопросы воспитания вкуса надо решать в едином комплексе, раскрывая сущность прекрасного и в искусстве, и в быту, и в поведении человека, и в его речи.

Я не берусь здесь, конечно, перечислить все те формы клубной работы, которые могли бы быть использованы для развития и воспитания чувства красоты, верного эстетического вкуса, нужных запросов в этой области. Мне только хотелось напомнить, что там, где ведется работа с огоньком, со вкусом, с увлекательной выдумкой и зоркой пытливым, сам клуб превращается в подлинную школу прекрасного. Так пусть же все двери клуба будут раскрыты настежь перед прекрасным в любых его проявлениях. А уродство, пошлость, прикрашенную скуку — все это ни на порог!

Самодеятельность и самовоспитание

Верным подспорьем в деле воспитания вкусов может стать наша народная художественная самодеятельность.

Как известно, активными, искренне увлеченными участниками ее кружков и коллективов у нас давно уже сделались сотни тысяч производственников, колхозников, служащих, инженерно-технических работников, воинов Советской Армии. Повсеместно созданы и успешно работают самодеятельные хоры и оркестры, ансамбли народного танца, народные театры, организуются выставки работ самодеятельных студий изобразительного искусства при рабочих клубах и дворцах культуры, действуют литературные объединения на предприятиях. Люди, работающие в областях, как будто далеких от искусства, имеют, таким образом, возможность утолить жажду непосредственного общения с ним, проявить свои собственные способности, а порой обнаружить в себе истинный талант и новое призвание.

Но при этом надо всем помнить, что в художественной самодеятельности есть, так сказать, две стороны, два направления, воздействующие на формирование художественных вкусов нашего общества. Первая сторона обращена к самим участникам самодеятельности. Человек получает возможность сам напрямую соприкоснуться с музыкой, поэзией, живописью, театральной сценой, знакомиться с их законами, имеет возможность вникнуть в теорию и историю различных жанров, осваивает в меру своих способностей художественную практику в тех или иных сферах искусства. И если дело поставлено хорошо, если руководит коллективом человек серьезный, знающий, по-настоящему любящий искусство и сам наделенный добрым вкусом, то здесь толк будет! И даже мало-мальски способные люди могут приобрести немало полезного, расширяя свой кругозор, обогащая свои представления о прекрасном.

Другая же сторона всякой художественной самодеятельности обращена уже не только внутрь кружка, студии, ансамбля, а направлена к тем, кому показываются итоги работы самодеятельного коллектива. И вот тут от участников и от руководителя требуется высокая взыскательность к себе, чувство строжайшей ответственности за все, что, как в этих случаях

говорят, выносятся на народ.

Уж тут всякая безвкусица или грубая художественная неточность нетерпима. Снисходительные скидки на то, что, мол, выступают не профессиональные артисты, а любители и притом отличные производственники, дело не спасут...

Нельзя в глазах сотен или тысяч людей порочить хорошее дело, народное искусство, снижать требования, с какими наши люди привыкли подходить к театру, музыке, литературе. И никому не может быть разрешено прививать массам неточные представления о художественном совершенстве, невзыскательные вкусы.

Ведь трудно же, в самом деле, представить себе, чтобы, скажем, какое-нибудь издательство наше решилось выпустить массовым тиражом рыхлый, бесцветный, малоталантливый и не очень грамотный в литературном отношении многолистный роман участника заводского литкружка, хотя бы автор и был превосходным производственником.

Только в том случае, если бы автор действительно проявил недюжинные способности, его произведение после тщательной доработки порекомендовали бы издательству.

А случается почему-то, что у нас по радио и телевидению передают выступления таких коллективов художественной самодеятельности, работа которых еще довольно далека от критериев, с какими наш народ подходит к любому жанру искусства, демонстрируемого публично. И вот миллионы слушателей и зрителей (а ведь радио— и телепередачи у нас обращены к десяткам миллионов людей!) вынуждены иногда довольствоваться неполноценным искусством. Так невольно прививаются искаженные представления о хороших произведениях, люди слышат неточно взятые ноты, неверные интонации, видят далеко не совершенные мизансцены, крикливый наигрыш или тусклое, серое исполнение... Да и самим участникам таких коллективов, не по праву и качеству выступающих перед многомиллионной аудиторией, внушаются ложные представления об их возможностях, якобы уже вот-вот готовых стереть грань между профессиональным и самодеятельным искусством. Тем самым людей дезориентируют в вопросах восприятия истинно прекрасного. Самодеятельность не терпит самонадеянности. Это самовоспитание. Народная художественная самодеятельность призвана быть могучей пропагандисткой и надежной защитницей хорошего вкуса, высоких требований, идейно верных критериев в любой области культуры и эстетики.

Огромная доля ответственности за воспитание правильного вкуса у молодежи лежит на нашей критике, на нашей печати. Молодой, жадный вкус легко поколебать поспешными, непродуманными и не совсем правдивыми оценками, которые иной раз допускаются у нас в прессе, выступающей по поводу тех или иных произведений современного искусства. Мне приходилось не раз наблюдать, с какой обидой и гневом молодежь воспринимает рецензию, полную ложных восторгов в адрес заведомо плохого зарубежного фильма, — автор ее, руководствуясь добрыми или дипломатическими намерениями, не рискнул сказать осуждающую правду, ясную даже и не для очень разборчивого зрителя.

Так зрительский вкус сбивается с толку. Так порой прививаются неверные, ложные критерии в оценке произведений искусства. А это все не воспитывает хороший вкус.

Случается, что и иной наш отечественный серый, непроходимо скучный фильм вдруг попытаются расхвалить лишь за то, что у автора были добрые намерения и верные идеи.

Между тем плохое, скучное, недоброкачественное в художественном отношении произведение искусства, посвященное нужной теме, не только не решает поставленную задачу, но и вредит ей во всех отношениях. И чем серьезней и важней была тема, тем больший вред от неполноценного творения. Ведь оно отвращает людей от большой серьезной темы, компрометирует ее, порой заставляет зрителя отнестись к очень важным вопросам в нашей жизни как к скучным и малоинтересным.

Большую вину за порчу художественного вкуса должна принимать на себя еще и сегодня наша промышленность.

Нельзя больше мириться с уродливыми игрушками, пугающими наших детей, безвкусыми платьями для женщин, аляповатыми, бездарными изделиями, выпускаемыми

для украшения наших жилищ, клубов, гостиниц, санаториев, фойе театров.

Очень верно заметила известная советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян: «Нельзя руководствоваться сомнительным спросом».

Нужно вызывать спрос красотой, хорошим вкусом всех моделей. Нужно стремиться изгнать мещанские образцы из производства, даже если существует на них спрос. Нужно воспитывать своего потребителя, смотреть выше его головы в новую светлую эпоху, эпоху коммунизма, когда каждому захочется иметь около себя только прекрасное».

Писатели, ученые, художники не имеют права оставаться в стороне от чрезвычайно важного для поднятия культуры дела вкуса, от воспитания правильных художественных требований, эстетических устремлений людей.

Как известно, многие талантливые русские художники — В. М. Васнецов, М. А. Врубель, С. В. Малютин и другие — отдали немало сил и таланта для улучшения качества бытовых предметов, в частности мебели. Поэт огромного революционного темперамента, трибун и лирик, Владимир Маяковский не считал для себя зазорным рисовать яркие, привлекательные рекламы для советской торговли, придумывать этикетки для конфет, в которых рекламировал новые метрические меры.

Один из самых талантливых ваятелей нашего времени, В. И. Мухина, создавшая знаменитую группу «Рабочий и колхозница» — скульптурную эмблему нашей эпохи, — с огромным увлечением работала вместе с замечательным советским ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР Н. Н. Качаловым, создателем советского оптического стекла, над проблемой широкого внедрения в наш быт изделий из художественного цветного стекла, смальты и т. д.

Мы не можем оставаться равнодушными к проявлению безвкусицы, будь то пустая, пошлая книга или аляповатая, бездарная картина, в массовом порядке выпущенная якобы для украшения новых квартир, плохой фильм или наспех скроенная телевизионная передача, вычурный фасон платья или убогий, уродливый коврик. Необходимо объединить в этом направлении добрые усилия художников и поэтов, писателей и музыкантов, деревообделочников и швейников, строителей и химиков, ученых и артистов.

Мы обязаны сделать так, чтобы радость постижения красоты, право на которую наш народ завоевал вместе с другими благами жизни, раскрывалась бы повседневно перед каждым.

В этой небольшой книжке я остановился лишь на тех вопросах, которые чаще всего возникают, когда поднимается разговор о вкусах, а, как я уже сказал в начале книги, вести беседы на эту тему с молодежью мне доводилось на протяжении двадцати с лишним лет. Пришла, мне кажется, пора подвести некоторые итоги тем наблюдениям, тем выводам, которые я имел возможность сделать, и поделиться ими с читателями.

Я не собирался писать ученый трактат, решающий любые проблемы художественного вкуса, или давать готовые универсальные рецепты на все случаи жизни.

Ведь даже в поваренной книге предполагается, что каждый солит на свой вкус!

Считаю, что я лишь начал и продолжил теперь нужный разговор, вести который побудили меня сами же мои молодые читатели.

Возможно, многое из того, что я сказал на этих страницах, покажется спорным. Это хорошо. Я бы не хотел, чтобы все читатели мои сразу, без всяких оговорок и раздумий согласились бы с каждым из высказанных мною суждений.

Дело вкуса — серьезное дело.

Вкус надо воспитывать, о вкусах нужно спорить.

Ну что ж, давайте поспорим!